

БРЕГЕЛЬ Э. Я. и ЦАГОЛОВ А. С.

801-13

1590

M 172 / 44

M 172 / 44

ТЕОРИЯ КРЕДИТА

152/534
200

51-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Раздел I. Марксистско-ленинская теория кредита	
Гл. I. Ссудный капитал и процент	5
Гл. II. Формы кредита	37
Гл. III. Роль кредита	99
Гл. IV. Докапиталистический кредит	131
Раздел II. Критика буржуазных и антимарксистских теорий	
Гл. V. Буржуазные теории кредита	149
Гл. VI. Социал-фашистские воззрения в теории кредита	159
Гл. VII. Извращения марксовой теории кредита И. А. Трахтенбергом	174

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа дает изложение марксистско-ленинского учения о кредите эпохи промышленного капитализма (а также о докапиталистическом кредите), с одной стороны, и критику главных направлений антимарксистских теорий — с другой. Что касается кредита эпохи империализма и всеобщего кризиса капитализма и кредитных систем современного капитализма, то развернутое освещение этих вопросов должно составить предмет особой работы. Поскольку, однако, представлялось возможным и необходимым, мы и в настоящей работе, касаясь общих вопросов теории кредита, освещали их на конкретном материале современного капитализма. В частности, в связи с анализом роли кредита в развитии противоречий капитализма дается характеристика современного денежно-кредитного кризиса, более подробный анализ которого может быть дан лишь на основе различного освещения кредита эпохи империализма и всеобщего кризиса капитализма.

Переходя к содержанию настоящей работы, следует заметить, что при исследовании природы ссудного капитала и кредита, а также законов их движения, особое внимание обращается на выяснение тех противоречий капиталистического способа производства, которые неизбежно порождают кредит, и на установление того, как последний, в свою очередь, становится фактором дальнейшего развития и обострения этих противоречий, ибо только при таком подходе к проблеме раскрываются действительное содержание и революционная сущность марксовой теории кредита.

Марксистская теория кредита получила свое дальнейшее развитие в работах Ленина, который, с одной стороны, дал дальнейшую разработку вопроса о роли кредита в разложении мелкого товарного производства и возникновении капитализма, а также о его роли в развитии противоречий капиталистического способа производства, а с другой стороны, исследовал новую роль банков и особенности кредита в эпоху империализма.

В настоящей работе освещен по преимуществу первый из указанных выше моментов ленинского этапа в учении о кредите, так как развернутое освещение ленинского учения о новой роли банков и кредита в эпоху империализма входит в предмет особой работы, посвященной кредиту эпохи империализма.

В противозес марксистско-ленинской теории кредита, базирующейся на всестороннем анализе противоречий капиталистического воспроизводства, буржуазными экономистами развиваются теории

33-57531

2011123513

Отв. ред. Д. Розенберг. Ред. М. Устинов. Тех. ред. И. Румянцев. Выпуск. В. Цветков. Бюро оформлен. № 179 Тираж 20000 Ул. Гл. В.—66723 ГФИ № 63-е Форм. бумага 62×941/16 Объем 11½ п. л. Сдано в прозв. 16/VII-33 г. Подпис. в печ. 16/IX-33 г. Вак. 1867

Отпечатано в типографии изд-ва „Крестьянская газета“ Москва, Суцшевская, 21.

кредита, затушевывающие антагонистическую природу капитализма и рассматривающие кредит не как фактор обострения капиталистических противоречий, но как фактор, вносящий гармонию в капитализм.

С другой стороны, марксистская теория кредита подвергается извращениям со стороны социал-фашистов, выхолащивающих революционное содержание этой теории и стремящихся в наиболее тонкой и замаскированной форме приспособить ее к классовым интересам буржуазии, трактуя кредит как фактор, вносящий организованность в современный капитализм.

Наконец, марксистская теория кредита подверглась идеалистически-формалистическим искажениям и в работах И. А. Трахтенберга.

Поэтому настоящая работа вслед за изучением марксистско-ленинской теории кредита подвергает критическому разбору буржуазные, социал-фашистские и ревизионистские теории, вскрывая их научную несостоятельность, классовую сущность и антиреволюционный буржуазно-апологетический смысл¹⁾.

Излагая в настоящей работе вопросы капиталистического кредита, мы, однако, не считали возможным не касаться совершенно основных вопросов и советского кредита. Так как в плане настоящей работы не представлялось возможным дать достаточно полный анализ советского кредита (то должно явиться предметом специальной работы), то мы останавливались на его характеристике лишь в той мере, в какой это было необходимо для противопоставления капиталистическому кредиту кредита в условиях советской экономики. При этом мы ставили перед собой задачу выявить своеобразную природу советского кредита как одного из рудий социалистического строительства и показать контрреволюционный характер попыток трактовать советский кредит как разновидность капиталистического кредита.

Несколько слов необходимо сказать о схеме построения настоящей работы. Последняя состоит из двух частей: собственного изложения авторов и подобранного для учебных целей хрестоматийного материала. В первом дается систематическое изложение трактующей темы, хрестоматийный же материал содержит систематизированные извлечения, преимущественно из работ Маркса и Ленина по соответствующим вопросам. Такое построение должно облегчить читателям изучение марксистско-ленинской теории кредита, давая возможность ознакомиться с основными положениями этой теории по первоисточникам и в то же время устраняя те значительные трудности, с которыми связано для учащихся непосредственное пользование первоисточниками (известная трудность пользования пятым отделом III тома „Капитала“ и разрозненность высказываний Ленин по вопросам кредита в различных его работах). Хрестоматийный материал („Рабочий материал“), прилагаемый к каждой главе, содержит в себе по каждому вопросу важнейшие высказывания, подобранные из различных работ. В связи с указанным построением книги авторы при собственном изложении предмета сосредоточивают преимущественное внимание на наиболее сложных вопросах темы и менее подробно касаются вопросов, достаточно широко и в доступной форме изложенных в прилагаемом хрестоматийном материале.

¹⁾ Следует иметь в виду, что выражение «антиреволюционный буржуазно-апологетический смысл» относится к буржуазным и социал-фашистским теориям, на мельницу которых летит вода и теория Трахтенберга.

РАЗДЕЛ I

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ КРЕДИТА

ГЛАВА I

ССУДНЫЙ КАПИТАЛ И ПРОЦЕНТ

Приступая к изучению капиталистического кредита, необходимо прежде всего исследовать сущность и природу ссудного капитала, как «особого сорта» капитала, и процента, как специфической формы капиталистического дохода.

В условиях капиталистического способа производства деньги, «помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал»¹⁾ и, следовательно, приносят прибавочную стоимость. Поэтому и сами деньги, как возможный капитал, обеспечивающий при своем функционировании своему владельцу среднюю прибыль, могут превращаться в специфический товар, «или, что сводится к тому же, капитал, как таковой, становится товаром»²⁾ и начинает отчуждаться как товар. Вот этот-то капитал, превращенный в товар и отчуждаемый как товар, образует новую категорию — ссудный капитал, в отличие от промышленного и торгового капитала.

Поскольку в ссудном капитале сам капитал выступает как товар, постольку, следовательно, последний (капитал как товар) должен обладать теми свойствами, которые присущи товару: потребительной стоимостью и стоимостью. Потребительная стоимость этого товара как капитала столь же своеобразна, как и сам этот товар. Она представляет собой не способность удовлетворять человеческие потребности, которой обладают все обычные товары, и не ту общественную потребительную стоимость, которой обладают деньги как всеобщий эквивалент, — потребительная стоимость этого специфического товара есть способность приносить среднюю прибыль. В свою очередь, стоимость этого товара определяется не так, как она определяется для обычных товаров и денег, а «количеством прибавочной стоимости, которое они (деньги. — Авт.) производят для своего владельца»³⁾; и та-

¹⁾ Маркс, «Капитал», том III, ч. I, гл. 21. стр. 315 (цитир. везде по изд. 1907

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 332.

ким образом, «если цена выражает стоимость товара, то процент выражает увеличение стоимости денежного капитала и потому представляется ценой, которая уплачивается за него кредитору»¹⁾.

Отличительная особенность товара-капитала по сравнению с обычными товарами заключается в том, что тогда как вместе с использованием потребительной стоимости последних исчезает и их стоимость, при потреблении потребительной стоимости товара-капитала «его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняются, но еще и увеличиваются»²⁾.

Эта специфичность природы капитала как товара порождает своеобразный характер обращения ссудного капитала и особый способ его отчуждения в форме ссуды.

Если обращение **промышленного** капитала совершается в форме $D-T\dots P\dots T^1-D^1$, обращение **торгового** капитала в форме $D-T-D^1$, то обращение **ссудного** капитала принимает форму $D-D^1$, где деньги без всяких посредствующих звеньев «выжиживают» дополнительные деньги. С первого взгляда движение ссудного капитала носит совершенно независимый и самостоятельный характер по отношению к движению функционирующего капитала. «Движение, характерное для капитала вообще — возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке — для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешнюю форму, оторванную от того действительного движения, формой которого она служит»³⁾. На самом же деле движение ссудного капитала осуществляется лишь на основе движения функционирующего капитала. «Лишь благодаря тому, что капитал, отданный в ссуду, функционирует в руках заемщика в качестве промышленного или торгового капитала, т. е. совершает кругооборот $D-T\dots P\dots T^1-D^1$ или $D-T-D^1$, лишь благодаря этому он может приносить проценты, которые поступают по истечении срока ссуды к владельцу ссудного капитала и которые, следовательно, являются частью средней прибыли, извлекаемой функционирующим капиталистом в результате эксплуатации наемного труда.

Это свидетельствует о том, что ссудный капитал теснейшим образом связан с функционирующим капиталом и свое движение совершает на основе движения функционирующего капитала. Ссудный капитал может быть понят лишь в единстве с функционирующим капиталом, в единстве, в котором определяющую роль играет функционирующий капитал, точнее промышленный капитал, в движении которого реализуется основное капиталистическое отношение — отношение между наемным трудом и капиталом. В движении же ссудного капитала **непосредственно** выступает производное от этого основного капиталистического отношения — отношение между денежными капиталистами и функционирующими.

В связи с этим следует отметить то изречение, которому подверглась марксово учение о ссудном капитале в работах Трахтенберга. Обращая внимание лишь на момент различия, которое существует между ссудным и функционирующим капиталом, он совершенно упускает из виду то внутреннее единство, которое связывает эти виды капитала. Установив же это одностороннее и неправильное соотношение между ссудным и функционирующим капиталом, Трахтенберг

приходит к вздорному выводу о «господстве закономерностей движения ссудного капитала» над функционирующим. За внешней видимостью явлений он в своей формалистической концепции упускает из виду их внутреннюю связь⁴⁾.

В действительности ссудный капитал может совершать непрерывно свое обращение $D-D^1$, лишь при условии включения его в общий процесс обращения капитала, в $D-T-D^1$. Тогда развернутая форма движения ссудного капитала будет $D-T-D^1-D^1-D^1$. Это означает, что денежный капиталист вначале авансирует в форме ссуды свой капитал функционирующему капиталисту, который пускает этот капитал в процесс реального кругооборота, в результате чего к нему возвращаются авансированные деньги плюс средняя прибыль; в свою очередь функционирующий капиталист передает занятый денежный капитал кредитору с процентом, составляющим часть средней прибыли.

Следует, однако, иметь в виду, что в действительности в капиталистическом обществе на ряду с функционирующими капиталистами в качестве заемщиков выступают и землевладельцы, непосредственно расстреливающие занятые деньги на цели личного потребления, а также и само капиталистическое государство, использующее займы не менее непроизводительно на цели вооружения, содержания своего аппарата, ведения войн и т. п. Хотя во всех этих случаях обращение ссудного капитала **непосредственно** не включается в процесс обращения функционирующего капитала, тем не менее единство ссудного и функционирующего капитала при примате последнего над первым этим не нарушается, так как источником процента, уплачиваемого по этим займам, остается все же прибавочная стоимость (в форме земельной ренты, налогов и т. д.), созданная в процессе кругооборота функционирующего капитала. Разница здесь заключается лишь в том, что в случае, когда заемщиками выступают функционирующие капиталисты, занятый капитал в их руках функционирует и приносит прибавочную стоимость, из которой они и уплачивают своим кредиторам проценты; в других же случаях занятые деньги не превращаются в функционирующий капитал; проценты же уплачиваются из прибавочной стоимости, созданной применением других капиталов. Следовательно, во всех этих случаях действительный кругооборот денег как капитала является предварительным условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возратить деньги кредитору. Если заемщик не затратит деньги как капитал, это — его дело. Заимодавец ссужает деньги как капитал и, как таковой, они должны проделать функций капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до возвращения в денежной форме к его исходному пункту»⁵⁾.

Подчеркивая связь и единство ссудного капитала и функционирующего, не следует упускать из виду и различие между этими видами капитала. Эта связь и единство носит диалектический характер, а следовательно, ссудный и функционирующий капиталы, образующие это единство, обладают по отношению друг к другу известной самостоятельностью и даже, как будет показано дальше, находятся в известной противоположности друг к другу.

Это игнорируют представители механистически-натуралистиче-

¹⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 21, стр. 332.

²⁾ Там же, стр. 318.

³⁾ Там же, стр. 325.

⁴⁾ Подробнее об этом см. во II разделе.

⁵⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 21, стр. 326.

ского понимания кредита (Каценеленбаум, Финн-Енотаевский и др.), отождествляющие ссудный капитал с реальным капиталом и не видящие специфичности ссудного капитала как категории, отличной от функционирующего капитала, хотя и связанной с ним. Механистическое сведение ссудного капитала к реальному, сочтясь у натуралистов с фетишистским пониманием самого реального капитала как совокупности вещей — орудий и средств производства (а не как принявшего форму вещей классового отношения буржуазного общества), становится, в свою очередь, исходным пунктом для перенесения натуралистами категории ссудного капитала в советскую экономику ¹⁾.

Выше мы выяснили особенности обращения ссудного капитала, связь его с реальным капиталом и отличие от последнего. Далее следует иметь в виду, что из специфической природы ссудного капитала вытекает и **своеобразие формы его отчуждения**. При отчуждении ссудного капитала стоимость «не поступает в уплату, не продается, а лишь отдается в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и возвратится, во-вторых, как реализованный капитал, реализовав ту свою потребительную стоимость, что она производит прибавочную стоимость» ²⁾.

«Отдача в ссуду является таким образом соответственной формой для отчуждения стоимости как капитала, а не как денег или товара» ³⁾.

Дальнейшей особенностью ссудного капитала как капитала, приносящего проценты, является то, что свойственный вообще капиталу фетишизм, — овеществление производственных отношений, достигает здесь своего крайнего развития.

Если вообще «форма дохода и источники дохода выражают отношения капиталистического производства в фетишистической форме» ⁴⁾, то особая форма капиталистического дохода — процент — отличается своим особенно **фетишистическим** характером, так как доход здесь как бы непосредственно сростается с капиталом как таковым, с самой собственностью на капитал и представляется прямым порождением этой последней. Вместе с тем и ссудный капитал, представляющий собою капитал, приносящий проценты, оказывается наиболее фетишистской формой капитала. Конечно, уже промывленный капитал имеет фетишистский характер, поскольку превращение прибавочной стоимости в прибыль и в среднюю прибыль приводит к представлению, что все части капитала в одинаковой мере создают прибыль. Уже здесь общественное отношение (прибавочная стоимость) выступает как порождение вещей. Но здесь хоть эта чудесная способность создавать прибавочную стоимость приписывается вещам, функционирующим в процессе производства и обращения. Капиталистическая эксплуатация уже здесь затенена, но все же «в капитале и прибыли имеется еще воспоминание об его прошлом» ⁵⁾. Зато в ссудном капитале и это воспоминание исчезает, и маскировка капиталистической эксплуатации достигает своего максимума, ибо способность создавать прибавочную стоимость приписывается здесь уже не просто вещам,

а вещам как таковым, независимо от какого бы то ни было функционирования их. Таким образом, «в капитале, дающем проценты, фетиш завершен» ¹⁾, ибо «общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе» ¹⁾.

Вместе с тем, с другой стороны, в ссудном капитале **антагонистический** характер капиталистического способа производства выступит в наиболее оголенной форме. Если при рассмотрении движения промывленного и торгового капитала их возрастание может еще представляться результатом трудовых, организационных усилий самих функционирующих капиталистов, то самовозрастание ссудного капитала, то, что он обеспечивает своему собственнику проценты, выступает уже как прямой результат голого факта собственности на общественные средства производства, «абстрактным выражением» которых являются деньги.

Все это позволяет рассматривать ссудный капитал, как наиболее адекватную (соответствующую природе капитала) форму существования капитала. В ссудном капитале, с одной стороны, находит свое наиболее четкое выражение сущность капитала, как самовозрастающей стоимости (в $D-D'$ деньги без всякого посредствующего звена приносят большее количество денег) а с другой стороны, в нем наиболее резко проявляется антагонистический характер капиталистического общества, то, что капитал «как самостоятельная сила противостоит живой рабочей силе и является средством присваивать неоплаченный труд» ²⁾.

Подведя, таким образом, итоги изучению ссудного капитала как специфической категории капиталистического способа производства, перейдем теперь к более подробному рассмотрению процента, как своеобразной формы прибавочной стоимости, присваиваемой этим капиталом.

Прежде всего следует обратить внимание на **качественную** характеристику процента. Для того, чтобы правильно подойти к этой характеристике, нужно исходить из следующих основных положений: 1) процент есть **часть** прибыли, а следовательно, и прибавочной стоимости, 2) процент есть **особая** конкретная форма прибавочной стоимости. Это означает, что мы должны, с одной стороны, обращать внимание на **единство**, связывающее процент с другими видами прибавочной стоимости, а с другой стороны, не упускать из виду и **различия** между процентом и другими формами прибавочной стоимости.

Процент есть **разновидность капиталистического дохода** — прибавочной стоимости. Общим базисом процента и всех других форм прибавочной стоимости является, таким образом, характерная для капиталистического способа производства **эксплуатация наемного труда капиталом**. Поскольку прибавочная стоимость в целом выражает основное антагонистическое отношение буржуазного общества — присвоение неоплаченного прибавочного труда наемных рабочих классом капиталистов, процент же является частью прибавочной стоимости, постольку и процент выражает это же **антагонистическое, классовое** отношение, отношение **эксплуатации**, при чем именно здесь «явно выступает, что это отношение, а не какой-либо эквивалентный труд капиталиста, служит

1) Критику механистической трактовки кредита см. в разделе II

2) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 21, стр. 320

3) Там же, стр. 327.

4) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 1.

1) Маркс, «Теория прибавочной стоимости», изд. 1924 г., т. III, стр. 355.

2) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 23, стр. 356.

титulum и средством для присвоения чужого труда¹⁾. Эксплуататорский характер капиталистического дохода получает в проценте свое наиболее резкое выражение.

Представляя собою плоть от плоти прибавочной стоимости, процент в то же время в качестве **своей** формы прибавочной стоимости отличается от других ее форм. Для того, чтобы выяснить эти особенности, нужно оглянуться на тот путь, который прodelывает прибавочная стоимость, выходя из тайников капиталистического производства и выступая на поверхности явлений. Прибавочная стоимость, создаваемая в капиталистическом процессе производства, пройдя через сферу обращения, принимает превращенную форму прибыли. «Превращение» это заключается в том, что в прибыли прибавочная стоимость выступает «как реализованный в процессе обращения избыток над издержками производства товара»²⁾, т. е. прибавочная стоимость выступает не как продукт эксплуатации наемного труда, но «как кажется, происходит от принадлежащих самому капиталу сокровищных свойств». Эта фетишизация производственных отношений и маскировка капиталистической эксплуатации получает свое дальнейшее развитие в результате превращения прибыли в среднюю прибыль. Благодаря образованию средней нормы прибыли разные капиталы дают равный доход, независимо от того, какое количество труда приводят они в движение. Это еще больше затемняет эксплуатацию и укореняет фетишистское представление, что «каждая часть капитала в равной степени способна производить прибыль»³⁾.

Если, таким образом, прибыль и средняя прибыль представляют собою превращенную и затемненную форму прибавочной стоимости, то в проценте это «превращение» и вместе с тем искажение действительных отношений выражается **своим** образом и достигает своего апогея. В то время как прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, процент непосредственно выступает как превращенная форма прибыли и лишь посредствующим образом (через прибыль) он является превращенной формой самой прибавочной стоимости. Если «прибыль... есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в затемненной форме»⁴⁾, то о проценте можно сказать, что он есть та же прибавочная стоимость, но только вдвойне затемненная. Дело в том, что хотя уже в прибыли прибавочная стоимость выступает в искаженной форме, представляясь продуктом самого капитала, но при этом она, по крайней мере, представляется продуктом **функционирующего** капитала, проходящего ряд метаморфоз в сфере производства и обращения. Иное мы видим в проценте. Процент представляет собою доход не «капитала-функции», а «**капитала-свободности**», оторванный от каких бы то ни было реальных функций. Капитал, приносящий проценты, как таковой, не знает никаких метаморфоз, оставаясь все время в денежной форме. «Исчезновение категорий: купля, цена, предметы, и та непосредственная форма, в которой появляется здесь прибавочная стоимость»⁵⁾, — вот что специфически характерно ует процент, как сугубо затемненную и иррациональную форму прибавочной стоимости. Процент, это уже не прибавочная стоимость, выступающая

в форме продукта **действующего капитала** (как прибыль), но **прибавочная стоимость**, принявшая форму продукта **самой собственности на капитал**.

Было бы, однако, неверно думать, что маскировка капиталистической эксплуатации, развивающаяся до крайней степени в судном капитале, касается только **части** прибыли—процента. Выделение из прибыли процента, как особой формы капиталистического дохода, затемняет и устой фетишистской целой не только источник происхождения **этой** части прибавочной стоимости (т. е. части, приходящей на долю процента), но вместе с тем еще глубже скрывает от глаз действительный источник и **другой** ее части, а именно той, которая остается за вычетом из средней прибыли процента и которая носит название **предпринимательского** дохода. В самом деле, распадение прибыли на процент и предпринимательский доход обуславливает известные противоречия **внутри самого капитала**—противоречия между судным и функционирующим капиталом, при чем благодаря этому затемняется ршающий антагонизм—антагонизм между наемным трудом и капиталом.

Заслуживает внимания то, что на этой основе в свое время мелкобуржуазные социалисты-утописты (в частности Прудон) развили свои кредитные иллюзии. Характерная особенность последних заключается в том, что в них критика капитализма направляется не против его основ, а против его производных форм, в частности против судного капитала и капиталистического кредита. Путем так называемого «дарового кредита» («Cr dit gratuité Прудона), т. е. общественно организованного и беспроцентного кредита, они мечтали устранить классовые противоречия и эксплуатацию без уничтожения их основы—товарного производства. Само собой разумеется, что все попытки практического осуществления этих утопий неминуемо должны были потерпеть, и действительно потерпеть, полное фиаско. Мелкобуржуазная кредитная утопия Прудона, по словам Маркса, свидетельствует лишь о том, «как плохо понял Прудон природу капитала», когда он особую форму прибавочной стоимости—процент—отождествил с прибавочной стоимостью вообще и тем самым «движение капитала вообще он изображает как движение, характерное для капитала, приносящего проценты»⁶⁾. Взгляды Прудона покоятся на непонимании того основного факта, что развитие товарного производства порождает капитализм, а последний неизбежно выделяет судный капитал и кредит, уничтожение которых возможно поэтому лишь на основе уничтожения самого строя капитализма и перехода к социализму.

В самое последнее время, в условиях всеобщего кризиса капитализма, когда классовый антагонизм достигает крайней остроты и сама капиталистическая система находится под непосредственной угрозой революционного ее ниспровержения, господствующий теперь финансовый капитал вытаскивает из архива истории старую ветхую кредитную иллюзию, используя их в демагогических целях одурачивания мелкой буржуазии и отсталых слоев рабочего класса. Ярким примером этого может служить экономическая программа германского фашизма (национал-социалисты), одним из характерных элементов которой является громкий но насквозь фальшивый лозунг: «против процентного рабства» (Zinsknechtschaft). Обещая, став у власти, снизить проценты

1) Маркс, «Капитал», том III, ч. 1, гл. 21, стр. 332—333.

2) Там же, гл. 1, стр. 22.

3) Там же, гл. 9, стр. 145.

4) Там же, гл. 1, стр. 11.

5) Там же, гл. 21, стр. 323.

6) Маркс, «Капитал» т. III, ч. 1, гл. 21, стр. 323,

до долгам и даже вовсе уничтожить их, они тем самым пытаются привлечь в свои ряды широкие слои крестьянства, хозяйства которых, деградирующие в условиях острейшего аграрного кризиса, доводятся до последнего и тощенького глотка непосильной задолженности. Чего стоит эта фашистская демагогия, ясно обнаруживается из позиции национал-социалистов по отношению к самому капиталистическому строю производства. Об этом недвусмысленно свидетельствует амвожд германского фашизма Гитлер, который в ответ на заданный ему вопрос, произведет ли он, придя к власти, государственные крупных капиталистических предприятий, заявил: «Что вы думаете, я с ума сошел и хочу разрушить хозяйство? Только если бы предприниматели не действовали в интересах национального государства, мы должны были бы вмешаться, но для этого не надо конфискации или участия государства в руководстве предприятием. Сильное государство это и так сумеет сделать».

Филлиппики против «процентного рабства» служат лишь дымовой завесой для защиты капиталистического наемного рабства, для прогаскивания буржуазно-апологетических теорий об отсутствии эксплуатации наемного труда капиталом и антагонизма между предпринимателями и рабочими. Это опять-таки ярко выражено в словах самого Гитлера: «Предприниматель, несущий ответственность за производство, дает рабочим хлеб. На оное чего вы требуете от него, чтобы он допустил их к участию в прибылях или к руководству предприятием? Вы хотите послать ему на шею чиновника или фабзавком, не имеющий никакого понятия о производстве? Ни один руководитель хозяйства этому не подчинится»).

Мы видим, таким образом, как агенты капитала используют в своих классовых целях факт распада прибыли на процент и предпринимательский доход, выдавая видимость явнейший за их сущность.

Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход замаскировывает действительный источник происхождения обеих этих частей прибавочной стоимости. В то время как процент представляется плодом капитала, как такового, предпринимательский доход представляется продуктом труда самого капиталиста, но ни тот, ни другой не выступают наружу как продукт эксплуатации наемных рабочих. Эксплуататорская сущность обоих видов капиталистического дохода, их связь с прибавочной стоимостью, таким образом, изглаживается. За антагонистической формой обеих частей, на которые распадается прибыль, т. е. прибавочная стоимость, забывается, что обе они являются просто частями прибавочной стоимости и что деление ее ничего не может изменить ни в ее природе, ни в ее происхождении и условиях ее существования»¹⁾.

Следует при этом подчеркнуть, что указанное количественное деление прибыли на процент и предпринимательский доход, базирующееся на обособлении капитала собственности от функционирующего капитала, в своем развитии превращается в качественное, т. е. это деление не только относит их к тем случаям, когда функционирующий капиталист действительно применяет в своем предприятии заемный капитал, но распространяется на весь капитал; следовательно, прибыль представляется составляющейся из процента и предприниматель-

ского дохода даже тогда, когда капиталист затрачивает свой собственный капитал. Это превращение количественного деления прибыли в качественное, как указывает Маркс, обуславливается следующими обстоятельствами:

1) широкое развитие кредита приводит к тому, что функционирующие капиталисты, как правило, применяют на ряду со своим и заемный капитал;

2) даже если отдельные функционирующие капиталы ты применяют только свой капитал, то и в этом случае, ведь, в капиталистическом обществе уже имеется ссудный капитал, обособившийся от функционирующего, а потому каждый отдельный капиталист может превратить свой капитал из функционирующего в ссудный, т. е. превратиться в чистого собственника капитала и получать проценты (хотя превращение всего функционирующего капитала в ссудный, конечно, немалым, так как ссудный капитал может существовать только на базе функционирующего);

3) процент исторически предшествует капиталистическому способу производства (ростовщический капитал), а потому при возникновении капиталистического строя капитал с самого начала в народном представлении обладает свойством приносить именно проценты. Все это ведет к тому, что весь капитал рассматривается как капитал, приносящий проценты, а избыток прибыли над процентом (предпринимательский доход) представляется результатом деятельности самого капиталиста, т. е. «взаимное обособление обеих частей валовой прибыли, как если бы они происходили из двух существенно различных источников, должно теперь установиться для всего класса капиталистов и для всего капитала»²⁾.

Переходя к количественной характеристике процента, нужно опять-таки исходить из: 1) единства процента и прибыли и 2) различий между ними. Из единства процента и прибыли, из того, что процент есть обособившаяся часть прибыли, вытекает, что и норма (т. е. уровень, величина) процента связана с нормой прибыли. Эта связь выражается прежде всего в том, что норма прибыли пределяет себе максимальную границу нормы процента. Оставляя в стороне отдельные моменты (в частности во время кризисов), когда в силу экстраординарного спроса на ссудный капитал норма процента может временно даже превышать норму прибыли, в целом норма процента колеблется в рамках нормы прибыли. Далее, из того, что процент есть часть прибыли, а норма процента, как правило, меньше нормы прибыли, следует, что и движение нормы процента находится в известной связи и зависимости от движения нормы прибыли (вопреки противоположному взгляду Гильфердинга, отрицающего ссудный капитал от промышленного и процент от прибыли). Норма прибыли с развитием капитализма обнаруживает, как известно, тенденцию к понижению; значит, такую же тенденцию должна обнаруживать и норма процента. В противном случае (т. е. если бы норма прибыли падала, а норма процента оставалась бы неизменной или, тем более, если бы она росла) получился бы абсурдный вывод, что часть (процент) может быть больше целого (прибыли).

При наличии указанной связи между нормой процента и нормой прибыли не следует забывать и о различиях между ними. Здесь мы подхо-

¹⁾ Цитируется по ст. Вальда «Гитлер (Наемник монополистического капитала» «Известия ЦИК» от 12/1 1932 г. № 12.

²⁾ Маркс, «Капитал» т. III, ч. 1, гл. 23, стр. 357.

1) Маркс, «Капитал» т. III, ч. 1, гл. 23, стр. 351.

дим к вопросу о **специфическом** определении нормы процента. В то время как норма прибыли определяется нормой эксплуатации, органическим составом капитала и скоростью оборота последнего, норма процента определяется лишь конкуренцией между денежными и функционирующими капиталами, спросом и предложением ссудных капиталов. Специфический характер факторов, определяющих норму процента, в отличие от факторов, определяющих норму прибыли, приводит затем к тому, что и движение нормы процента характеризуется своими особыми закономерностями.

Выше мы установили, что тенденции нормы прибыли к понижению обуславливает такую же тенденцию и нормы процента. Но, помимо этого влияния нормы прибыли, тенденции нормы процента к понижению обуславливается и **специфическими условиями**. С развитием капитализма растет не только промышленный, но и ссудный капитал, при чем последний в своем росте отнюдь не должен только следовать за первым, но может увеличиваться и значительно быстрее. Это обуславливается, с одной стороны, тем, что все большая часть капиталистов превращается из функционирующих капиталистов в рантье, а с другой стороны, тем, что с развитием банков и кредитной системы все большая часть свободных денежных капиталов и доходов втягивается в русло кредита и превращается в ссудный капитал. Увеличивающееся благодаря обему этим причинам предложение ссудных капиталов давит на норму процента и обуславливает понижательное ее движение. Таким образом, тенденция нормы процента к понижению не сводится всецело к тенденции нормы прибыли к понижению, т. е. к условиям движения промышленного капитала, но вытекает также и из специфических условий движения самого ссудного капитала.

Подводя итоги всему сказанному выше о ссудном капитале и проценте, мы можем установить следующее:

1) Ссудный капитал есть разновидность **капитала** и в качестве такового он выражает основное капиталистическое отношение — эксплуатацию наемных рабочих капиталистами.

2) Процент есть форма **прибавочной стоимости** и, следовательно, выражает **присвоение** капиталом неоплаченного прибавочного труда наемных рабочих.

3) Ссудный капитал есть **особый** вид капитала и в качестве такового характеризуется тем, что здесь сам **капитал превращается в товар** и приобретает особую форму движения (Д—Д'), специфическую форму отчуждения (ссуда), до крайней степени развивает фетишизацию капиталистических отношений и наиболее резко выражает антагонистическую природу капиталистического способа производства.

4) Процент есть **особый** вид прибавочной стоимости, отличаясь от других ее форм тем, что он выступает **как продукт самой собственности** на капитал, т. е. в наиболее фетишистической форме.

5) Норма процента **ограничена** нормой прибыли и в своем движении **зависит** от последней, но в то же время определяется исключительно соотношением спроса и предложения ссудных капиталов.

Рассмотрев ссудный капитал и процент как категории капиталистического хозяйства, следует обратить внимание на непротивительность этих категорий к советской экономике и на особую природу советского кредита, принципиально отличного от кредита капиталистического.

При этом следует исходить из указаний Маркса, Ленина и Сталина

о роли кредита в переходный период. В противоположность теоретикам II интернационала (Гильфдинг, Рунер и др.), рассматривающим кредит как фактор мирного вращающегося капитализма в социализм, марксистско-ленинская теория, отводя кредит важную роль «мощного рычага во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда»¹⁾, рассматривает кредит «лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом производстве»²⁾, т. е. обуславливает эту роль кредита революционным ниспровержением капиталистического строя и установлением диктатуры пролетариата.

Переходя к рассмотрению сущности и роли кредита в СССР, следует с самого же начала подчеркнуть абсолютную недопустимость перенесения категорий капиталистического кредита на советскую экономику. Капиталистический кредит, как было нами выяснено раньше, представляет собою движение ссудного капитала; ссудный же капитал есть особый вид капитала и в качестве такового выражает (притом в наиболее резкой форме) основное антагонистическое отношение капитализма — отношение между наемным трудом и капиталом. Поскольку в СССР средства производства не привносятся производителям в качестве чужой собственности, но принадлежат им самим, поскольку в социалистической промышленности и в социалистическом сельском хозяйстве нет места капиталу и прибавочной стоимости, — постольку в них нет и не может быть места и ссудному капиталу и проценту. Те деньги, которые дает Госбанк в ссуду промышленности, в такой же мере не являются ссудным капиталом, в какой машины на государственной фабрике или заводе не являются производительным капиталом. В свою очередь те проценты, которые получает Госбанк по предоставляемым им кредитам, ничего общ. го не имеют с разновидностью прибавочной стоимости — процентом на ссудный капитал. При этом нас не должна вводить в заблуждение сама форма ссуды, ибо, как было установлено еще Марксом, «хотя ссуда является... соответственной формой для отчуждения стоимости как капитала», тем не менее, «отсюда отнюдь не следует, что отдача в ссуду не может быть формой и таких сделок, которые не имеют никакого отношения к капиталистическому процессу воспроизводства»³⁾.

В буржуазной и ревизионистской литературе мы встречаемся, однако, с отрицанием или смазыванием коренного отличия советского кредита от капиталистического. Так, например, Каценеленбаум отличие советского кредита от капиталистического видит лишь, если посмотреть на клиентуру Госбанка с точки зрения состава тех юридических лиц, которые пользуются в нем кредитом»⁴⁾, утверждая в то же время, что, с народнохозяйственной точки зрения «в сущности Госбанк в общем снабжает средствами те же предприятия, которые получали кредит в бывших частных коммерческих банках»⁵⁾. Оказывается, таким образом, что нет никакого различия между заводом Рябушинского и советским АМО, между кредитованием капиталиста, прибегающего к кредиту для расширения сферы эксплуатации, и кре-

1) Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 36, стр. 145.

2) Там же, ч. 1, гл. 21.

3) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 21, стр. 327.

4) Каценеленбаум «Учение о деньгах и кредите», 4-е изд., ч. 2, стр. 542.

5) Там же стр. 543.

дитованием советского господприятия, использующего этот кредит для скорейшего и успешного социалистического строительства. Трахтенберг, со своей стороны, утверждал, что, «обращаясь к советской системе хозяйства, надо и здесь констатировать наличие ссудного капитала»¹⁾. Правда, считаясь с очевидностью, он готов признать, что «тх общественных отношений, выразителем которых являются категория капитала, по крайней мере, в социалистическом секторе народного хозяйства, нет», однако «по своим формальным признакам то, что мы в условиях советского хозяйства называем ссудным капиталом, похоже на ссудный капитал буржуазного общества»²⁾. Таким образом, Трахтенберг следует и здесь своему формалистическому идеалистическому методу, отрывая форму от содержания и рассматривая ссудный капитал как бессодержательную форму, действительную для самых различных и противоположных типов общественного хозяйства. Характерно также, что, перенося как горю ссудного капитала на советскую экономику, Трахтенберг аргументирует в духе меновой концепции, а именно он ссылается на то, что «у нас во всем народном хозяйстве сохраняются товарно-денежные отношения, производственный процесс представляется как движение и метаморфоз различных форм капитала, в сфере обращения функционирует ссудный капитал»³⁾. То, что сфера обращения в советском хозяйстве обслуживает совершенно иной процесс **вспроизводства**, а потому в корне меняет и свою собственную природу, он не видит.

Если глубже подойти к вопросу, то нужно сказать, что отрицание принципиальной противоположности капиталистического и советского кредита коренится в отрицании противоположности капиталистической и советской систем хозяйства в целом, в контрреволюционной трактовке советского хозяйства, как разновидности капиталистического. Эта связь отрицания особой природы советского кредита с отрицанием особой природы советского хозяйства, как хозяйства строящегося социализма, ясно видна на примере буржуазно-вредительских троцкистских и право-оппортунистических теорий. Так, например, известный буржуазный экономист и вредитель Юровский, отрицая принципиальные отличия советских денег и кредита от капиталистических в то же время неустанно пытался советское хозяйство в целом изображать как «разновидность товарно-денежного хозяйства». В свою очередь, троцкисты на XIV съезде партии, как известно, выступили с утверждением, что советское хозяйство представляет собою систему госкапитализма, ссылаясь при этом, в числе прочих моментов на наличие в СССР денежного обращения и кредита. Тов. Сокольников, подкрывая эту концепцию, дошел до объявления Госбанка госкапиталистическим учреждением, на что и получил надлежащий ответ тов. Сталина.

Коренной порок, предопределяющий несостоятельность всякого рода попыток отожествления или сближения советского кредита и банков с капиталистическими, заключается в недиалектическом, формалистическом подходе к вопросу. Вместо того, чтобы исходить из анализа самого **способа производства**, от характера которого зависит и характер кредита и кредитной системы, берут за основу внешнюю

сторону дела и за внешними чертами сходства упускают из виду существенные, принципиальные различия. В противовес этому руководящим при подходе к кредиту в СССР должно быть для нас указание т. Сталина, вытекающее из данного им анализа двойственности непа, о том, что категории, которые в свое время были капиталистическими (деньги, торговля, сюда же следует отнести и кредит) и являлись оружием в руках буржуазии, коренным образом меняют свою природу и роль в условиях советского хозяйства. «Социалистические элементы нашего хозяйства, — указывает т. Сталин, — борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов... стало-быть, благодаря диалектике нашего развития функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму»⁴⁾.

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ

к главе I «Ссудный капитал и процент»

I. СУЩНОСТЬ ССУДНОГО КАПИТАЛА

а) Капитал как товар

...Деньги, взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, существует ли она в действительности в форме денег или товара, — могут быть превращены на основе капиталистического производства в капитал и вследствие такого превращения из данной стоимости делают самовозрастающей, увеличивающейся стоимостью. Они производят прибыль, т. е. позволяют капиталисту извлекать из рабочих и присваивать определенное количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Таким образом, помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительная стоимость состоит здесь как-раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. Благодаря этому своему свойству возможного капитала, средства для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром *suí generis*, или, что сводится к тому же, капитал, как таковой, становится товаром.

Предположим, что годовая средняя норма прибыли равняется 20%. В таком случае машина стоимостью в 100 ф. ст., которую употребляют как капитал при средних условиях, с средней степенью интеллигентности и целесообразности, дала бы прибыль в 20 ф. ст. Из этого следует, что человек, располагающий 100 ф. ст., держит в руках власть превратить 100 в 120, или произвести прибыль в 20 ф. ст. В его руках находится возможный капитал в 100 ф. ст. Если этот человек уступает эти 100 ф. ст. на год другому, который действительно применит их как капитал, он дает ему власть произвести 20 ф. ст. прибыли, произвести прибавочную стоимость, которая ничего ему не стоит, за которую он не уплачивает никакого эквивалента. Если это последнее лицо уплачивает собственнику этих 100 ф. ст. в конце года, предположим, 5 ф. ст., т. е. часть произведенной прибыли, то он оплачивает таким

¹⁾ Сталин, полноточет XIV партсъезду.

²⁾ Теория кредита

¹⁾ Трахтенберг «Современный кредит», изд. 1-е, стр. 285.

²⁾ Там же, стр. 286.

³⁾ Там же.

образом потребительная стоимость этих 100 ф. ст., потребляемая стоимостью их функции как капитала, функции, необходимой для производства 20 ф. ст. прибыли. Часть прибыли, уплачиваемая владельцу этих денег, называется процентом, что, следовательно, является не чем иным, как особым названием, особой рубрикой той части прибыли, которую функционирующий капитал должен выплатить владельцу капитала вместо того, чтобы положить ее в собственный карман.

Ясно, что обладание этими 100 ф. ст. дает их владельцу силу привлечь к себе процент, некоторую часть прибыли, произведенной его капиталом. Если бы он не отдал этих 100 ф. ст. какому-нибудь другому лицу, то это последнее не могло бы произвести прибыль, вообще не могло бы функционировать в качестве капиталиста по отношению к этим 100 ф. ст. ...

... Что дает денежный капиталист заемщику, промышленному капиталисту? Что он отчуждает ему в действительности? А только акт отчуждения превращает ссуду денег в отчуждение денег как капитала, т. е. в отчуждение капитала как товара.

Только посредством акта этого отчуждения капитал дающего ссуду как товар или же товар, которым он располагает как капитал, передается какому-либо другому лицу.

Что отчуждается при обычной продаже? Не стоимость проданного товара, так как она только меняет свою форму. Она существует идеально в товаре как цена, прежде чем реально перейти в форме денег в руки продавца. Одна и та же стоимость и одна и та же величина стоимости изменяют здесь только свою форму. В одном случае они существуют в товарной форме, в другом случае — в денежной форме. То, что действительно отчуждается от продавца, а потому переходит в сферу индивидуального или производительного потребления покупателя, это — потребительная стоимость товара, товар как потребительная стоимость.

Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передает промышленному капиталисту, заемщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги приобретают вследствие того, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они производят в своем движении определенную прибавочную стоимость, среднюю прибыль (то, что превышает эту норму или стоит ниже ее, представляется здесь случайностью) сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости. Потребительная стоимость остальных товаров в конце-концов потребляется, и вместе с тем исчезает субстанция товара, а с нею и его стоимость. Товар-капитал, напротив, обладает той особенностью, что потреблением его потребительной стоимости его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняются, но еще и увеличиваются.

Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту на то время, на которое он передает этому последнему право распоряжаться ссуженным капиталом...

... Что же платит промышленный капиталист и что таким образом является ценой ссужаемого капитала? То, что люди платят как процент за пользование тем, что они занимают, — по Мэсси, — есть часть той прибыли, которую может произвести взятое в ссуду.

Покупатель обыкновенного товара покупает потребительную стои-

мость этого товара, а уплачивает его стоимость. Заемщик денег также покупает их потребительную стоимость как капитала; но что он уплачивает? Конечно, не их цену или стоимость, как это происходит с другими товарами...

... Стоимость денег или товаров как капитала определяется не их стоимостью как денег или товаров, а количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 1, гл. 21).

б) Своеобразная форма обращения капитала, приносящего проценты

Прежде всего мы рассмотрим своеобразное обращение капитала, приносящего проценты. Затем, во вторую очередь, следует рассмотреть тот особый способ, каким он продается как товар, именно, как он ссужается, а не уступается риз навсегда.

Исходной точкой служат деньги, которые А ссужает В. Ссуда может быть сделана под залог или без залога; однако, первая форма более древняя, если исключить ссуды под товары или под долговые обязательства, как то: векселя, акции и т. д. Эти особые формы нас здесь не интересуют. Мы имеем дело здесь с капиталом, приносимым процентами, в его обычной форме.

В руках В деньги действительно превращаются в капитал, производяют движение $D-T-D'$ и затем снова возвращаются к А как D' , как $D+d$, где d представляет процент. Для обращения m пока оставляем в стороне тот случай, когда капитал остается в руках В на более продолжительное время и проценты выплачиваются в определенные сроки.

Итак, движение таково: $D-D-T-D'-D'$.

То, что здесь повторяется дважды, так это: 1) расходование денег как капитала, 2) обратный приток их, как реализованного капитала, как D' или $D+d$.

При движении торгового капитала $D-T-D'$ один и тот же товар дважды, а в тех случаях, когда купец продает купцу, и многократно переходит из одних рук в другие; но каждое такое перемещение одного и того же товара означает метаморфоз, куплю или продажу товара, сколько бы раз ни повторялся этот процесс, пока товар не выйдет окончательно в сферу потребления.

С другой стороны, если в $T-D-T$ и совершается двукратное перемещение одних и тех же денег, однако это указывает на полный метаморфоз товар, который сначала превращается в деньги, а затем из денег опять в другой товар.

Напротив, в капитале, приносящем проценты, первое перемещение D отнюдь не является ни моментом в метаморфозе товара, ни моментом в воспроизводстве капитала. Таким моментом перемещение становится лишь при вторичной затрате, в руках функционирующего капиталиста, который ведет с этими деньгами торговлю или превращает их в производительный капитал. Первое перемещение D не выражает здесь ничего иного, кроме уступки или передачи их от А — уступки, обыкновенно совершающейся при соблюдении известных юридических форм и условий.

Этому двукратному расходованию денег как капитала, при чем первое из них есть простая передача денег от А к В, соответствует

и двукратное возращение их обратно. Как D^1 или $D + d$, они возвращаются из движения обратно к функционирующему капиталисту В. Этот последний тогда снова передает их А, но уже с частью прибыли, как реализованный капитал, как $D + d$, где d не составляет всей прибыли, а только часть прибыли, процент. К В они возвращаются обратно лишь как то, что израсходовано им в качестве функционирующего капитала, но являющегося собственностью А. Поэтому, чтобы процесс их возвращения закончился, В должен передать их А. Но кроме капитальной суммы, В должен передать А, под названием процента, часть прибыли, произведенной им при помощи этой капитальной суммы, так как А давал деньги В только как капитал, т. е. как стоимость, которая не только сохраняется в движении, но и создает своему собственнику прибавочную стоимость. Они остаются в руках В лишь до тех пор, пока являются функционирующим капиталом. И по своем возвращении, по истечении срока, они перестают функционировать как капитал. Но как переставший функционировать капитал, они должны быть снова переданы обратно А, который не перестал быть их юридическим собственником...

...Движение, характерное для капитала вообще — возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке — для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешнюю форму, оторванную от того действительного движения, формой которого она служит. А отдает свои деньги не как деньги, а как капитал. С капиталом здесь не происходит никакого изменения. Он лишь переходит в другие руки. Его действительное превращение в капитал совершается только в руках В. Но для А он уже сделался капиталом вследствие простой передачи другому лицу — В. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место лишь для В. Но для А возвращение происходит в той же форме, как отчуждение. Из рук В капитал снова возвращается в руки А. Отдача, ссуда денег на известное время и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, принадлежащая капиталу, приносящему проценты как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег — действительное движение их как капитала — есть операция, лежащая по ту сторону сделок между кредиторами и заемщиками. В самом капитале это посредством сделок стерто, не видно, непосредственно не предполагается им. Как товар особого рода, капитал обладает и особым родом отчуждения. Поэтому и возврат получает выражение не как следствие и результат определенного ряда экономических актов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом. Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; по отношению к капиталу, приносящему проценты, его возвращения как капитала зависит, как к а ж е т с я, от простого соглашения между кредитором и заемщиком, так что по отношению к этой сделке возвращение капитала кажется уже не-результатом, который определяется процессом производства, а так, как-будто бы данный в ссуду капитал никогда не утрачивал формы денег. Конечно, фактически сделки эти определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке. На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. Если действительный возврат не произошел во-время, то заемщику приходится искать иного вспомогательного источника для выполнения своих обязательств перед

кредитором. Простая форма капитала — деньги, которые затрачиваются в виде суммы А и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $A + \frac{1}{x}A$, без какого бы то ни было иного посредствующего звена, кроме этого промежутка времени, есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала.

В действительном движении капитала его возвращение обратно есть момент процесса обращения. Сначала деньги превращаются в средства производства; процесс производства превращает их в товар; продажей товара они снова превращаются в деньги и в этой форме возвращаются обратно в руки капиталиста, который впервые авансировал данный капитал в денежной форме. Что касается капитала, приносящего проценты, то возвращение его, как и отдача, есть лишь результат юридической сделки между собственником капитала и вторым лицом. В нашем поле зрения находятся лишь отдача и обратная уплата. Все, что происходит между ними, изгладилось.

Но так как деньги, авансированные как капитал, обладают свойством возвращаться к тому, кто их авансировал, затратил как капитал (так как и $D - T - D^1$ есть имманентная форма движения капитала), то именно потому владелец денег может ссужать их как капитал, как нечто такое, что обладает свойством возвращаться к своему исходному пункту и как стоимость сохраняется и возрастает в том движении, которое они совершают. Он отдает деньги как капитал потому, что, примененные как капитал, они возвращаются к своей исходной точке и, следовательно, по истечении известного срока заемщик может возместить их как раз вследствие того, что они притекают обратно к нему самому.

Итак, отдача в ссуду денег как капитала — отдача их под условием возмещения по истечении известного времени — предполагает, что деньги действительно употребляются как капитал, действительно притекают обратно к своей исходной точке. Таким образом, действительный кругооборот денег как капитала является предварительным условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возратить деньги кредитору. Если заемщик не затратит деньги как капитал, это — его дело. Займодавец ссужает деньги как капитал, и, как таковой, они должны претерпеть функции капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до возвращения в денежной форме к его исходному пункту (Маркс, «Капитал», т. III, гл. 21).

в) Ссуда как специфическая форма отчуждения капитала как товара

Форма ссуды вместо формы продажи, свойственная этому товару — капиталу как товару, но встречающаяся и при других сделках, вытекает уже из того определения, что капитал выступает здесь как товар или что деньги как капитал становятся товаром...

... Владелец денег, желающий использовать свои деньги как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром как капитал, — как капитал не только для себя, но и для других; это не только капитал для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они передаются как капитал, как

стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль; как стоимость, которая в движении сохраняется и после своего функционирования возвращается к первоначально израсходовавшему их лицу, в данном случае к владельцу денег; следовательно, лишь на время удаляется от него и из владения своего собственника переходит во владение функционирующего капиталиста, т. е. ни поступает в уплату, ни продается, а лишь отдается в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и возвратится, во-вторых, как реализованный капитал, реализовав ту свою потребительную стоимость, что она производит прибавочную стоимость...

Акты обращения $D - T$ и $T - D^1$, в которых данная сумма стоимости функционирует как деньги или как товар, суть лишь посредствующие процессы, отдельные моменты всего ее движения. Как капитал, она продельвает все движение $D - D^1$. Она авансируется как деньги или как сумма стоимости в какой-либо иной форме и возвращается обратно как сумма стоимости. Ссужавший деньги не затрачивает их на покупку товара или в том случае, если сумма стоимости существует в виде товаров, не продает последние за деньги, но авансирует их как капитал, как $D - D^1$, как стоимость, которая в определенный срок снова возвращается к своему исходному пункту. Вместо того, чтобы покупать или продавать, он дает в ссуду. Эта отдача в ссуду является таким образом соответственной формой для отчуждения стоимости как $капитала$, а не как денег или товара. Отсюда отнюдь не следует, что отдача в ссуду не может быть формой и таких сделок, которые не имеют никакого отношения к капиталистическому процессу воспроизводства...

... Между кредитором и заемщиком не происходит, подобно тому, как это происходит между покупателем и продавцом, обмена сумминости, при чем та стоимость, которая один раз существует в форме денег, в другой раз существует в форме товара. Тождественность отдаваемой и обратно получаемой стоимости проявляется здесь совершенно иным образом. Сумма стоимости, деньги, отдается без эквивалента и возвращается по истечении известного времени. Кредитор все время остается собственником одной и той же стоимости даже после того, как она из его рук першла в руки заемщика. При простом обмене товаров деньги всегда находятся на стороне покупателя; при ссуде же деньги находятся на стороне продавца. Он является тем лицом, которое отдает деньги на известное время, а покупатель капитала является тем лицом, которое получает их как товар. Но это возможно лишь постольку, поскольку деньги функционируют как капитал и поэтому авансируются. Заемщик берет деньги взем как капитал, как увеличивающуюся стоимость. Но сначала это — капитал лишь в себе, подобно всякому капиталу в исходной точке последнего, в момент его авансирования. Только посредством потребления его он возрастает в стоимости, реализуется как капитал. Но заемщик должен вернуть его как **реализованный капитал**, следовательно, как стоимость плюс прибавочная стоимость (процент), а последний может быть только частью реализованной им прибыли. Процент может составлять только часть прибыли, а не всю прибыль, так как для заемщика потребительная стоимость денег заключается в том, что они производят ему прибыль. Иначе вышло бы, что со стороны заимодавца не произошло никакого

отчуждения потребительной стоимостью. С другой стороны, вся прибыль не может достаться заемщику: это означало бы, что он ничего не заплатил за отчуждение потребительной стоимости, и что он возвращает кредитору авансированные деньги только как простые деньги, а не как капитал, не как реализованный капитал, потому что реализованным капиталом они становятся только как $D - D^1$ ... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, гл. 21).

г) Крайняя фетишизация капиталистических отношений в ссудном капитале

В капитале, приносящем проценты, капиталистическое отношение достигает своей наиболее внешней и фетишистической формы. Мы имеем здесь перед собой $D - D^1$, деньги, которые производят большее количество денег, имеем самовозрастающую стоимость без процесса, являющегося посредствующим звеном между двумя крайними пунктами. В купеческом капитале $D - T - D^1$ имеется налицо по крайней мере общая форма капиталистического движения, хотя оно не выходит из сферы обращения; поэтому прибыль представляется просто прибылью от отчуждения (продажи), но все же она представляется продуктом общественного отношения, а не продуктом просто вещи. Форма купеческого капитала все же представляет процесс, единство противоположных фаз, движение, распадается на два противоположных акта — на куплю и продажу товаров. В $D - D^1$, в форме капитала, приносящего проценты, это изглаживается. Если, например, 1.000 ф. ст. даются в ссуду капиталистом и размер процента равен 5%, то стоимость 1.000 ф. ст. как капитала за один год = $K + Kz$, где K — капитал, а Kz^1 — размер процента; следовательно, здесь $5\% = \frac{5}{100} = \frac{1}{20}$, $1.000 + 1.000 \times \frac{1}{20} = 1.050$ ф. ст. Стоимость 1.000

ф. ст., как капитала = 1.050 ф. ст., т. е. капитал не является простой величиной. Это — отношение величин, отношение основной суммы как данной стоимости к себе самой, как к самовозрастающей стоимости, как к такой основной сумме, которая произвела прибавочную стоимость. А мы уже видели, что капитал, как таковой, представляется всем активным капиталистам — функционируют ли они с собственным или взятым в ссуду капиталом — именно такой непосредственно самовозрастающей стоимостью.

$D - D^1$: здесь имеем первоначальный исходный пункт капитала, деньги формулы $D - T - D^1$, сведенные к двум крайним пунктам $D - D^1$, где $D^1 = D + d$, т. е. деньги, создающие большее количество денег. Это — первоначальная и общая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме. Это — готовый капитал, единство процесса производства и процесса обращения, приносящий как готовый капитал в определенные периоды времени определенную прибавочную стоимость. В форме капитала, приносящего проценты, это проявляется непосредственно, без посредства процесса производства и процесса обращения. Капитал кажется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. **Вещь** (деньги, товар, стоимость) просто как вещь теперь уже является капиталом, а капитал кажется просто вещью: результат всего процесса воспроизводства кажется свойством, принадлежащим вещи самой по себе; от владельца денег, т. е. товара в той его форме, в которой его можно во всякое время обменять, зависит, израсходовать ли их как

деньги, или отдать в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, перед нами выступает выработанный в чистом виде этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высживающие деньги; в этой форме он уже не несет на себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения. Как в случае с рабочей силой, потребительной стоимостью денег становится здесь способность производить стоимость, производить большую стоимость, чем заключающаяся в них самих. Деньги, как таковые, потенциально уже представляют возрастающую стоимость и, как таковая, они отдаются в ссуду, что является формой продажи этого своеобразного товара. Производить стоимость, приносить процент становится таким же свойством денег, как свойство грушевого дерева приносить груши (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, гл. 24).

д) Ссудный капитал как наиболее резкое выражение антагонистического характера капиталистического способа производства

Стоимость денег или товаров как капитала определяется не их стоимостью как денег или товаров, а количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца...

... Деньги — или товар — сами по себе потенциально суть капитал совершенно так же, как и рабочая сила потенциально есть капитал, потому что: 1) деньги могут быть превращены в элементы производства и сами по себе являются лишь абстрактным выражением элементов производства, их бытием, как стоимости; 2) материальные элементы богатства потенциально обладают уже свойством капитала, так как дополняющая их противоположность, то, что делает их капиталом — наемный труд на основе капиталистического производства имеется в наличности.

Антагонистический общественный характер материального богатства — антагонизм этого последнего с трудом как наемным трудом — уже обособленно от процесса производства получает выражение в самой собственности на капитал как в таковой. Этот момент обособлен от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого он является и которым он предполагается в качестве постоянного результата — этот момент получает выражение в том, что деньги, а также и товар, сами по себе скрыто, потенциально суть капитал, что они могут быть проданы как капитал и что в этой форме они представляют господство над чужим трудом, притязание на присвоение чужого труда, а потому суть самовозрастающая стоимость. Здесь же ясно выступает, что это отношение, а не какой-либо эквивалентный труд капиталистов служит основанием и средством для присвоения чужого труда (Маркс «Капитал», т. III, ч. I, гл. 21.)

2. СУЩНОСТЬ ПРОЦЕНТА

а) Процент как иррациональная форма цены

24 Если процент назвать ценой денежного капитала, то это будет иррациональной формой цены, совершенно противоречащей понятию цена товара. Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессодержа-

тельной форме, к такой форме, что это есть определенная сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости; тогда как цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости.

Процент как цена капитала — выражение с самого начала совершенно иррациональное. Выходит, что товар имеет двоякую стоимость: во-первых, стоимость и, во-вторых, цену, отличную от этой стоимости, между тем как цена есть денежное выражение стоимости. Денежный капитал прежде всего есть не что иное, как сумма денег или стоимость определенной массы товаров, фиксированная в сумме денег...

... Каким же образом сумма стоимости может иметь цену, кроме своей собственной цены, кроме цены, выраженной в ее собственной денежной форме? Ведь цена, это — стоимость товара (это одинаково относится и к рыночной цене, отличие которой от стоимости не качественное, а лишь количественное, касающееся лишь величины стоимости) в отличие от его потребительской стоимости. Цена, которая качественно отличается от стоимости, это — абсурдное противоречие.

Капитал проявляется как таковой посредством увеличения своей стоимости; степень этого увеличения выражает ту количественную степень, в какой реализуется он как капитал. Произведенная им прибавочная стоимость или прибыль — ее норма или высота — измерима лишь посредством сравнения со стоимостью авансированного капитала. Поэтому и большее или меньшее увеличение стоимости капитала, приносящего проценты, измеримо лишь сравнением количества процентов, той части общей прибыли, которая достается на его долю, со стоимостью авансированного капитала. Поэтому, если цена выражает стоимость товара, то процент выражает увеличение стоимости денежного капитала и потому представляется ценою, которая уплачивается за него кредитору... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I гл. 21).

б) Процент как специфическая превращенная форма прибавочной стоимости

Процент, как мы это видели в предыдущих главах, является первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как той частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, по-скольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и доверителю этого капитала. Если капиталист прилагает только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит: эта последняя всецело принадлежит ему. В самом деле, раз собственники капитала сами же применяют его в процессе воспроизводства, они не принимают участия в конкуренции, определяющей норму процента, и уже в этом сказывается, насколько категория процента, невозможная без определения размера процента, чужда движению промышленного капитала самому по себе...

... Только разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создает категорию процента, и только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создает размер процента...

... Процент сам по себе выражает именно существование условий труда как капитала, в их общественной противоположности труду и в их претворении в личную власть по отношению к труду и над тру-

дом. Он представляет простую собственность на капитал средством присваивать продукты чужого труда. Но это свойство капитала процент представляет как нечто такое, что принадлежит ему помимо процесса производства и что отнюдь не является результатом специфически капиталистического характера самого этого процесса производства. Процент представляет это свойство капитала не как свойство, прямо противоположное труду, а, наоборот, без отношения к труду, как простое отношение одного капиталиста к другому, то-есть как свойство, чисто внешнее и безразличное для отношения капитала к самому труду. Таким образом в проценте, в этой особой форме прибыли, в которой антагонистический характер капитала приобретает самостоятельное выражение, он придает ему такой вид, что этот антагонизм здесь совершенно изглаживается и происходит полное абстрагирование от него. Процент есть отношение между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим (Маркс «Капитал», т. III, ч. I, гл. 23).

... Основанием процента служит уже превращенная форма прибавочной стоимости, которую отнюдь нельзя узнать на первый взгляд; форма, отличная от ее первой простой формы, где еще заметна пуповина рождения, именно ее бытие как прибыль. Процент предполагает непосредственно прибыль; он представляет лишь отнесенную в особую категорию часть прибыли, а не прибавочную стоимость. В проценте, следовательно, прибавочную стоимость еще труднее узнать, чем в прибыли, так как он относится к прибавочной стоимости непосредственно лишь в форме прибыли...

... Процент, не прибыль, представляется таким образом, как стоимость, созданная капиталом, вытекающая из капитала как такового, и потому только из собственности на капитал; отсюда—своеобразно созданный капиталом доход. В такой форме его поэтому понимают также вульгарные экономисты. В этой форме стерты все посредствующие звенья и готова фетишистическая форма капитала, так же как представление о капитале — фетише. Эта форма необходимо получается оттого, что юридическая собственность на капитал отделяется от ее экономической собственности, и присвоение части прибыли, в виде процента совершается совершенно отделенным от процесса производства капиталом an sich или собственником капитала... (Маркс «Теории прибавочной стоимости», т. III, раздел VII, § 1).

3. НОРМА ПРОЦЕНТА И ТЕНДЕНЦИЯ ЕЕ К ПОНИЖЕНИЮ

а) Норма процента и ее границы

... Количественно часть прибыли, образующая процент, представляется так, как-будто она связана не с промышленным и торговым капиталом как таковым, а с денежным капиталом, и норма этой части прибавочной стоимости—норма процента или уровень процента—закрепляет такое отношение. Потому что, во-первых, размер процента, несмотря на свою зависимость от общей нормы прибыли, определяется самостоятельно, и, во-вторых, подобно рыночной цене товаров, он, в противоположность неустойчивой норме прибыли, выступает как устойчивое при всех переменах единообразное, очевидное и непосредственно данное отношение... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, гл. 23).

Как как процент есть просто та часть прибыли, которую, согласно принятому нами до сих пор предположению, промышленный капита-

лист должен уплачивать денежному капиталисту, то максимальным пределом процента служит сама прибыль, при чем часть, достигающаяся функционирующему капиталисту, была бы = 0. За исключением единичных случаев, когда процент фактически может быть больше, чем прибыль, — но тогда он и не может уплачиваться из прибыли, — можно было бы, пожалуй, считать максимальным пределом процента всю прибыль минус та ее часть, которая сводится к плате за налзор и которую нам предстоит рассмотреть впоследствии. Минимальный размер процента совершенно не поддается определению. Он может упсть до какого угодно уровня. Но тогда на сцену снова и снова выступают противодействующие обстоятельства и поднимают его выше этого стностительного минимума...

... Капитал, приносящий проценты, хотя и абсолютно отличная от товара категория, становится товаром sui generis и потому процент становится его ценою, которая, подобно рыночной цене обычных товаров, каждый раз фиксируется спросом и предложением. Поэтому рыночная норма процента, хотя она постоянно колеблется, является в каждый данный момент настолько же определенной и единообразной как рыночная цена товара в каждом конкретном случае. Денежные капиталисты предлагают этот товар, а функционирующие капиталисты покупают его, образуют спрос на него...

... Капитал является товаром постольку, поскольку разделение прибыли на процент и собственно прибыль регулируется спросом и предложением, следовательно, конкуренцией совершенно так же, как рыночные цены товаров. Но разница так же бросается здесь в глаза, как и сходство. Если спрос и предложение покрываются, то рыночная цена товара соответствует его цене производства, т. е. цена его регулируется тогда внутренними законами капиталистического производства, независимо от конкуренции, так как колебания спроса и предложения не сбываются ничего, кроме уклонений рыночных цен от цен производства, уклонений, которые взаимно уравниваются, так что за известные, более или менее продолжительные периоды средние рыночные цены равны ценам производства. Когда спрос и предложение взаимно покрываются, эти силы перестают действовать, взаимно уничтожают друг друга, и общий закон определения цены выступает тогда, как закон для конкретного случая; рыночная цена тогда соответствует уже в своем непосредственном бытии, а не только как среднее из движений рыночных цен, цене производства, которая регулируется имманентными законами самого способа производства. То же—с заработной платой. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то действие их уничтожается, и заработная плата равна стоимости рабочей силы. Но иначе обстоит дело с процентом на денежный капитал. Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона; здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией, потому что, как мы это еще увидим дальше, не существует никакой «естественной» нормы процента. Под «естественной» нормой процента разумеют, напротив, именно норму, устанавливаемую свободной конкуренцией. «Естественных» границ уровня процента не существует. Там, где конкуренция определяет не только отклонения и колебания, где, следовательно, при равновесии взаимно противодействующих сил вообще прекращается всякое определение, там определяемое само по себе представляет нечто лишнее закономерности и произвольное.

Но если поставить вопрос, почему границы среднего размера процента не могут быть выведены из общих законов, то ответом может служить просто сама природа процента. Это — не что иное, как часть средней прибыли. Один и тот же капитал является с двойным определением: как ссужаемый капитал — в руках заимодавца, как промышленный или торговый капитал — в руках функционирующего капиталиста. Но функционирует он лишь один раз и даже прибыль производит лишь один раз. В самом процессе производства характер капитала как капитала ссужаемого не играет никакой роли. Как оба лица разделяет между собою ту прибыль, на которую они имеют притязания, это само по себе такой же чисто эмпирический, относящийся к царству случайного, факт, как процентное распределение общей прибыли какой-нибудь компании между различными пайщиками. При разделении на прибавочную стоимость и заработную плату, на котором существенно основывается определение нормы прибыли, определяющее значение оказывают два совершенно различных элемента: рабочая сила и капитал; это — функции двух независимых переменных, которые взаимно ограничивают друг друга, и из их **качественного различия** происходит **количественное разделение** производственной стоимости. Мы увидим позже, что то же самое происходит при делении прибавочной стоимости на ренту и прибыль. По отношению к проценту не происходит ничего подобного. Здесь **качественные различия**, наоборот, происходит, как мы сейчас увидим, из **чисто количественного разделения** одной и той же части прибавочной стоимости (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 22).

6) Тенденция нормы процента к понижению

При прочих равных условиях, т. е. предполагая отношение между процентом и всей прибылью более или менее постоянным, функционирующий капиталист способен и согласится платить высокий или низкий процент в прямой зависимости от уровня нормы прибыли. Мы уже видели, что высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства; отсюда следует, что высокий или низкий уровень процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие размера процента действительно выражает различие норм прибыли. Позже мы увидим, что нет никакой необходимости в том, чтобы всегда было так. В этом смысле можно сказать, что процент регулируется прибылью, точнее, общей нормой прибыли. И этот способ его регулирования распространяется и на его средний уровень... Но существует тенденция к понижению процента, совершенно независимо от колебаний нормы прибыли. И главные причины тому двоякого рода:

1. Если даже предположить, что капитал никогда не берется в ссуду иначе, как для производительного применения, то возможно, что размер процента будет изменяться помимо какого бы то ни было изменения нормы валовой прибыли. Потому что, по мере того, как известный народ прогрессирует в развитии богатства, возникает и все более растет класс людей, которые благодаря работе своих предков владеют фондами, достаточными для того, чтобы жить только на получаемые с них проценты. Есть много и таких лиц, которые, принимая активное участие в предпрятии в своей молодости и зрелом возрасте, уходят из него, чтобы в старости спокойно жить на проценты

с накопленных сумм. Оба эти класса обнаруживают тенденцию увеличиваться с возрастанием богатства страны, так как те, кто начинает уже с капиталом среднего размера, легче достигают независимого положения, чем те, кто начинает с маленьким капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь культивируемых и бедных странах. Каких поразительных размеров достигает класс рантье в Англии! В том же отношении, в каком растет класс рантье, растет и класс ссужающих капиталы, ибо оба суть одно и то же (Ramsay, Essay on the Distribution of Wealth, p. 20).

2. Давление на размер процента должно также оказывать развитые системы кредита, постоянно возрастающая вместе с нею власть промышленников и купцов распоряжаться при посредстве банкиров всеми денежными сбережениями всех классов общества и прогрессирующая концентрация этих сбережений до таких размеров, при которых они могут действовать как денежный капитал. Подробнее об этом позже... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 22).

4. ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД

а) Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход и капитала на капитал-собственность и капитал-функцию

Для производительного капиталиста, работающего при помощи взятого в ссуду капитала, валовая прибыль распадается на две части: процент, который он должен заплатить заимодавцу, и излишек сверх процента, составляющий его собственную долю в прибыли.

... Направившаяся вопрос: каким образом это чисто количественное разделение прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, затрачивающий лишь свой собственный, а не взятый в ссуду капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой? И далее, каким образом в связи с этим всякий капитал — взятый ли в ссуду или нет — как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?

Известно, что не всякое случайное количественное разделение прибыли такого рода превращается в качественное. Например, несколько промышленных капиталистов ассоциировались для ведения предприятия и затем распределяют между собою прибыль, согласно юридически закреплённому договору. Другие ведут свое предприятие каждый сам за себя, без компаньонов. Эти последние не исчисляют своей прибыли по двум категориям: одну часть как личную прибыль, другую как товарищескую прибыль, предназначенную для несуществующих компаньонов. Следовательно, в этом случае количественное деление не превращается в качественное. Деление происходит, когда собственник случайно состоит из нескольких юридических лиц; оно не имеет места, когда этого нет.

Чтобы дать ответ на вопрос, нам придется несколько далее остановиться на действительном исходном пункте образования процента, т. е. необходимо исходить из предположения, что денежный капита-

лист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически различные друг от друга лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двойное и совершенно различное движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет...

... Особый специфический продукт капитала есть прибавочная стоимость, говоря определеннее — прибыль. Но для капиталиста, работающего при помощи взятого в ссуду капитала, этот продукт не прибыль, а прибыль минус процент, т. е. часть прибыли, остающаяся у него по уплате процента. Таким образом, часть прибыли необходимо представляется ему продуктом капитала, поскольку этот капитал функционирует; по отношению к нему так оно и есть в действительности, потому что он представляет капитала лишь как функционирующего капитала. Он — персонафикация капитала, поскольку капитал функционирует, а функционирует он постольку, поскольку вложен в промышленность или в торговлю таким образом, что приносит прибыль, и поскольку применяющий его капиталист предпринимает с ним те операции, которых требует данная отрасль предприятий. В противоположность проценту, который он должен выплачивать из валовой прибыли кредитору, приходящаяся на его долю остальная часть прибыли необходимо принимает таким образом форму промышленной — соответственно торговой — прибыли, или, употребляя выражение, охватывающее и ту и другую, принимает форму предпринимательского дохода. Если валовая прибыль равна средней прибыли, то величина этого предпринимательского дохода будет определяться исключительно размером процента...

... Функционирующий капиталист предполагается здесь не собственником капитала. Собственность на капитал представлена по отношению к нему кредитору, денежным капиталистом. Таким образом процент, который функционирующий капиталист уплачивает ему, является частью валовой прибыли, приходящейся на долю собственности на капитал, на долю этой собственности как таковой. В противоположность этому часть прибыли, приходящаяся на долю активного капиталиста, представляется теперь предпринимательским доходом, вытекающим исключительно из операций или функций, которые он совершает в процессе воспроизводства при помощи капитала, следовательно, специально тех функций, которые выполняет он как предприниматель в промышленности или торговле. Следовательно, по отношению к нему процент представляется просто плодом собственности на капитал, плодом капитала самого по себе, абстрагированного от процесса воспроизводства капитала, плодом капитала, поскольку он «не работает», не функционирует; между тем предпринимательский доход представляется ему исключительно плодом тех функций, которые он совершает с капиталом, плодом движения капитала, которое представляется ему теперь как собственная деятельность в противоположность бездеятельности, неучастию денежного капиталиста в процессе производства...

... И эта кристаллизация и взаимное обособление с обеих частей валовой прибыли, как если бы они происходили из двух совершенно различных источников, должны теперь установиться для всего класса капиталистов и для всего капитала. При этом безразлично, получен

ли капитал, применяемый активным капиталистом, в ссуду или нет, применяется ли капитал, принадлежащий денежному капиталисту, им самим или нет. Прибыль от всякого капитала, а следовательно, и средняя прибыль, основывающаяся на уравнении капиталов между собою, распадается или может быть разложена на две качественно различные, взаимно самостоятельные и независимые друг от друга части: процент и предпринимательский доход, которые (как одна, так и другая) определяются особыми законами. Капиталист, работающий с собственным капиталом, точно так же, как тот, который работает с капиталом, взятым в ссуду, делит свою валовую прибыль на процент, достоящийся ему как собственнику, как ссудившему свой собственный капитал самому себе, и на предпринимательский доход, достоящийся ему как капиталисту. Таким образом для этого деления как качественного, не имеет значения, должен ли капиталист действительно поделиться с другим капиталистом или нет. Лицо, применяющее капитал, хотя бы оно работало с собственным капиталом, распадается на два лица: простого собственника капитала и лицо, применяющее капитал; самый его капитал, по отношению к приносимым им категориям прибыли, распадается на капитал как **собственность**, на капитал как капитал **вне** процесса производства, сам по себе приносящий процент, с одной стороны, и, с другой стороны, на капитал в процессе производства, который как совершающий процесс капитал, приносит предпринимательский доход....

... Теперь очень ясным становятся причины, благодаря которым это деление валового дохода на процент и предпринимательский доход, раз оно сделалось качественным, сохраняет этот характер качественного деления для всего капитала и для всего класса капиталистов.

Во-первых, это вытекает из того простого эмпирического обстоятельства, что большинство промышленных капиталистов, хотя и в различных числовых отношениях, работает при помощи как собственного, так и взятого в ссуду капитала и что отношение между собственным и взятым в ссуду капиталом в различные периоды изменяется.

Во-вторых, превращение части валовой прибыли в форму процента превращает другую ее часть в предпринимательский доход. В самом деле, этот последний есть лишь та противоположная форма, которую принимает излишек валовой прибыли над процентом, когда процент существует как особая категория....

... Но капитал, приносящий проценты, исторически существует как готовая, старинная форма, а потому и процент как готовая форма прибавочной стоимости, произведенной капиталом, существует уже задолго до того, как появляются капиталистический способ производства и соответствующие ему представления о капитале и прибыли...

... **В-третьих**, работает ли промышленный капиталист с собственным или со взятым в ссуду капиталом, это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что ему противостоят класс денежных капиталистов как особый вид капиталистов, денежный капитал — как самостоятельный вид капитала и процент — как соответствующая этому особому капиталу самостоятельная форма прибавочной стоимости.

Качественно процент есть прибавочная стоимость, которую доставляет просто собственность на капитал, которую капитал приносит сам по себе, хотя его собственник остается вне процесса воспроиз-

ства; следовательно, первую капитал дает обособленно от своего процесса....

... По отношению к отдельному капиталисту это практически верно. От его усмотрения зависит, отдать ли свой капитал в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, или самостоятельно увеличивать его ценность, применяя в качестве производительного капитала, причем безразлично, существует ли данный капитал уже в своей исходной точке как денежный капитал или же его еще придется превратить в денежный капитал. Но в общем понимании, т. е. в применении ко всему общественному капиталу, — как у некоторых вульгарных экономистов, при чем это выдается даже за основу прибыли, — это, конечно, нелепо. Бессмысленно, конечно, предполагать возможность превращения всего капитала в денежный капитал, если чет людей, совершающих куплю и увеличивающих стоимость средств производства, в форме которых существует весь капитал, за исключением относительно небольшой его части, существующей в виде денег. Еще большая несообразность предполагать, что на основе капиталистического способа производства капитал приносит бы процент, не функционируя как производительный капитал, т. е. не создавая прибавочной стоимости, лишь часть которой представляет процент; что капиталистический способ производства мог бы идти без капиталистического производства. Если бы непомерно крупная часть капиталистов захотела превратить свой капитал в денежный капитал, то следствием этого было бы чудовищное обесценение денежного капитала и чудовищное падение уровня процента; многие немедленно оказались бы не в состоянии жить на свои проценты и таким образом были бы вынуждены снова превратиться в промышленных капиталистов. Но, как уже сказано, для отдельного капиталиста это — факт. Поэтому, даже хозяйствуя с собственным капиталом, он необходимо рассматривает ту часть своей средней прибыли, которая равна среднему проценту, как продукт своего капитала как такового, получающийся независимо от процессов производства; и в противоположность этой части, обособившейся в виде процента, он рассматривает излишек валовой прибыли над процентом просто как предпринимательский доход... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, глава 23).

б) Маскировка капиталистической эксплуатации деленкем прибыли на процент и предпринимательский доход

Подобно тому, как превращение денег и вообще стоимости в капитал есть постоянный результат капиталистического процесса производства, так бытие их как капитала есть постоянное предварительное условие капиталистического процесса производства. Благодаря своей способности превращаться в средства производства, они постоянно подчиняют себе неоплаченный труд и потому превращают процесс производства и обращения товаров в производство прибавочной стоимости для своего владельца. Следовательно, процент есть лишь выражение того, что стоимость вообще — ошествленный труд в его всеобщей общественной форме, что стоимость, принимающая в действительном процессе производства форму средств производства, как самостоятельная сила противостоит живой рабочей силе и является средством присваивать неоплаченный труд; и что она является такого рода силой благодаря тому, что противостоит рабочему как чужая собственность. Но, с другой стороны, в форме процента эта противополо-

жность наемному труду изглаживается, потому что приносящий проценты капитал, как таковой, находит свою противоположность не в наемном труде, а в функционирующем капитале; капиталист-кредитор, как таковой, прямо противостоит действительно функционирующему в процессе воспроизводства капиталисту, а не наемному рабочему, у которого именно на основе капиталистического производства экспропрированы средства производства. Приносящий проценты капитал, это — капитал как **собственность** в противоположность капиталу как **функции**. Но пока капитал не функционирует, он не эксплуатирует рабочих и не вступает в антагонизм с трудом.

С другой стороны, предпринимательский доход представляет противоположность не наемному труду, а лишь проценту.

Во-первых, если предположить среднюю прибыль как величину наперед данную, то норма предпринимательского дохода определяется не заработной платой, а размером процента. Она будет выше или ниже в обратном отношении к размеру процента.

Во-вторых, свое притязание на предпринимательский доход, а следовательно, и самый этот доход, функционирующий капиталист выводит не из своей собственности на капитал, а из функции капитала в противоположность той его форме, когда он существует как бездеятельная собственность. Это проявляется как непосредственно существующая противоположность в тех случаях, когда он оперирует взятым в ссуду капиталом, так что процент и предпринимательский доход достаются двум разным лицам. Предпринимательская прибыль возникает из функции капитала в процессе воспроизводства, т. е. вследствие операций, деятельности, которую функционирующий капиталист обслуживает эти функции промышленного и торгового капитала. Но быть представителем функционирующего капитала, это не синекюра, подобная представительству капитала, приносящего проценты. На основе капиталистического производства капиталист управляет процессом производства, как и процессом обращения. Эксплуатация производительного труда стоит усилий, кто бы ею ни занимался: сам ли капиталист или другие от его имени. Поэтому предпринимательский доход представляется ему, в противоположность проценту, чем-то независимым от собственности на капитал, скорее результатом его функций как не собственника, как рабочего.

Поэтому в его голове необходимо возникает представление, что его предпринимательский доход не только не находится в какой-либо противоположности наемному труду, не только не является просто неоплаченным чужим трудом, а напротив, сам есть не что иное, как **заработная плата**, плата за надзор, более высокая плата, чем для обыкновенного наемного рабочего: 1) потому что это более сложный труд, 2) потому что он сам выплачивает себе заработную плату. Что функция его как капиталиста состоит в производстве прибавочной стоимости, т. е. в эксплуатации неоплаченного труда, да еще на самых экономных условиях — это обстоятельство совершенно заслоняется для сознания той противоположностью, что процент достается капиталисту, хотя бы он и не выполнял никакой функции как капиталист, а был лишь собственником капитала и что, напротив, предпринимательский доход достается функционирующему капиталисту, хотя бы он не был собственником капитала, с которым функционирует. За антагонистической формой обеих частей, на которые распадается прибыль, т. е. при-

Бавочная стоимость, забывается, что обе они являются просто частями прибавочной стоимости и что деление ее ничего не может изменить ни в ее природе, ни в ее происхождении и условиях ее существования (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, глава 23).

5. МАРКС, ЛЕНИН И СТАЛИН О КРЕДИТЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать двигательную силу капиталистического производства, обогащения эксплуатации чужого труда до чистейшей и колоссальнейшей системы азарта и мошенничества и все более сокращать число немногих, эксплуатирующих общественное богатство, а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства — эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Лю до Исаака Перейры свойственный им смешанный характер мошенника и пророка (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 27).

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом производстве. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 36).

...Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. Говорить о «регулировании экономической жизни» и обходить вопрос о национализации банков значит либо обнаруживать самое круглое невежество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велевечивыми обещаниями, при заранее обдуманном решении не исполнять этих обещаний.

Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не контролируя, не регулируя банковых операций, это — бессмыслица. Это похоже на ловлю случайно набегающих «копеечек» и на закрывание глаз на миллионы рублей. Современные банки так тесно и неразрывно срослись с торговлей (хлебной и всякой иной) и промышленностью, что, не «накладывая рук» на банки, решительно ничего серьезного, ничего «революционно-демократического» сделать нельзя.

Но может-быть, это «накладывание рук» государства на банки представляет из себя какую-либо очень трудную и запутанную операцию? Филистеров стараются обыкновенно запугать именно такой картиной; стараются, конечно, капиталисты и их защитники, ибо это им выгодно.

84 На самом же деле национализация банков, решительно ни одной копейки ни у одного «собственника» не отнимая, абсолютно никаких,

ни технических, ни культурных трудностей не представляет и задерживается исключительно интересами грязной «кормышки ничтожной горстки богатей». Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т. е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 рублей и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное.

В чем же значение национализации банков?

В том, что за отдельными банками и их операциями никакой действительный контроль (даже если отменена коммерческая тайна и пр.) не возможен, ибо нельзя уследить за теми сложнейшими, запутаннейшими и хитроумнейшими приемами, которые употребляются при составлении балансов, при основании фиктивных предприятий и филиальных отделений, при пускании в ход подставных лиц и так далее, и тому подобное. Только объединение всех банков в один, не означая, само по себе, ни малейших изменений в отношениях собственности, не отнимая, повторяем, ни у одного собственника ни единой копейки, дает возможность действительного контроля — конечно, при условии применения всех других, указанных выше, мероприятий. Только при национализации банков можно добиться того, что государство будет знать, куда и как, откуда и в какое время переливают миллионы и миллиарды. И только контроль за банками, за центром, за главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то «регулирование экономической жизни», которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувания простонародья...

...Выгоды для всего народа и особенно не для рабочих (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для массы крестьян и мелких промышленников, были бы от национализации банков огромны. Сбережение труда получилось бы гигантское, и если предположить, что государство сохранило бы прежнее число банковских служащих, то это означало бы в высшей степени большой шаг вперед в направлении к универсализации (всеобщности) пользования банками, к увеличению числа их отделений, доступности их операций и пр. и пр. Доступность и легкость кредита именно для мелких хозяйчиков, для крестьянства возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые бы получило возможность сначала обзоровать все главные операции, без утайки их, затем контролировать их, далее регулировать хозяйственную жизнь, наконец получать миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя за услуги бешеных «комиссионных» господам капиталистам. Вот почему — и только поэтому — все служащие ей Плехановы, Потресовы и Ко с пеной у рта готовы во-

евать против национализации банков, выдумывать тысячи отговоров против этой величайшей и насущнейшей меры, хотя даже с точки зрения «обороны» страны, т. е. с военной точки зрения, эта мера была бы гигантским плюсом, она подняла бы «военную мощь» страны в громадных размерах (Ленин, «Розыщая катастрофа и как с ней бороться», Соч. т., XXI).

...Нап есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной двойственной природы нап, тот отходит от ленинизма...

...Со времени 1921 г. обстановка изменилась у нас существенно; за это время наша социалистическая промышленность и советско-кооперативная торговля успели уже стать преобладающей силой; смычку между городом и деревней уже научились устанавливать собственными силами; наиболее яркие формы госкапитализма — концессии и аренда — не получили за это время серьезного развития; говорить теперь в 1925 г. о госкапитализме как преобладающей форме нашего хозяйства — значит искажать социалистическую природу нашей государственной промышленности, значит не понимать всей разницы между прошлой и нынешней обстановкой, значит подходить к вопросу о капитализме не диалектически, а схоластически, метафизически.

Не угодно ли послушать т. Сокольников? Он говорит в своей речи:

«Наша внешняя торговля ведется как государственно-капиталистическое предприятие... Наши внутренние торговые общества — также государственно-капиталистические предприятия. И я должен сказать, товарищи, что Государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием. Наша денежная система? Наша денежная система основана на том, что в советском хозяйстве, в условиях строящегося социализма, такая денежная система, проникнутая принципами капиталистической экономики».

Так говорит т. Сокольников.

Скоро он договорится до того, что Народный комиссариат финансов объявит он тоже госкапитализмом. До сих пор я думал, до сих пор мы все думали, что Госбанк есть часть государственного аппарата, что наш государственный аппарат есть аппарат государства типа пролетарского. Мы все так думали до сих пор, ибо пролетарская власть является единственным хозяином этих институтов. А теперь, т. Сокольникову, выходит, что эти институты, являющиеся частью нашего госаппарата, являются госкапиталистическими. Может-быть, наш советский аппарат представляет тоже госкапитализм, а не пролетарский тип государства, как утверждал Ленин? Отчего бы нет? Разве наш советский аппарат не используется «денежной системой, проникнутой принципами капиталистической экономики»? Вот до какой чепухи может договориться человек.

Позвольте прежде всего привести мнение Ленина по вопросу о

природе и значении Государственного банка. Я хотел бы, товарищи сослаться на одно место из книги Ленина, написанной в 1917 г. Я имею в виду брошюру «Удержат ли власть большевики», где он стоял еще на точке зрения контроля над промышленностью (а не национализации) и где, несмотря на это, считал Государственный банк в руках пролетарского государства на $\frac{1}{10}$ социалистическим аппаратом. Вот, что он писал о Госбанке:

«Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, при чем нашей задачей является лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый, крупнейший из крупнейших, Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике, это — уже девять десятых социалистического аппарата. Это общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто в роде скелета социалистического общества». (Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 231).

Сравните слова Ленина с речью т. Сокольников, и вы поймете, куда катится т. Сокольников. Я не удивлюсь, если он объявит НКФ госкапитализмом.

В чем тут дело? Откуда такие ошибки у т. Сокольников?

Да в том, что т. Сокольников не понимает двойственной природы нап, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими; он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало-быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, в ущерб капитализму. Ошибка т. Сокольников состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов (Сталин, доклад на XIV партсъезде. Заключительное слово).

ГЛАВА II

ФОРМЫ КРЕДИТА

Капиталистический кредит принимает две отличные друг от друга формы: форму коммерческого и банковского кредита. Нашей задачей в настоящей главе является вскрытие тех особенностей, которые им присущи и которые обнаруживаются в их движении.

Прежде всего следует установить, что понимается под этими формами кредита. Коммерческий кредит есть кредит, который оказывают друг другу функционирующие капиталисты при продаже товаров. Он имеет место, например, в том случае, когда углепромышленник продает свой уголь машиностроителю не за наличные деньги, а за обещание (устное или письменное) уплатить цену угля спустя определенный промежуток времени. Тот же кредит может быть оказан промышленником купцу, и наоборот. Важно для характеристики коммерческого кредита то, что его «оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства»¹⁾.

На ряду с коммерческим кредитом в капиталистическом обществе существует банковский кредит, который образует иной, существенно отличный момент²⁾. Банковский кредит есть кредит, который денежные капиталисты оказывают функционирующим капиталистам в денежной форме.

«К... коммерческому кредиту присоединяется денежный кредит в собственном смысле этого слова. Взаимные ссуды, даваемые друг другу промышленниками и купцами, переплетаются с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных капиталистов»³⁾.

Исходя из указанного понимания этих двух форм капиталистического кредита, мы должны сначала рассмотреть каждую из них самостоятельно с тем, чтобы потом установить ту связь, которая существует между ними.

В первую очередь следует рассмотреть коммерческий кредит, так как он «составляет основу кредитной системы»⁴⁾. При этом необходимо иметь в виду, что «судный капитал и промышленный капитал здесь тождественны»⁵⁾ т. е. тот капитал, который ссужается при коммерческом кредите, не представляет собою праздно лежащего денежного капитала, обособившегося от движения промышленного капитала (как это имеет место при банковском кредите), а является составной частью самого функционирующего капитала, находящегося в определенной фазе своего воспроизводства.

Это, однако, не следует понимать в том смысле, что коммерческий кредит не имеет никакого отношения к судному капиталу и что здесь налицо лишь движение промышленного капитала, как это представляется Трахтенбергу. Нельзя отождествлять тот кругооборот промышленного капитала, при котором товарная форма его превращается в наличные деньги, с таким его кругооборотом, при котором товарная форма не превращается непосредственно в наличные деньги, но товарная стоимость отчуждается покупателю посредством коммерческого кредита с последующим возвратом денежного эквивалента. Это включение кредита в кругооборот промышленного капитала выражает противоречия, заложенные в самом процессе капиталистического воспроизводства. В силу ряда причин (различная продолжительность периодов воспроизводства и обращения товаров, несоответствие времени производства и обращения различных товаров в силу сезонности их производства и сбыта и т. д.) у одних капиталистов оказывается избы-

ток товарного капитала, у других же — недостаток денежного капитала, необходимого для приобретения у первых капиталистов нужных им товаров. Таким образом, при условии продажи товаров только за наличные деньги непрерывность капиталистического процесса воспроизводства оказывается неосуществимой, так как у одних капиталистов товары оказываются готовыми к продаже, раньше чем у других появятся деньги от продажи их собственных товаров. Указанное противоречие между производством и обращением находит свое разрешение в коммерческом кредите, при котором капиталисты, имеющие временно избыток капитала в товарной форме, передают его тем капиталистам, которые в нем нуждаются. Отсюда видно, что при коммерческом кредите промышленный капитал начинает ссужаться. Это свидетельствует о том, что, не переставая быть промышленным капиталом, он в то же время становится судным капиталом. При этом в коммерческом кредите (в отличие от банковского кредита) судный капитал еще слит с промышленным капиталом и не обособился от него, следовательно, судный капитал здесь еще находится только в зародышевой форме. Непонимание этой связи коммерческого кредита с судным капиталом неизбежно ведет к отрыву судного капитала от реального, с одной стороны, и к механистическому раздвоению коммерческого и банковского кредита, с другой стороны, что именно и имеет место у Трахтенберга.

Говоря о коммерческом кредите, следует еще иметь в виду, что когда его оказывают друг другу промышленные капиталисты, то он обслуживает переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства»¹⁾ Поскольку же, с другой стороны, этот кредит функционирует в отношениях с купцами, постольку он обслуживает транспорт и передачу товаров из одних рук в другие». Следовательно, коммерческий кредит есть форма движения не противоречий, свойственных только сфере обращения, как это развивает в своей теории «оборотного» кредита Гильфердинг, а форма движения противоречий воспроизводства, основа которых заложена в самом процессе капиталистического производства.

Далее, в силу тождества судного капитала и промышленного капитала в коммерческом кредите, движение этого кредита в основном совпадает с движением реального капитала. Чем больше и интенсивнее напряжение реального процесса воспроизводства, тем больше расширяется и коммерческий кредит. «Максимум кредита равнозначит здесь наиболее полному поглощению промышленного капитала производством»²⁾. Таким образом, в отношении коммерческого кредита необходимо подчеркнуть параллелизм его движения с движением промышленного капитала.

Одним из важных последствий развития кредита для капиталистического хозяйства является экономия на наличных деньгах, экономия, которая достигается путем развития кредитных денег. Основой же этих кредитных денег выступают векселя. Вексель представляет собой долговое обязательство, которое возникает на базе коммерческого кредита. Как правило, при продаже своих товаров друг другу в кредит функционирующие капиталисты получают взамен отсроченного платежа вексель. Мы отмечаем, что с расширением масштаба

1) Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 30, стр. 16—17.

2) Там же, стр. 17.

3) Там же, стр. 22.

4) Там же, стр. 17.

5) Там же, стр. 19.

1) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30, стр. 20.

2) Там же.

капиталистического производства расширяется и коммерческий кредит. Очевидно, что одновременно с последним растет и масса векселей, которые в свою очередь начинают обращаться между функционирующими капиталистами в качестве орудий обращения. Поскольку же при коммерческом кредите «каждый оказывает кредит одной рукой и получает кредит другой»¹⁾, ясно, что в известных пределах эти векселя, при наступлении срока погашения их, взаимно компенсируют друг друга. В тех пределах, в которых взаимные требования капиталистов друг к другу погашаются путем зачета встречных претензий, эти кредитные документы «абсолютно выполняют функцию денег, так как в таком случае не производится заключительного их превращения в деньги»²⁾ Таким образом, коммерческий кредит через вексельное обращение, которое является лишь выражением этого кредита, помимо непосредственной своей функции по обслуживанию процесса воспроизводства, является основой для обращения кредитных орудий и тем самым приводит к экономии на наличных деньгах, на золоте, производство которого представляет собою большую долю непроизводительных издержек капиталистического способа производства.

Следовательно, в коммерческом кредите налицо следующие два момента:

1) Поскольку взаимные кредиты между капиталистами покрывают друг друга, коммерческий кредит, не перераспределяя капитала, приводит к экономии денег;

2) в тех же пределах, в каких кредит, предоставляемый одним капиталистом, не покрывается кредитом, получаемым им от других капиталистов, коммерческий кредит не только экономизирует деньги, но и означает перераспределение капиталов в обществе.

Но для обращения частных векселей поставлены довольно узкие границы. Частный вексель может быть использован в качестве платежного средства вместо действительных денег лишь в том случае, если лицо, получающее этот вексель, знает кредитоспособность лиц, обязанных погасить его, что возможно лишь в сравнительно узких границах.

В этой узости сферы вексельного обращения обнаруживается первая граница, которая свойственна самому коммерческому кредиту. Помимо этого, коммерческий кредит обладает своими внутренними границами, за пределы которых он не может выйти. Границы коммерческого кредита определяются, во-первых, тем резервным капиталом, которым располагают функционирующие капиталисты на случай замедленного обратного притока капитала, и, во-вторых, быстротой самого этого обратного притока.

Эти границы коммерческого кредита преодолеваются банкирским кредитом.

При рассмотрении банкирского кредита следует с самого начала установить, что сужаемый при этом кредите капитал не тождественен с промышленным, как это мы наблюдаем при коммерческом кредите, а представляет собой специфический вид капитала. Объектом банкирского кредита является денежно-судный капитал, находящийся, как мы установили раньше, во внутреннем единстве с промышленным, но в то же время являющийся самостоятельным видом капитала.

Основными источниками денежно-судных капиталов, обращающихся в форме банкирского кредита, являются:

- 1) денежные капиталы функционирующих капиталистов, высвобождающиеся в ходе кругооборота капитала,
- 2) денежные капиталы денежных капиталистов,
- 3) денежные сбережения и временно свободные деньги всех классов,
- 4) доходы, погребление которых происходит постепенно.

При этом следует обратить особое внимание на необходимость банкирского кредита и на роль, которую он выполняет в связи с превращением резервных денежных капиталов функционирующих капиталистов из бездействующего капитала в денежно-судный капитал.

В своем учении о кругообороте капитала Маркс раскрывает тот свойственный непрерывному движению капитала механизм, благодаря которому происходит постоянное образование бездействующего капитала в денежной форме.

В силу особых закономерностей оборота основного капитала, постоянных и переменных элементов оборотного капитала, а также в силу известных условий накопления или капитализации прибавочной стоимости, функционирующий капитал выделяет на более или менее продолжительное время определенные суммы празднично лежащего денежного капитала. В течение времени, когда этот денежный капитал пребывает в праздном состоянии, покоится в форме сокровища, он, естественно, перестает самовозрастать. Между тем капитал есть самовозрастающая стоимость. Но процесс его самовозрастания происходит лишь в непрерывном движении. «Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»³⁾. Здесь, таким образом, содержится противоречие между объективной необходимостью пребывания известных элементов авансированного капитала в свободной денежной форме, во время которого они не могут приносить прибавочную стоимость, и сущностью капитала как самовозрастающей стоимости.

Это противоречие с развитием капиталистического способа производства все более и более развивается, пока не находит себе разрешения в том, что «с развитием капиталистического производства развивается система кредита»⁴⁾, благодаря которому денежный капитал, находящийся в свободной и празднично лежащей форме у одних капиталистов, начинает применяться и функционировать в предприятиях других капиталистов, которые уплачивают за это проценты. Тем самым этот денежный капитал начинает функционировать «для своего собственника как денежный капитал в специфическом смысле слова, как особый сорт капитала, отличный от производительного капитала»⁵⁾, т. е. как судный капитал.

При наличии отмеченных выше столь многообразных источников судного капитала, каждый из которых к тому же управляется рядом независимых друг от друга факторов, банкирский кредит обнаруживает в своем движении известную самостоятельность по отношению к движению реального капитала. Если коммерческий кредит, как мы видели, движется параллельно с движением промышленного капитала,

¹⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30, стр. 17

²⁾ Там же, ч. I, гл. 25.

³⁾ Маркс, «Капитал», т. II, гл. 4, стр. 77.

⁴⁾ Там же, гл. 17, 291.

банкирский кредит, наоборот, в ходе промышленного цикла в общем и целом движется в направлении прямо противоположному движению реального капитала и лишь в отдельные моменты этого цикла имеется «совпадение между обилием ссудного капитала и значительным расширением промышленного капитала»¹). Эта противоположность движения ссудного капитала и промышленного находит свое внешнее отражение и в противоположности динамики нормы процента и нормы прибыли. Так, например, во время кризиса низкая прибыль сопровождается высоким процентом, а во время подъема (по крайней мере, в первой фазе его) высокая прибыль сопровождается низким процентом. Объясняется это тем, что во время кризиса все стремится получить деньги в ссуду, но никто их не дает, т. е. спрос на ссудный капитал значительно превышает его предложение. В начальной же фазе подъема, напротив, свободные денежные капиталы еще в изобилии, но спрос на них не так уже велик, поскольку расширяющееся производство и торговля широко пользуются своим, так сказать внутренним, коммерческим кредитом и сравнительно мало обращаются к банкирскому кредиту.

Подчеркивая эту противоположность между движением ссудного капитала при банкирском кредите и движением реального капитала, мы, однако, не должны упускать из виду их единство при примате реального капитала. В самой противоположности их движения выражаются противоречия, присущие движению реального капитала в процессе воспроизводства. Так, например, наблюдающийся во время кризисов недостаток ссудного капитала есть лишь выражение всеобщей приостановки обычного хода воспроизводства реального капитала (прекращение фазы T¹—D¹ вызывает всеобщий внезапный спрос на деньги).

На основе выясненной нами противоположности движения банкирского кредита и реального капитала мы можем перейти теперь к анализу той двойственности, которою характеризуется банкирский кредит. Двойственность эта заключается в том, что если ссуженные деньги при банкирском кредите превращаются в руках заемщика в добавочный функционирующий капитал, то наряду с этим в банкирском кредите при известных условиях находят свое выражение и такие отношения, при которых ссуженные деньги не функционируют как добавочный капитал. Первая форма банкирского кредита Марксом называется ссудой капитала, вторая — ссудой денег. При этом нужно иметь в виду, что указанный критерий деления банкирского кредита на ссуду капитала и ссуду денег (превращаются ли деньги, ссуженные при банкирском кредите, в добавочный капитал или нет) должен быть применен по отношению как к общественному, так и к индивидуальному капиталу.

Рассмотрим прежде всего эту двойственность банкирского кредита по отношению к общественному капиталу. Исходным моментом здесь является та противоположность движения банкирского кредита и реального капитала в ходе промышленного цикла, о которой мы упоминали уже выше. Представители банковского капитала и их идеологи (т. н. «денежная школа» — Currency-school — во главе с лордом Оверстоном, Норманом и др.), стремясь «к тому, чтобы интересы ссудного и промышленного капитала представить тождественными»²,

изображали банкирский кредит при всех условиях как ссуду капитала. При этом они исходили из того неправильного представления, что спрос на кредит всегда обусловлен стремлением дать производительное применение деньгам, полученным в ссуду, т. е. привести с их помощью в действие добавочный производительный капитал. В противовес этому учению, односторонне подчеркивающему единство ссудного и функционирующего капитала, а следовательно, гармонично интересов денежных и промышленных капиталистов, и игнорирующему противоречия между ними, Маркс установил, что в действительности здесь имеются на ряду с единством и противоречия. Анализируя движение банкирского кредита в ходе промышленного цикла, Маркс доказывает, что «во времена кризисов ссуда берется для того, чтобы платить, а не для того, чтобы покупать, чтобы заключить прежние сделки, а не начинать новые»¹), при чем «нельзя сказать, что в такие периоды кризиса чувствуется каким бы то ни было образом недостаток в капитале..., и существования такого недостатка капитала нельзя поэтому с самого начала выводить из того, что наблюдается сильный спрос на денежные ссуды. Напротив, рынки переполнены, наводнены товарным капиталом»²). В другом месте Маркс подчеркивает, что «в периоды кризиса... каждый занимает лишь для того, чтобы уплатить, чтобы выпустить из обязательств, уже принятых на себя. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать, чтобы превратить денежный капитал в производительный или торговый капитал»³). Таким образом, если во время оживления и подъема предприниматели прибегают к банкирскому кредиту для увеличения своих капиталов и расширения производства или торговли, т. е. деньги берутся здесь в ссуду как капитал, то в период кризиса предприниматели стремятся лишь к превращению наличного капитала (имеющегося у них в виде избыточного нереализующегося товарного капитала и векселей, представляющих цену проданных ранее товаров) в денежную форму. Иными словами, во время кризисов предпринимателям «требуется капитал не как капитал, а капитал как деньги»⁴). Следовательно, противоречия, заложенные в самом строе капиталистического производства и выражающиеся в его скачкообразном и прерывистом движении, придают банкирскому кредиту установленную выше двойственность. Обслуживая, как правило, ссуду капитала в условиях расширенного воспроизводства, банкирский кредит во время кризиса превращается в ссуду денег.

Выяснив двойственность банкирского кредита на базе движения общественного капитала, рассмотрим теперь эту двойственность по отношению к индивидуальному капиталу. Когда заемщик получает от банка капитал в денежной форме, отдавая ему взамен свой капитал в какой-нибудь другой форме (в форме товаров, векселей или ценных бумаг), то он лично не получает при этом добавочного капитала, но лишь превращает свой капитал в необходимую ему в данное время денежную форму. Всякая обеспеченная залогом банковская ссуда — учет векселей, подтоварные ссуды, ссуды под ценные бумаги и т. п. — представляет собою, следовательно, по отношению к индивидуальному ка-

¹) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30, стр. 27.

²) Там же, гл. 32, стр. 52.

¹) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 28, стр. 434.

²) Там же, стр. 435.

³) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 32, стр. 50—51.

⁴) Маркс «Капитал», т. III, ч. II, гл. 32.

платил заемщика только ссуду денег. Подробно комментируя это положение Маркса, Энгельс указывает, что ссуда денег тем существенно отличается от ссуды капитала, что при ней «между А (заемщиком. — Авт.) и банком произошла временная взаимная передача капиталов, при чем А не получил никакого дополнительного капитала (напротив!), но, конечно, получил необходимые для него платежные средства», тогда как в случае ссуды, не обеспеченной залогом, «он получил в ссуду не только платежное средство, но безусловно также и новый капитал»¹⁾.

Если двойственность банковского кредита по отношению к обществу капиталу порождается противоречиями движения капиталистического воспроизводства в целом, то установленная только что двойственность этого кредита по отношению к индивидуальному капиталу порождается противоречиями, заложенными в кругообороте этого капитала. Например, в кругообороте капитала неизбежно бывают моменты, когда нарушается необходимое для поддержания непрерывности процесса производства соответствие между товарной и денежной частями капитала. Недостаток денежного капитала при наличии товарного капитала побуждает предпринимателя обращаться к банковскому кредиту для получения денежной формы капитала кибо непосредственно взамен своего товарного капитала (подтоварные ссуды), либо же взамен векселей, представляющих собою реализованный в порядке коммерческого кредита товарный капитал (учет векселей).

Из сказанного видно, какое существенное значение имеет проведенное Марксом и Энгельсом разграничение между ссудой денег и ссудой капитала по отношению как к общественному, так и к индивидуальному капиталу. Те марксисты, которые игнорируют это деление, рассматривая банковский кредит при всех условиях только как ссуду капитала (Выгодский, Раскин и др.), смазывают тем самым противоречивость банковского кредита и возвращаются к отмеченным выше взглядам Оверстона и др., отражавших одностороннюю точку зрения банкира, для которого и при ссуде денег и при ссуде капитала ссужаемые деньги являются капиталом, приносящим проценты.

Установив особенно те, которые обнаруживаются в движении коммерческого и банковского кредита и тем самым характеризуют их как самостоятельные формы кредита, мы не должны, однако, упускать из виду их связь и единство. Коммерческий и банковский кредит представляют собой различные моменты (стороны) внутри единого капиталистического кредита. При этом коммерческий кредит, составляя «основу кредитной системы»²⁾, представляет вместе с тем основу, на которой развивается банковский кредит. С другой стороны, банковский кредит, возникнув и развиваясь на базе коммерческого кредита, в свою очередь, сообщает последнему толчок в сторону дальнейшего развития. В самом деле, при наличии банков функционирующие капиталисты имеют широкую возможность превращать оказываемый ими друг другу коммерческий кредит в банковский кредит путем учета своих векселей в банках. Эта возможность с развитием банковской системы реализуется промышленниками и торговцами столь широко, что основная масса векселей задолго до истечения

сроков платежа по ним обычно сосредоточивается в банковских портфелях. Естественно, что при таких условиях, когда коммерческий кредит может легко превращаться в банковский путем простого учета векселей, функционирующие капиталисты начинают значительно свободнее оказывать друг другу взаимный кредит, и развитие коммерческого кредита получает огромный размах. Расширение же коммерческого кредита означает расширение основы банковского кредита и в свою очередь порождает дальнейшее развитие последнего. В этом сказывается связь и взаимодействие между коммерческим и банковским кредитом. Понятно, что при таком взаимодействии между банковским и коммерческим кредитом, когда первый стремится максимально развить последний, а этот в свою очередь становится основой дальнейшего развития первого, капиталистический кредит неизбежно принимает такие размеры, которые выводят объем капиталистического производства за пределы положенных ему границ. В этом сказывается то, что кредит не только разрешает капиталистические противоречия, но поднимает их на более высокую ступень. Но об этой роли кредита более подробно будет речь в следующей главе.

Рассмотрев коммерческий и банковский кредит как формы капиталистического кредита, следует отметить недопустимость отождествления с ними форм кредита в СССР.

Капиталистический кредит, представляющий собой, как мы знаем, необходимый момент в стихийном механизме капиталистического воспроизводства, обслуживает последний в неразрывном сочтении коммерческого и банковского кредита. При диктатуре пролетариата новая экономическая политика, введенная с 1921 г. и служащая делу построения социалистического общества, использует ряд инструментов буржуазного хозяйства, в том числе и кредит, для того, чтобы овладеть — по классическому выражению Т. Сталина — этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов. На первых этапах развития нэпа в силу значительного удельного веса мелкоотварного и капиталистического сектора, с одной стороны, и в силу недостаточности развитых форм непосредственно-плановых связей предпрятий самого социалистического сектора, с другой стороны, пролетарское государство в своей экономической политике широко использовало ряд косвенных рычагов. Поэтому и кредит как рычаг планового начала был допущен в обеих своих формах: как в форме банковского, так и в форме коммерческого кредита. Коммерческий кредит, в котором в большей мере, чем в банковском, находили свое отражение стихийные элементы советского хозяйства, тем не менее одновременно направлялся пролетарским государством «в пользу социализма, в ущерб капитализму».

Так, например, при помощи установления дифференцированных условий расчета в пользу государственных и кооперативных предприятий и в ущерб частнику³⁾ коммерческий кредит служил делу социалистического обществования товарооборота. Если и коммерческий кредит, предоставленный многочисленными хозорганами и предприятиями,

1) В 1923/24 г., напр., Солеснидиат отпущал свою продукцию госорганам и кооперации на 84—97% ее стоимости в кредит, частникам же только на 58%; в том же году при покупке махорки госорганы и кооперация уплачивали наличными только 23—43%, получая на остальную сумму месячный кредит, частники же платили наличными 76%, получая на остальную сумму кредит лишь на неделю.

1) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 4, гл. 28, стр. 430—431.

2) Там же, гл. 30, стр. 17.

поднялся в основном плану пролетарского государства, то тем более это относится к банковскому кредиту, сосредоточенному в руках централизованной банковской системы.

В новой обстановке, когда СССР вступил в период социализма, когда, следовательно, плановое начало поднялось на новую ступень и значительно укрепилось, минусы коммерческого кредита начали превышать его плюсы. Коммерческий кредит, потеряв всякую роль по связи с частным сектором, превратился в форму, маскирующую реальные кредитные отношения между предприятиями обществленного сектора, и тем самым создавал почти непреодолимые препятствия для планомерного распределения в соответствии с задачами хозяйственного строительства финансовых ресурсов между отдельными отраслями и предприятиями социалистического хозяйства. Так, например, промышленность на огромные суммы отпускала кооперации свою продукцию в кредит и, получая от нее векселя, предъявляла их в Госбанк к учету, так что фактически кредитором кооперации был банк, несмотря на то, что в качестве заемщика на счетах банка числилась промышленность. То же самое имело место между отдельными отраслями самой промышленности и даже в отношениях между трестами и синдикатами одной и той же отрасли промышленности. Вместе с тем следует отметить и то, что возникшая на основе коммерческого кредита масса векселей не всегда отражала наличие в товарообороте реальных товарных ценностей (мы имеем в виду практику выдачи авансовых и встречных векселей). Это через посредство учета векселей приводило к внеплановой эмиссии червонцев и дезорганизуящее действовало на состояние денежного обращения, устойчивость и нормальное состояние которого являются необходимым условием выполнения хозяйственных планов.

Кредитная реформа, проведенная законом от 30 января 1930 г., уничтожила этот коммерческий кредит и сосредоточила все дело краткосрочного кредита в Госбанке. Со времени кредитной реформы ни одно предприятие не может больше отпустить или приобрести товары в кредит, а только за наличный расчет. Те же предприятия, которые нуждаются в дополнительных оборотных средствах, получают их непосредственно от банка, при чем все взаимные расчеты все организации обществленного сектора осуществляют методом безналичных расчетов, путем переноса соизвещающих сумм в книгах банка со счета покупателя на счет продавца. Тем самым Госбанк превратился в единый расчетный центр всего народного хозяйства.

Однако в практике проведения кредитной реформы были допущены вреднейшие извращения, выразившиеся в первую очередь в **огульном кредитовании** Госбанком хозорганов «под план» вместо кредитования реальных сделок, вследствие чего хозорганы для расширения получаемых ими кредитов искусственно преувеличивали свои планы, а получаемые ресурсы банка обращали на покрытие своих прорывов. Тем самым подрывался стимул к выполнению хозорганами своих производственных планов. Далее, извращение кредитной реформы выразилось в **автоматизме кредитования**. Сущность последнего заключалась в том, что банк оплачивал счета отправителей товаров (поставщиков) по предъявлении, независимо от того, имеются ли у покупателя со ответствующие средства на его счетах в банке. Это извращение, приводя также к сверхплановому использованию ресурсов банка хозорганами, одновременно разрушающее действовало на финансово-

кредитную и хозяйственную дисциплину хозорганов и приводило к сильнейшему ослаблению хозрасчета и контроля покупателя над поставщиком в смысле качества и срока доставки продуктов.

В результате сложности и запутанности расчетов между филиалами и конторами Госбанка, порожденных этими извращениями в практике проведения кредитной реформы, Госбанк лишился возможности выполнять свои функции по стимулированию хозорганов к выполнению ими своих производственных заданий, так как он не знал реальной задолженности своих клиентов; с одной стороны, не мог осуществлять по отношению к ним надлежащего контроля рублем, а с другой — не мог сигнализировать об имеющихся прорывах вышестоящим органам.

Кредитные меньшевики и буржуазные спецы не в малой мере приложили свою руку к углублению этих извращений, пользуясь имевшим место в некоторых звеньях советского аппарата «левацким» пренебрежением к хозрасчету, контролю рублем и т. д. Всемерно способствуя присвоению Госбанком несвойственных ему функций планирования всего народного хозяйства, они на самом деле стремились привести к подрыву хозрасчета, контроля рублем, а в конечном счете и всей денежной и кредитной системы Союза.

Однако партия и правительство во-время вскрыли корни извращений в практике проведения кредитной реформы и постановлениями Совнаркома от 14/1 и 20/III 1931 г., известными под названием поправок к кредитной реформе, уничтожили эти извращения, вернув Госбанку к выполнению его действительных задач по укреплению хозрасчета и финансово-кредитной дисциплины.

Эти поправки уничтожили в первую очередь практику огульного кредитования «под план», заменив его системой кредитования реальных сделок хозорганов, вытекающих из предварительно заключенных между ними договоров. Этим самым объем банковского кредита определяется уже не голым планом, а степенью его реального выполнения, которое и находит свое отражение в движении сделок, отражающих выполнение договоров между хозорганами. Основой банковского кредита вместо необоснованных и раздутых требований на кредит становится действительная потребность хозяйства, контролируемая реальными сделками между хозорганами на основе заключенных между ними договоров.

Далше, эти поправки ликвидируют автоматизм банковского кредита, заменяя его практикой оплаты счетов поставщиков лишь после акцента (принятия) их покупателями и в пределах наличия у них денежных средств на счетах банка. Этим самым банк гарантирует себя от непланового покрытия прорывов хозорганов за счет собственных средств, с одной стороны, а с другой, — побуждает хозорганы к действительному выполнению всех показателей заданных им планов, без чего они неизбежно теряют свою финансовую устойчивость. Наконец, ликвидация автоматизма кредитования восстанавливает действие хозрасчета в отношениях между предприятиями, обеспечивая одновременно контроль покупателя над поставщиком.

Весьма важно отметить, что, в то время как в результате извращений в практике проведения кредитной реформы пал стимул хозорганов к увеличению своих накоплений и, следовательно, создалась угроза для дальнейших темпов расширенного воспроизводства, поправки к кредитной реформе, поднимая на высокую ступень хозрасчет, контроль рублем и т. д., восстанавливают этот стимул и служат к его усилению.

Наконец, необходимо еще отметить постановление СТО от 23 июля 1931 года «Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций», которое является прямым завершением принципов, положенных в основание поправок к кредитной реформе. Это постановление СТО уничтожило обезличку, которая царила в области оборотных средств хозорганов, путем наделения последних строго определенными собственными оборотными средствами. Со времени этого постановления условия пользования хозорганами собственными оборотными средствами коренным образом начинают отличаться от условий пользования заемными средствами Госбанка. Установились два отличных друг от друга финансовых режима: режим для собственных оборотных средств, согласно которому предприятия распоряжается ими по собственному усмотрению, и режим для заемных средств, согласно которому предприятия получают от Госбанка кредит на определенную цель на строго определенный срок, с обязательством возврата его по истечении срока.

Смысл описанного мероприятия сводится к тому, что, внося большую четкость в организацию краткосрочного кредита Госбанка, с одной стороны, и обеспечивая маневренность предприятий — с другой, оно способствует внедрению хозрасчета как метода, стимулирующего предприятия, к изысканию новых источников накопления, необходимость которых была подчеркнута т. Сталиным на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.

В итоге всех описанных мероприятий организация кредита у нас приняла такие формы, которые служат делу успешного осуществления контроля рублем, внедрения хозрасчета и расширения социалистического накопления.

Возвращаясь к анализу капиталистического кредита, обратимся теперь к рассмотрению роли капиталистических банков, представляющих собою особого рода предприятия, специальной функцией которых является торговля кредитом.

В этой своей деятельности банки являются в основном посредниками между владельцами свободных денежных капиталов и нуждающимися в них функционирующими капиталистами, передавая капиталы первых в распоряжение последних. Не следует, однако, сводить деятельность банков исключительно к посреднической функции, так как, мобилизуя сбережения за счет доходов всех классов общества, банковская система делает возможным превращение в капитал таких денежных доходов, которые без ее участия не выступали бы в качестве капитала. «Накопление мелких сумм как особый результат банковской системы, — говорит Маркс, — следует отличать от ее посреднической роли между денежными капиталистами и заемщиками»¹⁾.

Осуществляя мобилизацию свободных денежных капиталов и сбережений, концентрируя их и передавая в распоряжение функционирующих капиталистов, банки и кредитная система, таким образом, необходимы для капиталистического общества, так как они способствуют разрешению противоречия между стремлением капиталистического производства к безграничному расширению и ограниченностью размеров накопления индивидуальных капиталов»²⁾.

Выполняя эти свои функции, банки становятся средством капиталистического кредита, так как в них, как в фокусе, сходятся все предложение и весь спрос на денежный капитал. «С одной стороны, — говорит Маркс, — банк представляет централизацию денежного капитала заимодавцев, с другой — централизацию заемщиков»¹⁾. Будучи, таким образом, «общими управителями денежного капитала»²⁾, банки на этой основе получают возможность наряду с предоставлением кредита за счет собственных и привлеченных денежных капиталов и доходов оказывать кредит путем создания своих собственных кредитных орудий обращения. Сюда относятся непокрытые золотом банкноты, банкирские векселя, акцепты, чеки и т. д. Предоставляя кредит посредством этих вновь созданных им знаков стоимости, банк получает процент точно так же, как и при кредите, оказываемом за счет уже существующих денежных капиталов. Таким образом, для банка это создание знаков стоимости представляет собою создание кредита и добавочного капитала. Однако было бы в корне неверно видеть в этой стороне банковского кредита проявление какой-либо особой творческой роли банка и приписывать последнему способность создавать добавочный общественный капитал, как это пытаются истолковать буржуазные экономисты (Ган, Шумпетер и др.), взгляды которых в и вестной мере нашли свое отражение и у Трахтенберга»³⁾. На самом деле создаваемый банком капитал является фиктивным и, будучи добавочным капиталом для него, не образует добавочного капитала для общества. Фиктивным этот капитал является потому, что он представляет собою не действительную стоимость, а лишь знаки стоимости. Выпуск же этих кредитных орудий обращения не может быть основан только на стремлении банков к получению добавочной прибыли, но имеет свои корни в реальном процессе воспроизводства. Так, например, во время промышленного подъема, характеризующегося быстрым ростом производства, торговли и биржевой спекуляции, неизбежно обнаруживается недостаток наличных денег. При этих условиях банки не могут полностью удовлетворять растущий спрос на кредит только за счет притока к ним накапливающихся денежных капиталов и доходов и все в большей степени прибегают к расширению своего кредита путем эмиссии новых кредитных орудий обращения. Обслуживая в этой форме рост капиталистического производства, выходящего за рамки узкого базиса потребления, банкирский кредит тем самым обостряет неизбежно наступающий кризис перепроизводства. Во время же кризиса, когда к банковскому кредиту предъявляется колоссально возросший спрос на деньги, как на платежные средства, и вкладчики, охваченные паникой, внезапно истребуют из банков свои вклады, когда банкротства охватывают и самую банковскую систему, эмиссионные банки используют тот национальный кредит, который они представляют, для выпуска новых непокрытых золотом банкнот с целью ослабления паники, при чем при вздутом проценте загребают на этих операциях немалые барыши. «Кредитная система, — говорит Маркс, — имеющая свой центральный пункт в так называемых национальных банках и группирующихся вокруг них крупных торговцев деньгами и ростовщиков, представляет ги-

¹⁾ Маркс «Капитал», т. III, ч. I, гл. 25, стр. 380.

²⁾ Подробнее о деятельности банков, их видах, операциях, а также о кредитных деньгах (банкнотах) см. в рабочем материале к настоящему разделу, п. 3.

¹⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, гл. 25, стр. 379.

²⁾ Там же

³⁾ Критику буржуазных и антимарксистских теорий — см. раздел II

гантского централизованного и дает этому классу паразитов скачкообразную силу не только периодически громить промышленные капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться в действительное производство¹⁾.

Подводя итоги всему сказанному о капиталистических банках, следует подчеркнуть, что они, с одной стороны, обслуживают процесс расширенного воспроизводства, способствуя разрешению противоречия между ростом производства и ограниченностью размеров индивидуального капитала, а с другой стороны, одновременно ведут к дальнейшему обострению противоречий капиталистического воспроизводства, обостряя вытекающие из самой природы капиталистического способа производства периодические кризисы²⁾.

Совершенно иную роль играют банки и кредитная система в СССР. Октябрьская революция, обобщив решаящую часть средств производства и уничтожив основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, тем самым устранила и ту границу расширенного воспроизводства, которая при капитализме ставится величиной индивидуального капитала. Роль советских банков, таким образом, не может заключаться в разрешении указанного противоречия. С другой стороны, в советском хозяйстве, развивающемся по закону бескризисного расширенного воспроизводства, само собою разумеется, не могут существовать выведение производства за границы потребления. Наконец, советские банки нельзя рассматривать и как посредников в движении ссудных капиталов (как это делает, например, Трахтенберг, смазывающий принципиальное отличие советского банка от капиталистического), так как, уничтожив капитал и превратив средства производства в собственность самого рабочего класса, советское государство тем самым уничтожило и превращение денег в денежный и ссудный капитал.

Коренным образом отличаясь от капиталистических банков, советские банки в то же время играют важную роль в общем процессе социалистического строительства. Эту роль они играют в качестве органов, планомерно мобилизующих и перераспределяющих в порядке кредита свободные денежные средства, при чем тем самым они становятся аппаратом «общегосударственного учета производства и распределения продуктов» (Ленин). В этой своей деятельности советские банки служат рычагом общезоциального плана, осуществляя посредством своего кредита контроль рублем и внедрение хозрасчета и добиваясь таким образом максимального использования всех ресурсов в интересах социалистического накопления. На ряду с этим советская кредитная система (госзаимы, вклады в сберкассы и т. д.) способствует росту социалистического накопления путем мобилизации свободных денежных средств населения и производительного использования их в процессе расширенного воспроизводства.

В итоге изучения форм капиталистического кредита мы можем установить, что:

1) коммерческий и банкирский кредит необходимы для капиталистического производства, будучи формами движения (разрешения и дальнейшего обострения) его противоречий,

2) ссудный капитал, зарождающийся в коммерческом кредите, получает свою законченную форму в банкирском кредите,

3) банки, возглавляя кредитную систему и будучи особым видом капиталистических предприятий, обслуживают движение капиталистического кредита.

Банкирский кредит, основные черты которого рассмотрены выше, образует необходимое условие для развития акционерных предприятий и фиктивного капитала. Акционерные предприятия представляют собой предприятия ассоциированных капиталистов. Капиталы этих предприятий образуются путем размещения на денежном рынке (обычно через банки) акций и облигаций.

Зависимость между развитием акционерного дела и банкирским кредитом можно установить по следующим линиям.

Во-первых, самое учреждение акционерных предприятий происходит большей частью при участии банков, ибо для этого учреждения требуется авансировать крупный капитал, которым индивидуальный капиталист обычно не располагает, но который банк, распоряжающийся денежным капиталом многочисленных капиталистов и доходами некапиталистических слоев, легко может мобилизовать.

Во-вторых, и для последующей реализации акций требуется посредничество банков, имеющих широкий круг клиентуры и разветвленную кредитную связь и способных вследствие этого, легче чем кто-либо другой, разместить вновь выпущенные акции. Таким образом, кредитная система образует «главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные компании»³⁾. Следует отметить, что в условиях империализма связь акционерных предприятий с кредитной системой становится еще более тесной, ибо сращение промышленного капитала с банковским выражается, между прочим, и в том, что учредительская деятельность и выпуск новых акций все в большей степени сосредоточиваются в руках крупнейших банков.

Наконец, связь между кредитом и акционерным делом обнаруживается и в самой природе акций и облигаций. Облигация как по существу, так и формально является кредитным документом. Владелец облигации является кредитором соответствующего акционерного предприятия и получает от него определенный процент на сумму, обозначенную на облигации. Акция, которая формально представляет собой документ, свидетельствующий об участии его владельца в соответствующем предприятии, фактически является также кредитным документом. Это обнаруживается по крайней мере в двух обстоятельствах: во-первых, владельцы акций получают от предприятия дивиденд, представляющий подобно проценту лишь часть реализованной ими прибыли; другая же часть последней в форме учредительской прибыли достается организаторам этих предприятий; и во-вторых, владельцы акций фактически не принимают участия в руководстве предприятиями, подобно владельцам облигаций.

Распространение акционерной формы предприятий создает основу для усиленного развития фиктивного капитала, в крайней степени усиливающего извращение реальных отношений, которое совершается в системе кредита⁴⁾. Фиктивный капитал, таким образом, представ-

¹⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 33, стр. 88—84

²⁾ Подробное о роли кредита в развитии капиталистических противоречий см. в гл. III.

³⁾ Там же, ч. 2, гл. 29.

⁴⁾ Там же, ч. 2, гл. 29.

ляет собой не часть или вид ссудного капитала, как это считает Трахтенберг, а лишь форму приложения последнего или, как говорит Маркс, он представляет собой «лишь сферу помещения для капитала, предназначенного к ссуде»¹⁾. В качестве такового фиктивный капитал «обладает своим собственным движением»²⁾ в виде курсов акций, облигаций и т. д. Так, например, во время кризисов одновременно с недостатком ссудного капитала и резким повышением его «цены» — процента имеют место избыток и обесценение фиктивного капитала.

Размеры и значение фиктивного капитала при империализме неизмеримо вырастают, во-первых, благодаря чрезвычайному развитию акционерной формы предприятий, во-вторых, в силу колоссального роста государственных долгов, связанных с бешеным развитием милитаризма в империалистических странах, и, наконец, в силу огромной концентрации банковско-кредитной системы. Поэтому на почве современного монополистического капитализма «собственное движение» фиктивного капитала достигает своего апогея, опираясь на невиданное разбухание суммы эмиссий ценных бумаг.

Под фиктивным капиталом следует понимать капитализированный доход, который (доход) регулярно поступает к владельцу того или иного титула собственности (акция, облигация и т. д.). Так, «если например, годовой доход = 100 L и размер процента = 5%, то 100 L представляют годовой процент на 2.000 L, и эти 2.000 L считаются теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности на доход в 100 L ежегодно»³⁾.

Выяснив сущность ссудного капитала и тех категорий, которые возникают на основе его развития, мы в дальнейшем (в гл. 3) перейдем к рассмотрению тех важных функций, которые кредит в целом выполняет в капиталистическом процессе воспроизводства, и того дальнейшего развития и обострения основных противоречий капитализма, к которому он приводит.

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ

к главе II «Формы кредита»

I. КОММЕРЧЕСКИЙ КРЕДИТ

а) Тождественность ссудного и промышленного капитала в коммерческом кредите и совпадение движения коммерческого кредита с циклическим ходом воспроизводства

...Анализируем сначала коммерческий кредит, т. е. кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства...

...Если рассматривать этот кредит отдельно от банковского кредита, то очевидно, что он растет вместе с ростом самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; ссуженные капиталы суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления, или

¹⁾ Маркс, «Капитал», I, II, ч. 2, гл. 29.

²⁾ Там же, стр. 3.

³⁾ Там же, стр. 4.

⁴⁾ Наряду с фиктивным капиталом в указанном выше смысле (как капитализированным доходом) Маркс обращает внимание и на фиктивное большей части банковских вкладов, поскольку они «представляют долговые обязательства банкира и никогда не имеются в наличности» (там же).

для возмещения постоянных элементов производственного капитала. Следовательно, то, что здесь представляется ссуженным капиталом, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но посредством купли и продажи переходящей из одних рук в другие, при чем эквивалент занею улачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, например, хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель — в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель попадает к экспортеру, от экспортера, опять-таки в обмен на вексель, идет к индийскому торговцу, который продает его, покупая взамен индиги и т. д. В течение этого перехода из рук в руки хлопок совершает свое превращение в ситец; ситец в конце-концов транспортируется в Индию, обменивается на индигу, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства обслуживаются здесь при посредстве кредита так, что прядильщик не оплачивает наличными хлопком, фабрикант ситца — пряжи, купец — ситца и т. д. В первых актах процесса товар — хлопок проходит различные фазы производства, и переход этот обслуживается кредитом. Но как только хлопок получен в производстве свою заключительную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые обслуживают транспорт на отдаленный рынок, и последний из которых продает его в конце-концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления, или в процесс воспроизводства. Следовательно, здесь надо различать два периода: в течение первого кредит обслуживает действительные последовательные фазы в производстве данного предмета; в течение второго — он обслуживает лишь переход из рук одного купца в руки другого, куда включаются и транспорт, т. е. обслуживает акт Т—Д. Но и здесь товар все же находится по крайней мере в акте обращения, следовательно, в известной фазе процесса воспроизводства.

Итак, то, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, это — капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который для владельца существует в такой форме, в которой он представляет для него просто товарный капитал, т. е. капитал, который должен совершить обратное превращение и, по крайней мере, прежде всего превратиться в деньги. Итак, это — метаморфоз товара, совершающийся в данном случае при посредстве кредита; не только Т—Д, но также Д—Т, т. е. действительный процесс производства. Если оставить в стороне банковский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает обилие свободных капиталов, ищущих прибыльного помещения и потому предлагаемых в ссуду, — оно означает обилие капиталов, занятых в процессе воспроизводства. Итак, при посредстве кредита обслуживается:

1) поскольку дело идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно сопрягающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства;

2) поскольку дело идет о купцах, — транспорт и переход товаров из одних рук в другие вплоть до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другие товары,

Максимум кредита равнозначит здесь наиболее полному поглощению промышленного капитала производством, т. е. высшему напряжению его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства: с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает регулярно, а потому обратный приток капитала является обеспеченным, этот кредит стоит прочно и расширяется, при чем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой, вследствие замедленного обратного притока, переполненных рынков, понизившихся цен, обнаруживается избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой этот капитал не в состоянии выполнять свои функции. Масса товарного капитала, но на него нет покупателей. Масса основного капитала, но благодаря застою воспроизводства он по большей части находится без дела. Кредит сокращается:

1) потому, что этот капитал не занят, т. е. остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому, что он не может совершить своего метаморфоза,

2) потому, что подорвано доверие к непрерывному течению процесса воспроизводства,

3) потому, что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит. Прядильщик, который сокращает свое производство и имеет на складе массу непроданной пряжи, не станет прибегать к кредиту для закупки новых партий хлопка; купец не станет покупать в кредит товаров, так как у него на руках их и без того более чем достаточно.

Следовательно, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальная интенсивность процесса воспроизводства, то вместе с тем является и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность в продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда каждому есть что продать, но никто не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, — в этот период масса капитала — не свободного и ищущего помещения, а стесненного в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как-раз тогда, когда всего сильнее также недостаток в кредите (и потому всего выше учетный процент при банкирском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается незанятым целыми массами, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики не работают, сырые материалы накапливаются на складах, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел недостатку производительного капитала. Как-раз именно в этот период имеется избыток производительного капитала и по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, и по сравнению с пониженным потреблением (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

5) Венесельское обращение или выражение коммерческого кредита

... Я показал уже (книга I, гл. III, § 3, п. в), каким образом из простого товарного обращения развивается функция денег как платежного средства и вместе с тем устанавливается отношение кредитора и должника между производителями товара и торговцами товаром. С развитием торговли и капиталистического способа производства, которое производит в расчете лишь на обращение, это естественное основание кредита расширяется, получает всеобщее значение, развивается. В общем и целом деньги играют здесь лишь роль платежного средства, т. е. товар продается за те деньги, а под письменное обещание платежа в определенный срок. Все такого рода платежные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию векселей. Такие векселя до истечения их срока и до наступления дня платежа в свою очередь сами обращаются как платежное средство; они-то и образуют собственно торговые деньги. Поскольку они в концоконцов погашают друг друга при сведении счетов по требованиям и долгам, они абсолютно выполняют функцию денег, так как в таком случае не происходит заключительного их превращения в деньги... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 25).

...Поскольку эти векселя снова обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей одного на другого, без посредства учета, мы имеем перед собою лишь перенесение долгового обязательства с А на В, что совершенно не изменяет исследуемых соотношений. Одно лицо только становится на место другого. Но даже и в этом случае ликвидация может иметь место без вмешательства денег. Например, прядильщик А должен уплатить по векселю хлопковому маклеру В, а этот последний — импортеру С. Если С в то же время экспортирует пряжу, что случается довольно часто, то он может в обмен на вексель купить у А пряжи, а прядильщик А погашает свой долг маклеру В собственным векселем последнего, полученным А от С в счет платежа, при чем деньгами приходится уплатить только разницу. Вся эта сделка обслуживает в таком случае лишь обмен хлопка на пряжу. Экспортёр представляет только прядильщика, хлопковый маклер — плантатора, разводящего хлопок.

Рассматривая кругооборот этого чисто коммерческого кредита, необходимо отметить две вещи.

Во-первых, уплата разницы по этим взаимным долговым обязательствам зависит от обратного притока капитала, т. е. от акта Т—Д, который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от фабриканта ситца, то ситцевый фабрикант может уплатить, если он до срока уплатит успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт хлебом выдал вексель на своего фактора, то фактор может уплатить деньги, если к надлежащему сроку ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом, эти уплаты зависят от течения воспроизводства, т. е. процесса производства и потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платежеспособность одного зависит от платежеспособности другого; ведь тот, кто подписывает свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала в его собственном предприятии, или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое к данному сроку должно уплатить ему по векселю. Оставшая же в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только на счет резервного капитала, кото-

рым располагает всеобладатель для погашения своих обязательств в случае замедленного возвращения капитала.

Во-вторых, эта кредитная система не уничтожает необходимости уплаты наличными. Прежде всего значительная часть затрат должна всегда производиться наличными, как, например, выдача заработной платы, уплата налогов и т. д. Но и кроме того, представим себе, например, что **В**, получивший от **С** в счет платежа вексель, срок которого еще не истек, сам должен уплатить **Д** по векселю, для которого уже наступил срок платежа — он должен иметь для этого наличные деньги. Такой совершенный кругооборот воспроизводства, какой выше предположен между плантатором, возделывающим хлопок и прядильщиком, наоборот, может явиться только в виде исключения; в действительности он постоянно должен прерываться во многих местах. При рассмотрении процесса воспроизводства (книга II, отд. III) мы видели, что производители постоянного капитала отчасти обменивают постоянный капитал между собою. Следовательно, они могут в большей или меньшей степени погашать векселя друг на друга. То же самое имеет место в восходящей линии производства, если, например, торговец хлопком шьет вексель на прядильщика, прядильщик на фабриканта ситца, этот последний на экспортера, экспортер на импортера (быть-может, опять-таки на импортера хлопка). Однако здесь эти сделки не замыкаются в круг, и потому ряд требований не возвращается обратно. Например, требование прядильщика, обращенное к ткачу, не может быть компенсировано требованием поставщика угля, обращенным к фабриканту машин; прядильщик в своем предприятии никогда не может создать встречного требования на фабриканта машин, так как его продукт, пряжа, никогда не может войти в качестве составного элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны быть погашены деньгами... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

в) Границы коммерческого кредита

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать самих по себе, определяются:

- 1) богатством промышленников и купцов, т. е. резервным капиталом, находящимся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала;
- 2) самым этим обратным притоком. Этот последний может замедлиться на известный период времени, или товарные цены могут в течение этого периода времени понизиться, или товар может вдруг оказаться непроданным вследствие застоя на рынке. Чем долгосрочнее вексель, тем больше должен быть резервный капитал и тем значительнее вероятность сокращения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка определялась спекуляцией на повышении или падении товарных цен. Ясно однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе:

- 1) рынки расширяются и удаляются от места производства,
- 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно,
- 3) спекулятивный элемент все сильнее должен обнаружить свое господство в сделках. Производство в крупном масштабе и для отдельных рынков выбрасывает весь продукт в руки торговцев; невоз-

можно, однако, чтобы капитал нации удвоился, так что торговцы сами по себе были бы в состоянии закупить на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен, кредит, увеличивающийся в размере вместе с ростом стоимости производства и делающийся все более долгосрочным по мере увеличивающейся отдаленности рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций... (Маркс «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

2. БАНКИРСКИЙ КРЕДИТ

а) Источники банковского кредита

1) Образующиеся в ходе кругооборота капитала резервные денежные капиталы. Из своеобразного обращения основного капитала вытекает своеобразность оборота. Та часть стоимости, которую вследствие снашивания утрачивает его натуральная форма, обращается как часть стоимости продукта. Посредством обращения продукт из товара превращается в деньги; превращается, следовательно, в деньги и та часть стоимости средств труда, которую продукт несет в обращение, и притом эта часть стоимости каплями в виде денег падает из процесса обращения в той мере, в какой данное средство труда перестает быть носителем стоимости в производственном процессе. Следовательно, существование стоимости этого средства труда теперь разводится. Часть ее остается связанной с потребительной или натуральной формой средств труда, принадлежащей производственному процессу, другая же часть отделяется от нее в виде денег. В ходе своего функционирования та часть стоимости средств труда, которая существует в их натуральной форме, постоянно уменьшается, между тем как превращившаяся в денежную форму часть стоимости постоянно увеличивается, пока, наконец, средства труда не отживут свой век, и вся их стоимость, отделившись от труппа средств труда, не превратится в деньги. Здесь проявляется своеобразность в обороте этого элемента производительного капитала. Превращение его стоимости в деньги идет равным шагом с превращением в деньги того товара, который является носителем этой стоимости. Но его обратное превращение из денежной формы в потребительскую форму отделяется от обратного превращения товара в прочие элементы производства последнего и определяется уже периодом воспроизводства самих средств труда, т. е. временем, в течение которого средства труда отживают свой век, так что их приходится заменить другим экземпляром того же рода. Если продолжительность функционирования какой-либо машины стоимостью, положим, в 10,000 составляет, например, 10 лет, то время оборота стоимости, первоначально авансированной на эту машину, составит 10 лет. До истечения этого времени ее не приходится возобновлять, она продолжает действовать в своей натуральной форме. Между тем ее стоимость частями поступает в обращение как часть стоимости товаров, непрерывному производству которых служит машина, и таким образом постепенно превращается в деньги, пока, наконец, на исходе 10 лет, она целиком не превратится в деньги, а из денег не превратится обратно в машину и, следовательно, не завершит своего оборота. До наступления этого момента воспроизводства стоимость машины постепенно накапливается в форме резервного денежного фонда... (Маркс, «Капитал» т. II, гл. 8).

... В непрерывном ходе производственного процесса постоянно образуется резервный денежный капитал, так как сегодня, например, поступили платежи, а производить платежи придется лишь в поздней, шее время; сегодня проданы большие массы товара, а покупать большие массы товара придется лишь в позднейшие дни; следовательно, в эти промежутки та или иная часть оборотного капитала постоянно находится в денежной форме....

... В известных случаях товары **Sp** и **P**, в которые превращается **D** для того, чтобы исполнить свою функцию в качестве денежного капитала, в качестве капитальной стоимости, предназначенной к обратному превращению в производительный капитал, эти товары покупаются и оплачиваются в различные сроки, и, следовательно, **D — T** представляет ряд покупок и платежей, совершающихся один после другого; в таких случаях часть **D** совершает акт **D — T**, между тем как другая часть все еще остается в денежном состоянии, чтобы потом, в момент, определяемый условиями самого процесса, послужить для ряда одновременных или последовательных актов **D — T**. Эта часть лишь временно отвлечена от обращения, чтобы в известный момент вступить в действие, приступить к исполнению своей функции. Но самое сохранение этой части в запасе представляет в свою очередь функцию, определяемую ее обращением и предназначенную для обращения. В таком случае ее существование в качестве покупательного и платящего фонда, приостановка ее движения, состояние перерыва в ее обращении тоже являются состоянием, в котором деньги исполняют тождественно из своих функций в качестве денежного капитала.

... Задержка денежного капитала в его денежном состоянии является результатом перерыва движения, будет ли последний целесообразен или нецелесообразен, дотроволен или недотроволен, вытекает ли из функций капитала или противоречит им... (Маркс, «Капитал» т. 2, гл. 15).

Денежный капитал, высвободившийся таким способом, вследствие одного только механизма движения оборотов, играет значительную роль на ряду с денежным капиталом, образующимся от последовательного возвращения основного капитала и с денежным капиталом, который необходим в каждом процессе труда для переменного капитала) и, когда развивается система кредита, является одной из основ для нее (Маркс, «Капитал», т. II, гл. 15).

Может ли **D**, прибавочная стоимость, превратившаяся в золото, немедленно присоединиться к совершающей движение капитальной стоимости **n**, составив вместе с капиталом **D** величину **D¹**, войти в процесс кругооборота — это определяется обстоятельствами, не зависящими от простой наличности **D**. Если **D** должно послужить в качестве денежного капитала в новом, самостоятельном предприятии, которое предполагается основать около первого, то ясно, что **D** может быть употреблено на это лишь тогда, когда оно обладает минимальной величиной, необходимой для такого предприятия. Если **D** должно быть употреблено на расширение первоначального предприятия, то опять-таки отношение материальных факторов **P** и отношения их стоимости требуют определенной минимальной величины **D**. Между всеми средствами производства, действующими в этом предприятии, существует не только известное качественное, но и определенное количественное соотношение, известная пропорциональность размеров.

Эти материальные отношения и связанные с ними отношения стоимости факторов, входящих в производительный капитал, определяют тот минимальный размер, которого должно достигнуть **D** для того, чтобы его можно было превратить как прирост производительного капитала в дополнительные средства производства и дополнительную рабочую силу или только в первые. Так, прядильщик не может увеличить числа своих веретен, если одновременно не приобретет соответствующего числа чесальных и трепальных станков, не говоря уже об увеличенных затратах на хлопок и заработную плату, обусловливаемых таким расширением предприятия. Следовательно, для того, чтобы осуществить последнее, прибавочная стоимость должна уже составлять порядочную сумму (обыкновенно новые затраты определяются в 1 ф. ст. на веретено). Пока **d** не достигнет этих минимальных размеров, капитал должен несколько раз повторить кругооборот, прежде чем сумма последовательно произведенных им **d** получит возможность функционировать вместе с **D**.

следовательно, в **D—T**

```
graph LR; DT[D-T] --- P[P]; DT --- Sp[Sp];
```

... Итак, на ряду с действительным накоплением или превращением прибавочной стоимости в производительный капитал (и соответственным воспроизводством в расширенном масштабе), происходит накопление денег, накопление части прибавочной стоимости в виде скрытого денежного капитала, который только впоследствии, когда он достигнет известной величины, будет функционировать как дополнительный активный капитал... (Маркс, «Капитал», т. II, гл. 2).

2) Капиталы денежных капиталистов. Наконец, накоплением денежного капитала способствуют те люди, которые, сколотив себе состояние, удаляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем значительнее число таких людей. Тут накопление ссужаемого денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (его относительных размеров), с другой стороны — только степени превращения промышленных капиталистов в простых денежных капиталистов (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 32).

3) Денежные доходы всех классов населения. Часть (прибыли. Авт.), которая должна быть израсходована как доход, мало-по-малу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал у банкира. Таким образом, даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно повторяющемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, т. е. потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это справедливо по отношению ко всем доходам, поскольку они мало-по-малу потребляются, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непроизводительных классов и т. д. Все они на известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превра-

щены во вклады, а потому и в ссудный капитал (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 31).

6) Противоположность движения ссудного и промышленного капитала

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс совершенно отличен от действительного превращения в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, служить выражением моментов, весьма отличных от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления, это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления. Уже по одному тому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, уже по одному этому в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток должен развиваться по мере развития кредита (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 32)

Во время же самого кризиса, когда каждому есть что продать, но никто не может продать и в то же время должен продать чтобы заплатить — в этот период масса капитала — не свободного и ищущего помещения, а стесненного в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как-раз тогда, когда всего сильнее также недостаток в кредите (и потому всею выше учетный процент при банковском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается незанятым целыми массами, так как приостановился процесс воспроизводства: фабрики не работают, сырые материалы накапливаются на складах, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел недостатку производительного капитала. Как-раз именно в этот период имеется избыток производительного капитала и по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, и по сравнению с пониженным потреблением... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

«В период кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и норма процента достигают своего максимума; между тем норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал почти совершенно исчезают. В такое время каждый занимает лишь для того, чтобы произвести платежи, чтобы выпутаться из обязательств, уже принятых на себя (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 32).

Не всякое увеличение денежного капитала, предназначенного для ссуд, указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за кризисом, когда ссудный капитал массами лежит без дела. Когда процесс производства ограничен (в английских промышленных округах после кризиса 1847 г. производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своего низшего уровня, когда дух предприимчивости подавлен, — в такие моменты господствует низкий уровень

процента, что в данном случае указывает лишь на увеличение ссудного капитала как-раз вследствие сокращения и бездеятельности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется конечно, меньше средства обращения; с другой стороны, после того, как ликвидированы заграничные долги, частью при помощи отлива золота, частью при помощи банкротств, нет уже надобности в добавочных деньгах для функции в качестве мировых денег; наконец, размеры предприятий, занимающихся учетом векселей, сокращаются вместе с сокращением числа и валюты самих этих векселей — все это очевидно само собою. Спрос на ссужаемый денежный капитал — и как на средства обращения, и как на платежные средства — таким образом уменьшается (о новых затратах капитала еще нет речи), и потому количество капитала, предназначенного для ссуд, становится сравнительно обильным. Но в то же время, как будет показано впоследствии, предложение денежного капитала, предназначенного для ссуд, при таких обстоятельствах увеличивается и положительно.

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что вследствие расширения банкового дела (см. ниже пример Инсвича, где в течение немногих лет непосредственно перед 1857 г. вклады фермеров учтывались) то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в ссудный капитал. Но такое возрастание денежного капитала столь же мало выражает собою рост производительного капитала, как, например, увеличение вкладов в лондонских акционерных банках после того, как эти банки начали платить проценты на вклады. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссудного денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкий размер процента.

Если затем процесс воспроизводства снова достигает расцвета, предшествующего новому чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которое в таком случае действительно находит вновь здоровый базис облегченного обратного притока капиталов и расширенного производства. При таком состоянии дел размер процента все еще низок, хотя уже превышает свой минимум. Это единственный период, когда в самом деле можно сказать, что низкий размер процента и, следовательно, относительное обилие ссудного капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и правильность, с которой совершается обратный приток капитала в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивают, несмотря на усилившийся спрос, достаточное предложение ссудного капитала и препятствуют повышению размера процента. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль спекулянты, ведущие дела без запасаго, а то и вообще без всякого капитала, и потому оперирующие всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяются еще крупный рост основного капитала во всех его формах и откаты массы новых широко поставленных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, кредит внезапно исчезает, платежи прекращаются, процесс воспроизводства парализуется и, за упомянутыми выше исключениями, на ряду с почти абсолютным недостатком ссуд-

ного капитала, наступает избыток бездействующего промышленного капитала.

Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях размера процента, в общем протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала. Фаза, в которой низкий, но превышающий свой минимум, размер процента совпадает с «улучшением» дел и растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда он достигает своей средней величины — середины, одинаково удаленной от минимума и максимума — только эти два момента служат выражением совпадения между обилием ссудного капитала и значительным расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкий размер процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокий процент совпадает с избытком промышленного капитала. Низкий размер процента, сопровождающийся «улучшением» дел, свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковском кредите, что он все еще стоит на своих собственных ногах (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

3. БАНКИ

а) Капиталистические банки или посредники в кредите

Другая сторона кредита примыкает к развитию торговли деньгами¹⁾, которая в капиталистическом производстве, конечно, идет параллельно с развитием товарной торговли. В предыдущем отделе (глава XIX) мы уже видели, как в руках торговцев деньгами концентрируются хранение резервных фондов деловых людей, технические операции по приему и платежу денег, по международным платежам, а вместе с тем и торговля слитками. В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом или денежным капиталом как особой функцией торговцев деньгами. Заем и ссуда денег становится их особым делом. Они выступают, как посредники между действительным кредитором и заемщиком денежного капитала. Говоря вообще, дело банкира с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать в своих руках большими массами ссужаемый денежный капитал, так что вместо отдельного ссужающего лица промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех лиц, ссужающих деньги. Они становятся общими управителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем ссужающим они концентрируют заемщиков, так как они занимают для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала — кредиторов, с другой — централизацию заемщиков. Его прибыль, вообще говоря, состоит в том, что он занимает по более низкому проценту, чем отдает займы (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 25).

Можно было бы — мы упоминаем об этом лишь затем, чтобы поскорее покончить с этим вопросом — под накоплением денежного капитала разуметь также накопление богатства в руках банкиров (заимодавцев по профессии) как посредников между частными денежными

капиталистами, с одной стороны, и государством, общинами и воспроизводящими заемщиками — с другой, при чем колоссально разросшаяся кредитная система, вся вообще совокупность кредита, эксплуатируется этими банкирами как их частный капитал. Эти господа имеют капиталы и доходы всегда в денежной форме или в форме прямых требований на деньги. Накопление имущества в этом классе может совершаться в направлении, очень отличным от действительного накопления, но во всяком случае доказывает, что класс этот прибирает к рукам большую долю последнего. (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

На основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это соотношение принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, с своей стороны ссужает их другой части агентов воспроизводства, при чем банкир этот оказывается в роли источника всяких благ и в то же время в качестве посредника совершенно забирает в свои руки распоряжение этим капиталом (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 32).

б) Мобилизация и размещение ссудных капиталов банками и создание ими фиктивного капитала

Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним многообразными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются таким образом в ссудный денежный капитал. Благодаря этому резервный фонд торгового мира сводится к необходимому минимуму, так как он концентрируется как общественный, и часть денежного капитала, которая иначе бездействовала бы в качестве резервного фонда, отдается в ссуду, действует как капитал, приносящий проценты. Во-вторых ссудный капитал банков образуется из вкладов денежных капиталистов, представляющих банкам отдачу их займы. С развитием банковских учреждений, а именно, как только они начинают платить проценты по вкладам, в них вкладываются далее денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные действовать как денежный капитал, объединяются в большие массы и таким образом вырастают в денежную силу. Это накопление мелких сумм, как особый результат банковской системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заемщиками. Наконец у банков помещаются вкладом и доходы, которые предполагается потреблять постепенно.

Отдача в ссуду (здесь мы имеем дело только с собственно торговым кредитом) производится посредством учета векселей — превращение их в деньги по истечении их срока — и посредством различных других форм: прямой ссуды по личному кредиту, выдачи ссуд под залог процентных бумаг, государственных фондов, всякого рода акций, между прочим и ссуды под накладные, доковые warrants и другие засвидетельствованные документы о праве собственности на товары, под вклады и т. п.

Кредит же, оказываемый банкиром, может быть оказан в различных формах, например, векселями на другие банки, чеками на них, отсы-

¹⁾ Под первой стороной подразумевается коммерческий кредит, примыкающий к торговле товарами.

тем кредита того же рода, наконец, у банков, имеющих право на выпуск банкнот, собственными банкнотами банка... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 25.)

...Поскольку банк выпускает банкноты, не покрытые металлическими запасами, находящимися в его кладовых, он создает знаки стоимости, которые образуют не только средство обращения, но являются в то же время для него некоторым добавочным (хотя и фиктивным) капиталом на сумму, равную номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал доставляет банку добавочную прибыль (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 33)

Но наряду с банкнотами оптовая торговля имеет другое и для нее гораздо более важное средство обращения — вексель...

... В каком же отношении стоят друг к другу оба эти средства обращения?

Gilbart говорит относительно этого: «Ограничение размеров обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя двойного рода: торговые векселя и банкирские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят: «Пишите на нас вексель, и мы акцептуем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения...»

... Банки имеют, впрочем, и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Newmarch'a провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновенно посылать свои избыточные фонды (т. е. банкноты Английского банка) лондонским billbroker'am¹⁾, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не сделались известными в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того, чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если только они не предпочтут потребовать от банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для погашения платежей в провинции, так как передаточная надпись банкира обеспечивает им местный кредит. Таким образом, они, например, в Ланкашире вытеснили из обращения все собственные банкноты местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка.

Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных билетов; 2) путем выдачи требований на Лондон сроком до 21 дня, при чем, однако, они сами, выдавая эти требования, получают немедленно наличными; 3) путем уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно, по крайней мере для соответственного местного округа, обеспечивается передаточной надписью банка (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 33).

в) Роль баннгов в экономии денег

... Кредит есть великий регулятор быстроты обращения. Отсюда понятно, почему период острого угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с переполнением сферы обращения (The Currency Question Reviewed p. 65). Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы, сберегающие средства обращения, построены на кредите; а с другой стороны, возьмем для примера банкноту в 500 ф.ст. А отдает ее сегодня В в уплату по векселю; В вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; а банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для С; С уплачивает ее своему банку, банк отдает ее billbroker'у в виде ссуды и т. д. Быстрота, с которой обращается здесь банкнота, служба для покупок и платежей, определяется той быстротой, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада, чтобы затем опять перейти в другие руки в форме ссуды. Простое экономизирование средств обращения достигает наивысшего развития в Clearing House (Расчетной палате), простым обмене векселей, которым истек срок, и в преобладающей функции денег как платежного средства только для погашения излишков. Но самое существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, и, следовательно, становится менее действительным этот метод уравнивать платежи. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как платежного средства, при чем эта последняя функция в свою очередь покоится на кредите (мы здесь оставляем в стороне больше или меньше развитые техники концентрации таких платежей): или встречные долговые требования, представленные векселями и чеками, взаимно погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает требование со счета одного на счет другого; или же различные банкиры погашают их в своих расчетах между собой. Концентрация 8—10 миллионов векселей в руках одного billbroker'a, например, фирмы Overend, Gurney and Co., была одним из главных средств локально расширить масштаб такого погашения платежей. Посредством этого экономизирования повышается дееспособность средств обращения, требуется меньшее их количество исключительно для уплаты разниц по балансу. С другой стороны, быстрота движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит способствует быстроте обращения и, следовательно, повышает ее. Так, например, отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, долгие остается в каждой отдельных руках, если А, ее первоначальный владелец, делает покупку у В, В у С, С у Д, Д у Ф, Ф у Е, и, следовательно, ее переход из одних рук в другие происходит лишь при посредстве действительных покупок и продаж. Если же В помещает деньги, уплаченные ему А, у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает им С, дисконтируя его вексель, С делает покупку у Д, Д снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их Е, который совершает покупку у Ф, то сама быстрота движения денег в

84 1) «Билльброкерами» называются кредитные маклеры, посредничающие между банками и функционирующими капиталистами. — Авт.

качестве простого средства обращения (покупательного средства) обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: В помещает деньги вкладом у банкира, последний дисконтирует вексель для С, Д делает вклад у своего банкира, банкир дисконтирует вексель для Е — следовательно, мы имеем четыре кредитных операции. Без этих кредитных операций данный денежный знак не был бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другой пять отдельных покупок. Благодаря тому, что данная сумма денег переходила из рук в руки в качестве вклада и дисконта без посредства действительных покупок и продаж, благодаря этому ускорилось ее движение в ряде действительных товарных актов купли-продажи (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 33).

г) Виды банков 1)

Вместе с развитием капитализма кредитное дело попадает в руки специальных предприятий — банков. Между этими банками, являющимися посредниками в движении кредита, устанавливается сложная система разделения труда, а вся совокупность этих кредитных учреждений образует сложную кредитную систему.

Кредитная система, создающаяся на основе развития капитализма, «возникает, — по выражению Маркса, — как реакция против ростовщичества»²⁾. Ростовщический кредит, развившийся на базе докапиталистических форм производства и характеризующийся, между прочим, крайне высоким уровнем процента, находился в полном противоречии с требованиями развивавшегося капиталистического производства. В то время как в капиталистическом хозяйстве источником процента является прибыль, следовательно, процент ограничен рамками этой последней, ростовщический кредит с его непомерно высоким процентом исключал возможность пользования им для развивающейся капиталистической промышленности и торговли. Отсюда понятна характерная для буржуазии раннего периода капитализма «яростная борьба с ростовщичеством, ... требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу»³⁾. Капиталистическая кредитная система, осуществившая эти требования, и возникла таким образом в результате упорной борьбы промышленного капитала с ростовщическим.

Из каких же элементов состоит кредитная система капиталистических стран?

Во главе кредитной системы стоит обычно центральный эмиссионный банк, обладающий правом выпуска банкнот.

Эмиссионный банк выполняет следующие основные функции:

- 1) он обслуживает денежное обращение страны путем сокращения или расширения эмиссии своих банкнот;
- 2) он воздействует на состояние денежного рынка страны, поскольку учетный процент, устанавливаемый центральным эмиссионным банком, имеет определяющее значение для процента, взимаемого другими банками;
- 3) он концентрирует золотые резервы страны на случай экономических потрясений (войны, кризисы) для целей регулирования внутреннего денежного обращения и в качестве мирового платежного средства, необходимого для выравнивания международных расчетов страны.

1) Настоящий параграф написан авторами.

2) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 36.

Выпуск своих банкнот эмиссионный банк осуществляет на основе переучета первоклассных векселей, которые доставляют ему коммерческие банки из собранных у них векселей всего торгово-промышленного мира страны. Краткосрочность переучитываемых эмиссионными банками векселей гарантирует им быстрый возврат брошенных в обращение банкнот.

На ряду со своими специфическими функциями по регулированию денежного обращения эмиссионные банки широко практикуют операции по привлечению чужих средств в форме вкладов, текущих счетов и т. д. и операции по размещению их среди торговых и промышленных капиталистов в форме учета векселей и ссуд.

Эмиссионный банк может быть государственным учреждением, а чаще всего в наиболее развитых капиталистических странах он организуется в форме частного акционерного предприятия, действующего, однако, под государственным контролем.

Как частные акционерные предприятия, были учреждены в 1694 г. Английский банк и в 1875 г. Рейхсбанк в Германии. Характер государственного учреждения имели Государственный банк России, основанный в 1860 г., и Французский банк, организованный в 1800 г.

Возглавляя кредитную систему, эмиссионный банк имеет своей основной коммерческие банки, которые играют самую важную роль в движении ссудных капиталов. К ним в основном притекают главные массы свободных денежных средств всего торгово-промышленного мира страны, которые они затем направляют в сферы и отрасли хозяйства, наиболее нуждающиеся в дополнительных денежных капиталах. В эти же коммерческие банки попадают и те средства, которые мобилизуются из сбережений и доходов широких слоев населения другими кредитными институтами (сберкассы, депозитные кассы, почтово-телеграфные отделения и пр.).

На заре капитализма коммерческие банки носили преимущественно характер индивидуальных банков и выступали в форме банкирских домов. С развитием капитализма и особенно в современных условиях коммерческие банки организуются и действуют как акционерные банки.

Подобно тому, как в промышленности имеет место процесс концентрации и централизации капитала, и в банковском деле наблюдается тот же самый процесс. Приблизительно к тому же самому времени, когда концентрация производства привела к образованию монополий в промышленности, развитие концентрации банкового дела завершилось выделением нескольких крупнейших акционерных банков на положение фактических распорядителей всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев¹⁾. Так, например, в Англии эта концентрация привела к тому, что пять крупнейших банков (т. н. Биг-Файв) распоряжаются 80% всех кредитных средств страны. Те же явления концентрации банкового капитала наблюдаются во всех капиталистических странах (Германии, Франции, САСШ и т. д.). Эти банки, концентрирующие в своих руках массы денежного капитала, естественно, не могут больше ограничиваться старой ролью только посредников в движении ссудных капиталов. Они в корне меняют характер своих кредитных

1) Ленин, соч., изд. 2-е, т. XIX, стр. 93.

операция, так как начинают обслуживать кредитом вместо расплывчатых предприятий индивидуальных капиталистов крупнейшие предприятия монополистических объединений. При этом как образование этих предприятий, так и размещение эмитируемых ими фондов (акций и облигаций) не проходит мимо банков, а совершается при их непосредственном участии. Банки вступают в тесные хозяйственные связи с крупными промышленными предприятиями, участвуя уже в финансировании их основных капиталов. Старые, т. н. «регулярные» операции банков, посредством которых они кредитовали оборотный капитал предприятий, носившие краткосрочный характер, уступают место операциям, посредством которых банки финансируют уже основные капиталы предприятий и тем самым надолго увязывают свои средства в промышленности. Эти т. н. «нерегулярные» операции, приобретающие господствующий характер, банки совершают в скрытой форме, преимущественно под видом контокоррента, а также посредством прямого приобретения портфеля ценных бумаг (акций и облигаций). В силу этого банки начинают глубже проникать в дела промышленных предприятий с целью установления своего контроля и влияния на ход и направление их дел. Все это им легко осуществить, так как на основе тесной связи с промышленностью, они всегда хорошо осведомлены о характере и состоянии дел своих клиентов. Это означает, что «банки перерастают из скромной роли посредников в всеильных монополистов»¹⁾. С другой стороны, и монополистические промышленные объединения все глубже проникают в сферу банкового дела либо путем учреждения собственных банков (например, группа Моргана в САСШ), либо же путем участия в уже действующих банках через скупку их акций. Это сращение банковских монополий с промышленными означает образование т. н. финансового капитала, который представляет собою, по классическому определению Ленина, «банковский капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников»²⁾.

На ряду с акционерными коммерческими банками в капиталистических странах находят широкое распространение банки долгосрочного кредита. К этим банкам относятся ипотечные банки, оказывающие кредит под залог недвижимости. В тех случаях, когда эти банки выдают ссуды под залог земель, они являются земельными банками. Так как кредитование землевладения требует ссуд на длительное время, то средства, собираемые банком в форме вкладов, оказываются непригодными для этого кредитования, и земельные банки выдают землевладельцам в ссуду не наличные деньги, а т. н. закладные листы. Эти закладные листы, являющиеся собственными обязательствами земельных банков, реализуются затем легко ссудополучателями на денежном рынке (на бирже и в коммерческих банках). Сравнительная легкость реализации закладных листов основывается на том, что земельные банки выкупают эти листы посредством периодических тиражей. К банкам земельного кредита близко примыкают т. н. банки мелиоративного кредита, которые кредитуют потребности землевладельцев по улучшению качества их земли. И, наконец, третьим видом ипотечного банка являются

коммунальные банки, оказывающие кредит под залог городской недвижимости и под новые постройки домов.

Ипотечный кредит, который сосредоточивается в руках ипотечных банков, обслуживает обычно в капиталистических странах интересы крупных собственников земли и домов. Так, в дореволюционной России задолженность частного землевладения кредитным учреждениям достигла к 1 января 1916 г. 3.724 млн. руб., из которых долги крестьян (зажиточной и кулацкой верхушки деревни) по ссудам, полученным от Крестьянского банка, составляли только 1.398 млн. руб., тогда как долг помещиков составлял около 2.300 млн. руб. За 30 лет (с 1885 по 1916 г.) долг поземельной собственности в России вырос в 5 раз (с 652 млн. руб. до 3.724 млн. руб.). В Германии эта задолженность землевладельцев достигла перед войной еще больших размеров и выражалась в 50 млрд. марок.

д) Ленин о концентрации банков

... Основной и первоначальной операцией банков является посредничество в платежах. В связи с этим банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий, т. е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение класса капиталистов.

По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников во всеильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большую часть средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм, и потому на концентрации банкового дела нам надо в первую голову остановиться.

В 1907/8 г. вклады всех акционерных банков Германии, обладавших капиталом более 1 млн. марок, составляли 7 млрд. марок; в 1912/13 г. — уже 9,8 млрд. Увеличение на 40% за пять лет, при чем из этих 2,8 млрд. увеличения 2,75 млрд. приходится на 57 банков, имевших капитал свыше 10 млн. марок. Распределение вкладов между крупными и мелкими банками было следующее¹⁾:

Процент всех вкладов

	У берлинских крупных банков числом 9	У остальных 48 банков, с капиталом свыше 10 млн марок	У 115 банков с капиталом 1—10 млн.	У мелких банков (менее 1 млн.)
1907/8	47	32,5	16,5	4
1912/3	49	36	12	3

¹⁾ Alfred Lansburgh, „Fünf Jahre d. Bankwesen“, „Die Bank“ (Альфред Лансбург, „Пять лет деятельности немецких банков“, („Банк“, 1913 № 8, с. 728.

68 ¹⁾ Ленин, соч., изд. 2-е, т. XIX, стр. 93.

²⁾ Там же, стр. 113;

Мелкие банки отнесены крупными; из которых всего девять концентрируют почти половину всех вкладов. Но здесь еще не принято очень многого во внимание, например, превращение целого ряда мелких банков в фактические отделения крупных и т. д., о чем пойдет речь ниже.

Крупные предприятия, в особенности банки, не только прямо поглощают мелкие, но и «присоединяют» их к себе, подчиняют их, включают в «свою» группу, в свой «концерн» — как гласит технический термин — посредством «участия» в их капитале, посредством скупки или обмена акций, системы долговых отношений и т. п.

Приведем один конкретный пример системы «участий». Группа «Немецкого банка» — одна из самых крупных, если не самая крупная, из всех групп больших банков. Чтобы учесть главные нити, связывающие вместе все банки этой группы, надо различать «участия» первой, второй и третьей степени или, что то же, зависимость (более мелких банков от «Немецкого банка») первой, второй и третьей степени. Получается такая картина:

		Зависимость первой степени	Зависимость второй степени	Зависимость третьей степени
Немецкий банк участвует	Постоянно	в 17 банках	из них 9 в 24	из них 4 в 7
	На неизвестное время	„ 5 „	— —	— —
	От времени до времени	„ 8 „	„ 5 в 14	„ 2 в 2
Всего . . .		в 30 банках	из них 14 в 48	из них 6 в 9

В число 8 банков «первой степени зависимости», подчиненных Немецкому банку «от времени до времени», входят три иностранных банка: один австрийский (венский «Банковский союз» — «Bankverein») и два русских (Сибирский торговый и Русский банк для внешней торговли). Всего в группу «Немецкого банка» входит прямо и косвенно, целиком и отчасти, 87 банков, а общая сумма капитала своего и чужого, которым распоряжается группа, определяется в 2—3 млрд. марок.

Ясно, что банк, стоящий во главе такой группы и входящий в соглашение с подложной других, немного уступающих ему банков, для особенно больших и выгодных финансовых операций, в роде государственных займов, вырос уже из роли «посредника» и превратился в союз горстки монополистов.

С какой быстротой именно в конце XIX и начале XX века шла, концентрация банкового дела в Германии, видно из следующих приводимых нами в сокращенном виде данных Риссера:

6 берлинских крупных банков имели

Годы	Отделений в Германии	Депозитных касс и меняльных контор	Постоянных участников в немецких акционерных банках	Всего всех учреждений
1895	16	14	1	42
1900	21	40	8	80
1911	104	276	63	450

Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи разрозненных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство. Та «децентрализация», о которой говорил в приведенной выше цитате Шульце-Гевеерни от имени буржуазной политической экономии наших дней, на деле состоит в подчинении единому центру все большего и большего числа бывших ранее сравнительно «самостоятельными» или, вернее, локально (местно) замкнутыми хозяйственными единицами. На деле, значит, это — централизация, усиление роли, значения, мощи монополистических гигантов.

В более старых капиталистических странах эта «банковская сеть» еще гуще. В Англии с Ирландией в 1910 г. число отделений всех банков определялось в 7.151. Четыре крупных банка имели каждый свыше 400 отделений (от 447 до 689), затем еще 4 свыше 200 и 11 свыше 100.

Во Франции три крупнейших банка (Credit Lyonnais, Comptoire National и Societe Générale) развивали свои операции и сеть своих отделений следующим образом:

	Число отделений и касс		Всего	Размер капитала (млн. франков)	
	в провинции	в Париже		своего	чужого
1870	47	17	64	200	427
1890	192	66	258	265	1 245
1909	1033	196	1229	887	4 363

... Эти простые цифры, пожалуй, нагляднее, чем длинные рассуждения, показывают, как с концентрацией капитала и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение. Из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист. Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала точно узнавать состояние дел у отдельных капиталистов, затем контролировать их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и, наконец, всецело определять их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п. (Ленни 71 «Империализм как высшая стадия капитализма» соч., т. XIX).

е) Банковские операции 1)

Для характеристики банковских операций следует осветить операции коммерческого банка как господствующей и типичной формы капиталистического банка. Коммерческие банки ведут весьма многообразные операции. На ряду с чисто банковскими операциями они занимаются обычно торгово-посредническими и комиссионными операциями. Однако и интересующая нас область чисто банковских операций представляет достаточную пестроту картину.

Банковские операции разбиваются на два основных вида: те операции, по которым банки выступают в качестве должников, носят название **пассивных**, а средства, мобилизуемые посредством них, образуют так наз. **пассивы банка**, а те операции, посредством которых они оказывают кредит, именуются **активными**, а средства ссужаемые по этим операциям, образуют так наз. **активы банка**.

К пассивам банка прежде всего относятся его собственные капиталы, которые состоят из его основного капитала, собираемого путем размещения акций, и из резервного капитала, образующегося из отчислений от прибыли банка.

Отнесение этих капиталов к пассивам банка происходит потому, что банк, как капиталистическое предприятие, рассматривается по отношению к лицам, участвующим своими средствами в образовании основных капиталов банка, в качестве должника. Собственные капиталы коммерческих банков составляют, как правило, сравнительно небольшую долю тех средств, которыми они оперируют, хотя абсолютно эти капиталы достигают больших размеров.

Достигая десятков и даже сотен миллионов рублей в крупных банках Англии, Германии, САСШ и т. д., собственные капиталы тем не менее составляют обычно лишь 5—10% от привлеченных чужих средств, которыми оперируют банки. Так, крупнейший банк в Англии, Мидлэнд Банк, в 1929 г. при собственных капиталах около 270 млн. руб. распоряжался чужими средствами, превышавшими 3,8 млрд. руб.

Основную часть своих пассивов коммерческие банки мобилизуют посредством вкладных или **депозитных операций**. Банки принимают от своих клиентов денежные вклады на определенный срок или до востребования и, выплачивая за них определенное процентное вознаграждение, приобретают право распоряжения ими. Вклады до востребования иначе называются **текущими счетами**, вклады на определенный срок — **срочными вкладами**.

Свои текущие счета вкладчики банка используют путем отдачи письменных приказов об оплате любой суммы в пределах свободного остатка. Эти приказы выписываются на чековых книжках, получаемых вкладчиками от банка, и называются **чеками**. Между прочим, эти чеки могут впрямь до предъявления их к оплате обращаться в качестве платежных средств, образуя таким образом на ряду с банкнотами разновидность кредитных орудий обращения. Правда, сфера обращения чеков более ограничена, чем сфера обращения банкнот. Чеки обращаются среди торгово-промышленных кругов, которые связаны с банками, на которые эти чеки выписаны, либо непосредственно, либо же через посредство своих банков.

По срочным вкладам клиенты банка получают так наз. **вкладные билеты** — свидетельство банка о приеме денежной суммы на определенный срок с обозначением размера процента, который банк обязуется уплатить по истечении срока вклада.

Вкладные операции, достигшие огромных размеров в современных банках, питаются за счет временно освобождающихся и бездействующих капиталов функционирующих капиталистов, а также за счет денежных доходов прочих слоев населения (рантье, высокооплачиваемых служащих и т. д.).

Эта природа средств, образующих источник вкладов в банки, объясняет преобладание той части вкладов, которые поступают на текущие счета, что видно, например, из данных о дореволюционных русских банках. Так, по сводному или общему балансу 50 акционерных банков в России на 1 января 1916 г. при общей сумме пассива 8.434 млн. руб. сумма вкладов составляла 3.931 млн. руб., из которых на текущие счета приходилось 3.298 млн. руб., на срочные вклады — 543 млн. руб. и на бессрочные — не в форме текущих счетов — 90 млн. руб.

Таким образом, отмечая господство текущих счетов во вкладных операциях коммерческих банков, мы видим, кроме того, что вклады в эти банки составляют главную часть их пассивов (около половины).

Путем опытного наблюдения каждый банк определяет тот «неподвижный» остаток, который при всех колебаниях притока этих вкладов и их обратного востребования сохраняется в его распоряжении. Эти остатки банки используют более свободно (в смысле сроков и сфер помещения) при открытии кредитов своим клиентам.

Значительную роль в пассивных операциях коммерческих банков играет, так наз. **перуечет** векселей в эмиссионном банке своей страны или в крупных иностранных банках.

Переходя к характеристике активных операций банков следует прежде всего отметить **учет векселей**, который представляет собой выплату предъявителю векселя означенной на нем суммы с удержанием процентов со дня учета до истечения срока векселя. Банки обычно учитывают векселя товарного происхождения, т. е. векселя, основанные на обращении реальных ценностей. В этой операции по учету векселей находит свое осуществление превращение коммерческого кредита в банкирский.

Учет векселей представляет собой операцию банка, наиболее соответствующую природе основной части его пассивов, так как товарные векселя обычно бывают краткосрочные и, как правило, оплачиваются к сроку, и банку легко заранее установить, когда к нему вернутся его средств для оплаты возможных требований со стороны вкладчиков по текущим счетам.

Данные по отмеченному уже нами сводному балансу 50 акционерных банков в России на 1 января 1916 г. говорят о том, что на операцию по учету векселей эти банки использовали 1.967 млн. руб., т. е. около 1/4 всех своих активов (8.434 млн. руб.).

Далее, банки широко практикуют выдачу ссуд своим клиентам не на определенный срок, а до **востребования**. Эти ссуды называются **окольными** (оп call) значит «по требованию» и выдаются обычно под обеспечение векселей с двумя подписями (векселедателя и бланко-написателя), а также под обеспечение ценных бумаг (акций и облигаций). В русской банковской практике эти ссуды проходили по так

1) Настоящий параграф написан авторами.

называемому **специальному текущему счету**. По этому счету банк сохраняет за собой право в любой момент востребовать выданные кредиты, точно так же, как и клиент банка может в любое время вернуть полученную ссуду. Проценты по этому счету исчисляются за время фактического использования кредита.

Совокупность векселей, учтенных банком и принятых им на специальный текущий счет, носит название **портфеля векселей**, который банк в момент напряжения его кассы использует либо для переучета, либо для передачи на специальный счет в другом банке.

Далее, к активным операциям банков относятся те ссуды, которые они выдают своим клиентам под залог товаров, товарных документов (ж.-д. накладные, warrants и пр.) и ценных бумаг. Эти операции банк совершает либо в форме срочных ссуд, либо же в форме специальных счетов.

По балансу тех же 50 банков на 1 января 1916 г. числилось по ссудам под залог товаров и товарных документов 436 млн. руб. под процентные бумаги—1.011 млн. руб. и под векселя—303 млн. руб., а всего по ссудным операциям 1.750 млн. руб.

Так как банк с одним и тем же клиентом может совершать ряд операций как пассивных, так и активных, то на ряду с отмеченными счедами банк может открыть для своего клиента единый или так называемый **контокоррентный счет**, на который заносится все причитающиеся клиенту суммы и с которого списываются все выдачи, производимые банком клиенту. Этот контокоррентный счет отличается от простого текущего счета, по которому должником является банк, и от специального текущего счета, по которому должником является клиент. По контокоррентному счету должником в одно время может быть банк, а в другое время — клиент. Операции по контокоррентному счету нашли свое наиболее широкое развитие в практике современных капиталистических банков, которые благодаря этим счедам, с одной стороны, получают возможность детально изучать состояние дел в предприятиях своих клиентов, а с другой — проводят скрытое финансирование тех предприятий, с которыми они находятся в наиболее тесных связях.

Промежуточной операцией между пассивными и активными, но ближе стоящей к последним, является достигшая в современном капитализме значительного развития так называемая **акцептная операция**. Она заключается в том, что банк снабжает своей подписью векселя своих клиентов, принимая тем самым ответственность за их оплату. Благодаря банковскому акцепту эти векселя начинают обращаться в более широких границах, так как любой другой банк легко согласится учесть такой вексель. Эти акцептованные векселя также превращаются таким образом в кредитные орудия обращения и по своей природе весьма близко подходят в банкнотом. Акцептная операция находит наиболее широкое применение при кредитовании внешней торговли.

Акцепты пяти крупнейших банков Англии («Биг-Файв») достигли к концу 1929 г. суммы в 206 млн. фунтов стерлингов и составили таким образом 15% от суммы сводного баланса этих банков.

Между активными и пассивными операциями банков имеется тесная внутренняя связь. Характер пассивов в конечном счете определяет направление активов банка. Банк в своей деятельности должен всегда руководиться принципом ликвидности, под которой понимается способность банка в любой момент вернуть вклады своих клиентов,

Банк, который оказывается хотя бы на самое короткое время неспособным удовлетворить требования своих вкладчиков, неминуемо терпит крах, так как даже временная задержка платежей вызывает панику среди всей клиентуры банков и приводит к всеобщему истребованию вкладов. Удовлетворить же такое одновременное истребование вкладов, конечно, ни один, даже самый крепкий, банк не может.

Однако никакая политика банка не может обеспечить ему абсолютную ликвидность. Кризисы, неизбежно вытекающие из самой природы капитализма и сопровождающиеся внезапным массовым истребованием вкладов из банков, нарушают ликвидность последних, что выражается в характерных для кризисов явлениях массового банкротства банков.

ж) Банкноты, их выпуск и обращение ¹⁾

Рассмотрев операции коммерческих банков, необходимо теперь рассмотреть еще одну операцию, имеющую большое экономическое значение и совершаемую обычно только центральными эмиссионными банками.

Речь идет об эмиссии банкнот.

Мы уже отмечали, что коммерческие банки в широкой степени прибегают к операциям переучета имеющихся у них векселей в эмиссионном банке. Эмиссионный же банк, отбывая первоклассный материал из доставляемых ему векселей, оказывает кредит коммерческим банкам главным образом не за счет поступающих к нему вкладов и депозитов, а за счет собственных банкнот, ничего ему не стоивших. Отличительная особенность этой операции эмиссионных банков от обычных операций по учету векселей заключается в том, что в то время как при последних банк оказывает кредит посредством ранее существовавших денег, операция эмиссионного банка сопровождается созданием новых орудий обращения. Может на первый взгляд показаться, что здесь обнаруживается какая-то магическая способность банка создавать из ничего кредит. На самом же деле в этой банкнотной эмиссии банка ничего сверхъестественного нет. Здесь банк лишь превращает частные кредитные орудия обращения (векселя) в общественно значимые кредитные деньги (банкноты). Банкноты обладают общегосударственным полем обращения в силу того, что они представляют собой вексель центрального эмиссионного банка, олицетворяющего в себе кредит всей нации, при этом эмиссионный банк за ссужаемые при учете векселей банкноты взимает существующий учетный процент.

Банкноты следует отличать как от бумажных денег, так и от золотых или действительных денег. Отличие банкнот от бумажных знаков сводится в основном к тому, что обращение бумажных денег базируется на функции денег, как средства обращения, в то время как обращение банкнот опирается на функцию денег как платежного средства. Говоря об особенностях банкнот, Маркс указывает, что они «имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных бумажных денег, а вексельное обращение» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 33). Различие экономической природы бумажных денег и банкнот обнаруживается и в характере выпуска

¹⁾ Настоящий параграф написан авторами.

этих различных видов денег и в зонах их обращения. Бумажные деньги обладают принудительным хождением, неразменны на золото, эмитируются государственным казначейством для целей покрытия бюджетных расходов и остаются в сфере обращения независимо от потребностей последнего. Против, банкноты разменные на золото, выпускаются в порядке учета товарных векселей и, следовательно, базируются на реальных потребностях товарооборота в деньгах. По мере расширения товарооборота эмиссия банкнот увеличивается, а со сжатием его банкноты в форме вкладов или выпуска векселей возвращаются обратно в банк. «Количество циркулирующих банкнот», — говорит Маркс, — регулируется потребностями оборота и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению¹⁾. Следовательно, «от производства эмиссионных банкнот отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот, раз должен быть всегда обеспечен размен их на деньги²⁾, т. е. денежное обращение при банкнотной системе находит себе сравнительно автоматический способ регулирования.

От золотого денежного обращения банкнотное отличается тем, что первое базируется на собственной ценности металла — золота, тогда как банкнотное обращение опирается непосредственно на вексельное обращение.

Поскольку, однако, сам вексель, представляя цену проданных в кредит товаров, является представителем действительных денег — золота, постольку, следовательно, и банкноты и их обращение базируются в последнем счете на золоте. «Металлической наличности», как указывает Маркс, принадлежит роль «гарантии размена банкнот и краугольного камня всей кредитной системы. Центральный банк есть краугольный камень кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь краугольный камень банка³⁾».

Хотя, как правило, банкноты бывают разменными на золото, при известных условиях имеет место и обращение неразменных банкнот. Примером такого рода банкнот могут служить банкноты Австро-Венгерского банка до мировой войны и банкноты лимитрофных государств, образовавшихся после войны. В настоящее время, в условиях жесточайшего мирового экономического кризиса, потрясшего капиталистический мир, обращение неразменных банкнот охватило ряд стран (Япония, Швеция и др.) во главе с Англией, бывшей до войны классической страной разменной банкноты, и САСШ. Именно потому, что разменность на золото вытекает из самой природы банкноты⁴⁾, неразменные банкноты не являются уже банкнотами в собственном смысле слова, но занимают промежуточное положение между последними и бумажными деньгами. Это обнаруживается в том, что тогда как разменные банкноты обращаются по законам полноценных денег, неразменные банкноты, как указывает Энгельс, «подпадают... под власть... законов, управляющих движением неразменных государственных бумажных денег»,⁵⁾ т. е. могут оказаться в избытке и обесцениться, что уже наблюдается в странах, прекративших размен банкнот.

1) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 33.

2) Там же т. III, ч. 2, гл. 33.

3) Этого, между прочим, не признает Трахтенберг, рассматривающий разменность банкноты на золото как второстепенный момент, внутренне не связанный с природой банкноты.

В противоположность капиталистической банкноте, устойчивости которой базируется в конечном счете на золоте, советский червонец не нуждается в размене на золото в силу своей принципиально иной природы. В то время как банкнотное обращение в рамках капитализма — вопреки мнению буржуазных экономистов и социал-фашистов — никоим образом не может быть планомерно организовано и не может освободиться от власти стихийного закона стоимости, обращение советских денег основывается на планоменном ведении всего народного хозяйства. Эмиссия Государственного банка регулируется планом протаргетского государства, а потому поддержание устойчивости червонца не стоит ни какой зависимости от размена на золото.

Буржуазные реставраторы (Юровский и др.), рассматривая советское хозяйство как разновидность товарно-капиталистического хозяйства, пытались изобразить советский червонец как обычную банкноту капиталистических стран и отождествить законы их выпуска и обращения. На этой основе они выдвинули требования установления размена червонца на золото, рассчитывая путем отвлечения значительных средств на накопление больших золотых резервов (что предполагается разменностью) подорвать социалистическую индустриализацию страны. Рупором этой буржуазно-кулацкой теории явились правые (Сокольников, Бронский и др.), трактовавшие в том же духе природу и условия устойчивости червонца и ориентировавшиеся на переход к размену его на золото. С другой стороны, троцкисты и «левые» Уклонисты (Преображенский и др.) перепрыгивали через необходимые этапы развития нашей экономики и утверждали: об отмирании денег уже на данном этапе. Поэтому они не могли правильно понять природу червонца и основания его неразменности и развили инфляционную теорию о том, что эмиссия в любых размерах не оказывает никакого отрицательного влияния на наше хозяйство, — теорию, практическое осуществление которой создало бы прямую угрозу устойчивости советской денежной системы.

Обращаясь к существующим при капитализме системам покрытия банкнот золотом, следует указать на три основных системы: английскую, германскую и французскую.

Английская система требует покрытия всей банкнотной эмиссии золотом в подвалах банка. Эта система допускает выпуск лишь строго контингентированной суммы совершенно непокрытых металлом банковских билетов. При этих условиях банк имеет право выпускать неограниченное количество банкнот.

Эта система существовала в Англии с 1844 г., когда она была установлена известным актом Роберта Пилля.

Банковский акт Роберта Пилля установил, что Английский банк может выпускать банкноты без покрытия металлом только на сумму в 14 млн. ф. ст.; все же остальные банкноты банка должны быть целиком покрыты металлом (золотом и до 1/6 части серебром). Кроме того, устанавливалось, что банки, не занимавшиеся эмиссией банкнот до 1844 г., впредь не могут выпускать своих банкнот; те же провинциальные банки, которые производили эту операцию, получили право на выпуск своих банкнот на сумму, не превышающую их эмиссии до издания закона.

Право на эмиссию банкнот этих банков было фиксировано на общую сумму 8.648 тыс. ф. ст. Одновременно банковый акт предусматривал, на случай прекращения этими банками выпуска банкнот переход этого права к Английскому банку в размере 2/3 от суммы эмиссии того банка, который прекратил выпуск банкнот. Вследствие прекращения эмиссии этими банками, к началу мировой войны право Английского банка на выпуск непокрытых банкнот достигло 18.450.000 ф. стерлингов.

На принципах этой же системы регулировалась эмиссионная деятельность Государственного банка в царской России, имевшей право 77 эмиссии без золотого покрытия на сумму в 300 млн. руб.

Германская система заключается в том, что эмитируемая масса банковых билетов должна быть покрыта металлом в определенном процентном отношении, от 25 до 40%. Эта система более эластична и приспособлена к потребностям обращения в тех случаях, когда требуется расширение банкнотного обращения, так как для дополнительного выпуска банкнот требуется меньше металла. Но она, с другой стороны, менее эластична, чем английская система, в тех случаях, когда сокращаются золотые резервы банка (в силу разных причин) и, следовательно, внезапно приходится изъять большие массы банкнот из обращения (на каждый рубль золотом, на который сокращается резерв, приходится изъять несколько рублей банкнотами).

Наконец, **французская система** характеризуется тем, что фиксируется лишь общее количество банкнот, которые может выпустить эмиссионный банк, а вопрос о размерах покрытия предоставляется усмотрению самого банка. Французская система обладает максимальной эластичностью, хотя, с другой стороны, она обставлена наименьшими гарантиями. Из опасения чрезмерной эмиссии иногда законодательство предусматривает взимание налога за выпуск банкнот сверх определенного контингента.

В качестве обеспечения той части разменных банкнот, которая не покрыта золотом, обыкновенно выступают только краткосрочные товарные векселя, в некоторых случаях и легко реализуемые товары. Государственные обязательства допускаются в качестве такого покрытия в редких случаях и в минимально ограниченных размерах. Такого рода обеспечение банковых билетов вводится обычно в периоды острого расстройства финансово-кредитной сферы. Нарастающий и развивающийся финансово-кредитный кризис в САСШ вынудил американское правительство в 1932 г. издать закон о допущении в качестве обеспечения банковых билетов федеральных резервных банков в большом размере государственных ценных бумаг, что явилось по существу началом перехода от нормального кредитно-денежного обращения к буржуазно-денежной инфляции в целях переложения тяжести кризиса на плечи рабочего класса и трудящихся масс.

Описанные системы покрытия банкнот золотом были установлены в капиталистических странах в эпоху промышленного капитализма, когда капитализм развивался еще по восходящей линии и имел под собой твердую почву. В эпоху своего расцвета капиталистические страны могли себе позволить роскошь по установлению таких систем банкнотного обращения, при которых банкноты беспрепятственно разменивались на золотые монеты и последние наряду с банкнотами свободно обращались как по каналам внутреннего денежного обращения, так и по каналам мирового обращения. Иное положение должно было обнаружиться в современном монополистическом капитализме, который представляет собой капитализм периода своего упадка и гибели. Известный рост противоречий между империалистическими странами содержит в себе неизбежность войны, как последнего средства разрешения этих противоречий. Мировая война 1914—1918 гг. воочию раскрыла этот факт перед правительствами всех империалистических стран. Обострение противоречий в послевоенном капитализме развивается еще дальше, усиливаясь фактом распада мирового хозяйства на два лагеря: на лагерь капиталистических стран, с одной стороны, и СССР — с другой. Послевоенный капита-

лизм, таким образом, характеризуется как капитализм, вступивший в период своего всеобщего кризиса. Теперь обнаруживается кризис всего капитализма как системы общественного производства. В этой обстановке неизбежно растет острота противоречий, и опасность войны вырастает неизмеримо. Но уже опыт войны 1914—18 гг. научил правительства империалистических стран тому, каким важным инструментом войны наряду с прямыми орудиями истребления людей является золотой резерв страны. Правительства всех воевавших стран приняли все меры к тому, чтобы стянуть в подвалы своих центральных банков максимум золота из каналов денежного обращения, издав одновременно законы о прекращении размена банкнот на золото.

В основу новых денежных систем, установившихся в капиталистических странах вслед за ликвидацией того инфляционного хаоса и развала, которые наступили в результате войны во всех странах, принимавших в ней участие, лег принцип мобилизации золотых резервов в едином центре.

Новая денежная система Англии, установившаяся в результате денежной реформы 1925—1928 гг., характеризуется уже рядом черт, совершенно отличающих ее от денежной системы, которая существовала в Англии со времени акта Роберта Пилля 1844 г. В то время как до войны банкноты Английского банка были разменны на золотые монеты, теперь они разменны только на золото в слитках, при чем установлен определенный минимум фунтов стерлингов, которые должны быть предъявлены к размену на золото в слитках (1.699 ф. ст. — около 16.000 руб.).

Ясно, что размен на золото в слитках имеет значение для установления связи между банкнотами и золотом, с одной стороны, и для выравнивания международных расчетов, с другой стороны. Во внутреннем же обращении страны единственным законным платежным средством являются банкноты. Тем самым разрешена задача концентрации всех золотых резервов страны в подвалах Английского банка. Предел эмиссии банкнот, не покрытых золотом, теперь значительно расширен и достигает суммы в 260 млн. ф. ст., т. е. суммы находившихся к моменту реформы в обращении денежных знаков, не покрытых золотом.

По своему типу новые денежные системы, введенные в Германию после реформы 1924 г. и во Франции после реформы 1928 г., аналогичны английской системе. И в этих странах золото удалено из сферы внутреннего денежного обращения и сконцентрировано в качестве резервов эмиссионных банков этих стран.

Таким образом, послевоенные денежные системы проникнуты стремлением обеспечить соответствующим странам финансовую готовность к войне.

е) Марно о банкнотах

... Подобно тому как эти взаимные авансирования производителей и купцов друг другу образуют собственно основание кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных бумажных денег, **70** а вексельное обращение...

... Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель, во всякое время может получить деньги и которым банкир замещает частные векселя. Последняя форма кредита кажется профану особенно поразительной и важной, во-первых, потому, что этого рода кредитные деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляя удивительные смещение национального и частного банка, в действительности имеют за собой национальный кредит, а их банкноты являются в большей или меньшей степени законным платежным средством; потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении. Но банкир торгует кредитом и во всех других формах, даже когда дает наличными в суду положенные у него вкладами деньги. В действительности банкнота составляет монету лишь для оптовой торговли, самое же важное значение для банков всегда имеют вклады. Лучшее тому доказательство дают шотландские банки... (Маркс, «Капитал», т. 11, ч. 1, гл. 25).

... От произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот, раз должен быть всегда обеспечен размер их на деньги. (О неразменных бумажных деньгах здесь вообще нет речи; неразменные банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как например, в настоящее время в России. Они попадают таким образом под власть указанных выше (книга I, гл. 11, § 2 п. с: монета, знак стоимости) законов, управляющих движением неразменных государственных бумажных денег — Ф. Э.).

Количество циркулирующих банкнот регулируется потребностями оборота, и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению...

... Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого торгового оборота. Здесь прежде всего следует отметить периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы то ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет «в определенный месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц стоит низко, в третий определенный месяц занимает среднее место» (Newmarch, В. А. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов, по большей части золотом, извлекаются из Английского банка и поглощаются обращением внутри страны; деньги эти идут на оплату издержек урожая; так как здесь на первом плане стоит уплата заработных плат, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. До окончания года эти деньги снова притекают затем в банк. В Шотландии вместо золотых монет имеются почти исключительно банкноты однофунтового достоинства; поэтому здесь в соответствующих случаях расширяется на 3—4 миллиона обращение банкнот, именно два раза в году, в мае и ноябре; спустя 14 дней начинается уже обратный приток, и в течение месяца он почти заканчивается (Андерсон, L. С. № 3595—3600).

Обращение билетов Английского банка испытывает, кроме того, четыре раза в год переходящее колебание вследствие того, что каж-

дую четверть года уплачиваются «дивиденды», т. е. проценты по государственному долгу; при этом банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются в публику, но очень быстро они опять притекают в банк. Вегелин (В. А. 1857 № 38) определяет размеры вызываемого этим колебания в обращении банкнот в 2½ миллиона. Напротив, г. Шарпал, представитель известной фирмы Overend, Gurney and Co. оценивает обусловливаемое этим нарушением на денежном рынке значительно выше. «Если вы извлекаете из обращения в виде налогов 6 или 7 миллионов, чтобы выплатить им дивиденды, то должен быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответствующую сумму» (В. А. 1857, № 5196).

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах средств обращения, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла...

... Таким образом, количество обращающихся векселей точно так же, как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения, в пятидесятых годах в обычное время в Соединенном королевстве находилось в обращении банкнот на 39 миллионов ф. ст. и приблизительно на 300 миллионов векселей, в том числе 100—120 миллионов только на один Лондон. Размер обращения векселей не оказывает влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию со стороны этого последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно отказывается служить: никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняется в Англии, по крайней мере, до настоящего времени, постоянную способность к обращению, так как за Английским банком стоит нация со всем своим богатством» (Маркс, «Капитал», т. 11, ч. 2, гл. 33).

в) Банковская прибыль 1)

Последний вопрос, связанный с капиталистическими банками, касается той прибыли, которую они получают в результате своей деятельности. Капиталистические банки являются предпринятиями, которые стремятся так же, как и все другие торгово-промышленные предприятия, к извлечению максимума прибыли на вложенный капитал. Как же образуется банковская прибыль?

Мы видели при рассмотрении операций банков, что банки наряду со своими собственными капиталами оказывают кредит за счет тех денежных средств, которые они получают по своим пассивным операциям. Прибыль банка поэтому образуется в первую очередь за счет процентов, получаемых ими от собственных капиталов, отданных в суду, а затем за счет отданных в суду чужих капиталов. Эта прибыль образуется из разницы, существующей между процентами, которые взимает банк по своим активным операциям, и процентами, которые он платит по пассивным операциям. Ясно, что банк сам всегда платит более низкий размер процента, чем взимает по своим ссудам. Сумма процентов на собственный капитал и отменной разницы, которую банк получает от своего посредничества в кредите, образует валовую прибыль банка. Но у банка имеется ряд расходов по содер-

1) Настоящий параграф написан авторами.

жанию аппарата служащих, директоров, по зданиям и помещениям банка и т. д.

Вычтя из валовой прибыли всю сумму этих расходов, мы получим чистую прибыль банка. Отнесение этой чистой прибыли к собственному капиталу банка показывает норму банковской прибыли. Отсюда, следовательно, становится понятным, что банковская прибыль в корне отлична от процента и смешивать ее с последним ни в коем случае нельзя.

Допустим, что собственные капиталы какого-нибудь банка составляют 10 млн. руб., а чужие средства, проходящие через этот банк, достигают суммы в 100 млн. руб. Дальше допустим, что банк по своим ссудам взимает в среднем 5%, а по вкладам в среднем платит 4%. Сумма всех текущих расходов равна за год 250.000 р. Тогда банковская прибыль может быть определена при помощи следующего расчета:

	Доходы	Расходы
От собственн. капиталов (5% на 10 млн. р.)	500.000	
По привлеченным чужим средствам (4% на 100 млн. руб.)		4.000.000
От размещения чужих средств в активах (5% на 100 млн. руб.)	5.000.000	
Годовая сумма текущ. расход.		250.000
Итого	5.500.000	4.250.000
Банковская прибыль	1.250.000 руб.	

Из этого расчета видно, что банк на вложенный капитал в 10.000.000 р. получил годовую прибыль в 1.250.000 р. Следовательно, он реализовал норму прибыли равную 12½%, в то время как норма процента равна 5%.

Капиталистические банки, будучи разновидностью капиталистических предприятий, естественно, участвуют в общей конкурентной борьбе, которая непрерывно существует между ними за максимальную норму прибыли. Механизм уравнения средней нормы прибыли распространяет свое действие и на сферу банковых предприятий. В тех случаях, когда банковое дело начинает приносить более высокую норму прибыли по сравнению с другими отраслями хозяйства, капитал начинает устремляться в банковое дело. С расширением же последнего увеличивается предложение кредита и, естественно, спадает та разница в процентах, которая является основным источником банковской прибыли. Обратное явление наблюдается тогда, когда банки реализуют норму прибыли ниже средней.

4. ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ И ЕГО РОСТ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ

а) Марко о фиктивном капитале

...Капитал, приносящий проценты, есть мать всех нелепо извращенных форм, так что, например, долги в представлении банкира могут казаться товарам...

...Уже самая форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый оповеденный и регулярный денежный доход

представляется процентом на капитал, независимо от того, возникает ли этот доход из капитала, или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, разумеется процент, найдется уже и капитал, из которого процент возникает...

...Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, при чем его исчисляют по среднему размеру процента как доход, который при носил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, например, годовой доход 100 ф. ст. и размер процента 5, то 100 ф. ст. представ, яют годовой процент на 2.000 ф. ст., и эти 2.000 ф. ст. считаются теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности на доход в 100 ф. ст. ежегодно. Для того, кто купил это право собственности, 100 ф. ст. действительно представляют процент на капитал, вложенный из 5%. Таким образом здесь утрачиваются последние следы зависимости от действительного процесса возрастания капитала, и представление о капитале как о стоимости самовозрастающей автоматически окончательно упрощается...

Возьмем для примера государственный долг...

...Государство должно выплачивать своим кредиторам определенный процент за занятый им капитал. Здесь кредитор не может требовать от должника возвращения своего капитала, он может только продать свое долговое требование, свое право собственности. Самый капитал потреблен, затрачен государством. Он более не существует. Что касается кредитора-государства, то он:

1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 ф. ст.;

2) получает в силу этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, т. е. на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 ф. ст. или 5%;

3) может продать это долговое обязательство на 100 ф. ст. всякому другому лицу. Если размер процента 5 и если платежеспособность государства не возбуждает сомнений, то владелец А может, вообще говоря, продать долговое обязательство В за 100 ф. ст., потому что для В совершенно безразлично, ссужает ли он 100 ф. ст. за 5% годовых или же путем уплаты 100 ф. ст. обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 ф. ст. Но во всех этих случаях капитал, отприском (процентом) которого считаются государственные платежи, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы ее израсходовать, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самоохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора А причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет процент на его капитал совершенно так же, как для ростовщика процентом на капитал представляет причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная займам, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для А возможность вернуть основную сумму. Что касается В, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же деле В только стал на место А и купил принадлежавшее последнему долговое обязательство государства. Как бы ни умножились сделки этого рода, капитал государственного

долга во всяком случае остается чисто фиктивным, и если долговые обязательства перестанут находить себе покупателей, то с этого момента исчезнет даже внешняя видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением...

...Даже там, где долговое обязательство — ценная бумага — не представляет чисто иллюзорного капитала, как в случае с государственным иллюзорная, капитальная стоимость этой бумаги все же совершенно ассоциированный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими собою данный капитал. Акции железнодорожных, горных, пароходных и др. обществ представляют действительный капитал, именно капитал вложенный и функционирующий в этих предприятиях, или денежную сумму, авансированную участниками, с целью затратить ее в своих предприятиях как капитал. При этом, конечно, отнюдь не исключена возможность, что акции представляют лишь дугое предприятие. Во всяком случае, капитал существует не вдвойне, — с одной стороны, как капитальная стоимость права собственности акций и, с другой стороны, как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутое предприятие. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности *pro rata* на реализуемую им прибавочную стоимость. А может продать это право **В**, **В** может продать его **С**. Такие сделки ничего не изменяют в существе дела. **А** или **В** превращает в таком случае свой юридический титул в капитал, а **С** свой капитал — в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных фондов, но и акций — подтверждает иллюзию, что они образуют действительный капитал на ряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулы которых они, может-быть, представляют. А именно, они становятся товарами, цена которых самостоятельно устанавливается и изменяется. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением интенсивности возрастания этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость акций изменяется вместе с высотой и обеспеченностью доходов, на которые они дают право. Если номинальная стоимость акций, т. е. действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 ф. ст. и если впоследствии предприятие вместо 5 стало приносить 10%, то рыночная стоимость акции, при прочих равных условиях и при размере процента в 5%, поднимается до 200 ф. ст. потому, что капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 ф. ст. Тот, кто покупает ее за 200 ф. ст., получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. В периоды стеснения на денежном рынке эти ценные бумаги должны вдвойне падать в цене: во-первых, потому, что повышается размер процента, и, во-вторых потому, что их массы выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, если доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как при государственных фондах, и в том случае, если интенсивность возрастания действительного капитала,

представляемого бумагами, будет затронута нарушениями процесса воспроизводства, как это может случиться с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, бумаги снова достигают своего прежнего уровня, поскольку они не представляют собою предприятий, потерпевших крах или дугих. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества.

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг независимо от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, как оно было до него...

...В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство: их денежная или капитальная стоимость вовсе не представляет собою никакого капитала как при государственных долгах, или регулируются независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют...

...Государственные фонды, равно как и акции, всякого рода иные ценные бумаги, суть сферы помещения для капитала, предназначенного к суду, предназначенного функционировать в качестве капитала, приносящего проценты. Они суть формы, в которых капитал может быть отдан в суду. Но сами они не суть тот ссужаемый капитал, который в них вложен...

...В большей своей части банкирский капитал совершенно фиктивен и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (удостоверений на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в негосударственных шкафах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть удостоверения на вполне обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулами собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют собою; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет по большей части не собственный его капитал, а капитал публики, которая с процентами или без них вкладывает его в банк...

...С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы весь капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным, вследствие различных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование в различных руках появляется в различных формах. Большая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады за исключением резервного фонда представляют не что иное, как долговое обязательство банкира, и никогда не имеются в наличности. Поскольку они служат для переводных операций, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в суду. Банкиры расплачиваются друг с другом удостоверениями на несущие

ствующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования...

...В том факте, что даже наполнение долгов может явиться как бы накоплением капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение реальных отношений, которое совершается в системе кредита, (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 29).

б) Ленин о росте фиктивного капитала при империализме

Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой «мощию», из всех остальных. В каких размерах идет этот процесс, об этом можно судить по данным статистики эмиссий, т. е. выпуска всякого рода ценных бумаг.

В «Бюллетене международного статистического института» А. Неймарк¹⁾ опубликовал самые обстоятельные, полные и сравнимые данные об эмиссиях во всем мире, данные, которые неоднократно приводились потом по частям в экономической литературе. Вот итоги за 4 десятилетия:

Сумма эмиссий в миллиардах франков за 10-летие

1871—1880	76,1
1881—1890	64,5
1891—1900	100,4
1901—1910	197,8

В 1870-х годах общая сумма эмиссий во всем мире понижена, в особенности займами, в связи с франко-прусской войной и последовавшей эпохой грюндерства в Германии. В общем и целом увеличение идет в течение трех последних десятилетий XIX века сравнительно не очень быстро, и только первое десятилетие XX века дает громадное увеличение, почти удвоение за 10 лет. Начало XX века, следовательно, является эпохой перелома не только в отношении роста монополий картелей, синдикатов, трестов, о чем мы уже говорили, но и в отношении роста финансового капитала.

Общую сумму ценных бумаг в мире в 1910 г. Неймарк²⁾ определяет приблизительно в 815 млрд. франков. Вычитывая приблизительно повторения, он уменьшает эту сумму до 575—600 млрд. Вот распределение по странам (берем 600 млрд):

Сумма ценных бумаг в 1910 г. (в миллиардах франков)

Англия	142	Голландия	12,5
Соед. Штаты	132	Япония	12,0
Франция	110	Бельгия	7,5
Германия	95	Испания	7,5
Россия	31	Швейцария	6,25
Австро-Венгрия	24	Дания	3,75
Италия	14	Швеция, Норвегия, Румыния	2,5
		Всего	600,0

По этим данным сразу видно, как резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие приблизительно от 100 до 150 млрд. франков ценных бумаг. Из этих четырех стран две самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями, капиталистические страны: Англия и Франция; другие две — передовые капиталистические страны по быстроте развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве — С. Штаты и Германия. Вместе эти 4 страны имеют 479 млрд. франков, т. е. почти 80 % всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих стран — международных банков, этих четырех «столпов» всемирного финансового капитала (Ленин, сл. т. XIX. «Империализм как высшая стадия капитализма», гл. III)

в. СОВЕТСКИЙ БАНК И ЕГО РОЛЬ

...Я кратко коснусь теперь тех мер, которые начало осуществлять социалистическое советское правительство России. Одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета над миллионами и десятками миллионов трудящихся был переход к национализации банков. Банки—это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются неслыханные богатства и распределяются по всей громадной стране, здесь — нерв всей капиталистической жизни. Это тонкие и сложные органы, они выросли веками и на них направлены были первые удары советской власти, которая встретила сначала отчаянное сопротивление в Государственном банке. Но это сопротивление не остановило советской власти. Нам удалось основное в организации Государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных мер, которые еще долго придется разрабатывать, мы перешли к тому, чтобы наложить руку на частные банки.

Мы поступили не так, как это порекомендовали бы, вероятно, сделать соглашатели: сначала подождать Учредительного собрания, может-быть, потом выработать законопроект и внести его в Учредительное собрание и этим оповестить господ буржуев о нашем намерении, чтобы они могли найти лазейку, как им от этой неприятной вещи избавиться; быть-может, привлечь их в компанию, тогда вы создадите государственные законы — это был бы государственный акт...

Это было бы отменой социализма. Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания мы сказали: у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они

¹⁾ «Bulletin de L'Institut international de statistique», t.

²⁾ «Бюллетень международного статистического института», т. XIX, книга II Гага Ред.) 1912—Данные о государствах мелких, второй столбец, взяты приблизительно по нормам 1902 г., увеличены на 20%.

это делают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: «Банки объявляются национальной собственностью». Произошло огосударвление, обобществление банковского дела, передача его в руки советской власти.

Не было ни одного человека из нашей среды, который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банкового дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали. И когда ученые или якобы ученые люди кивали головою и пророчествовали, мы говорили: «Вы можете пророчить, что угодно. Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы несколько не преуменьшаем трудности нашего пути, но основное нами уже сделано. Источник капиталистических богатств в их распределении подорван. Аннулирование государственных займов, свержение финансового ига — это было совсем легким шагом после этого. (Ленин, доклад на III Всероссийском съезде советов, соч., т. XXII).

Советский Государственный банк мог широко развернуть свою деятельность лишь после того, как страна Советов победоносно вышла из гражданской войны против помещиков, капиталистов и интервентов и перешла к хозяйственному строительству. Госбанк был создан через несколько месяцев после перехода к новой экономической политике. Госбанк был создан, как указано в декрете сессии ВЦИК РСФСР, «в целях способствования развитию промышленности, сельского хозяйства, товарооборота, а также в целях концентрации денежных оборотов и проведения других мер, направленных к установлению денежного обращения»...

...Наш экономический подъем, социалистическое строительство в СССР происходили за эти десять лет и происходят в настоящее время в рамках денежного хозяйства. Одним из первых условий начала хозяйственного подъема страны Советов было создание новой устойчивой денежной системы. Создание червонной валюты, сыгравшей уже и продолжающей играть громадную роль в организации нашего хозяйства и социалистического накопления, коренным образом связано с Государственным банком и должно быть по-настоящему стмечено в летописях его работы.

Нужно прямо сказать, что советская денежная система и ее роль в организации социалистического строительства являются одной из наиболее трудных тем для усвоения буржуазными экономистами и политиками. Всем известно, что далеко не одни сменовеховцы слепы были рассматривать нашу денежную систему и организацию и в частности Госбанк не как орудие строительства социализма, а скорее как фактор постепенного восстановления капиталистических отношений в нашей стране. Таким хотели бы видеть его наши враги. Опыт истекших лет разбил вдребезги эту с большей или меньшей откровенностью выраженную буржуазную концепцию людей, не способных в силу буржуазной ограниченности своего мышления и буржуазного понимания денежного хозяйства, уяснить себе роль финансов и банка в условиях диктатуры пролетариата, в условиях строительства социализма...

...Мы можем с полной уверенностью сказать, что на протяжении всех этих десяти лет Госбанк, «единный, крупнейший из крупнейших

Государственный банк» (Ленин) был и остается в настоящее время одной из крупнейших организаций, одним из могучих рычагов» (Маркс) нашего хозяйственного подъема и социалистического строительства в целом. Больше того, мы можем утверждать что роль Госбанка, изменившего свою организацию по мере нарастания социалистических элементов в нашей экономике и развертывания социалистической реконструкции народного хозяйства, становилась все более значительной и крупной. Госбанк развивался в том направлении, которое было указано Лениным в сентябре 1917 г. И именно этот рост функций и роли Госбанка дал основание т. Сталину на XVI партсъезде указать на то, что в результате мероприятий партии по сосредоточению в Госбанке всего дела краткосрочного кредита и организации безналичных расчетов в обществественном хозяйстве «Госбанк превращается в общегосударственный аппарат учета производства и распределения продуктов».

Капиталистические банки являются, по выражению т. Ленина, «нервами всей капиталистической жизни», сосредоточием и выражением силы и власти монополистического капитализма, ненавидимыми народным массам организаторами эксплуатации и угнетения трудящихся, разорения колоний и зависимых стран. Не может быть здоровых нервов в неизлечимо, безнадежно больном организме. «Нервы всей капиталистической жизни» — банки трещат во всем мире, ибо трещит и валится идущая к своему закату вся капиталистическая система.

Наш Госбанк, банк государства пролетарской диктатуры, закончил первое десятилетие своей работы в качестве «могучего рычага» (Маркс) социалистического строительства, освобождения трудящихся от власти капитала и капиталистических пережитков. Он стоит на гранитном основе планового социалистического хозяйства, растущего неизменно-бурными темпами. Он принадлежит не финансовым магнатам, а организованному в государство пролетариату, его акционерами являются все трудящиеся нашей страны, борющиеся за дело социализма...

... Перед нами необозримый путь непрерывного роста производства и потребления в нашей стране, непрерывный рост товарооборота. У нас неисчерпаемый внутренний рынок. Перед нами дальнейшее развертывание великой социалистической стройки, создание новых основных капиталов страны, завершение технической реконструкции на основе самой высокой и передовой техники. Перед нами гигантские задачи ускорения темпов социалистического накопления и организации этого накопления. Роль денежного хозяйства, финансовой системы и кредитной организации на данном этапе социалистического строительства не только не ослабляется, но в огромной мере усиливается. Об этом со всей категоричностью сказано в решениях XVII партконференции, особо подчеркнувшей «антибольшевистский характер «левой» фразы о переходе к «продуктообмену» и «об отмирании денег» уже на данной стадии строительства социализма». На это со всей решительностью неоднократно указывал вождь партии т. Сталин. (Гришко, из речи на торжественном заседании, посвященном 10-летию Госбанка, 17/1932 г. «Экономическая жизнь» от 26/VII 1932 г.).

6. ХОЗРАСЧЕТ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ И КРЕДИТ: НАЯ РЕФОРМА

Картина была бы неполной, если бы я не коснулся еще одного нового условия. Речь идет об источниках накопления для промышленности, для народного хозяйства, об усилении темпов этого накопления.

В чем состоит новое и особенно в развитии нашей промышленности с точки зрения накопления? В том, что старых источников накопления начинает уже нехватать для дальнейшего разворачивания промышленности. В том, что необходимо, стало-быть, нащупать новые источники накопления, усилить старые, если мы действительно хотим сохранить и развить большевистские темпы индустриализации.

Из истории капиталистических стран известно, что ни одно молодое государство, желавшее подняться на высшую ступень свою индустрию, не обходилось без помощи извне, в виде долгосрочных кредитов или займов. Исходя из этого, капиталисты западных стран начисто отказались нашей стране в кредитах и займах, полагая, что отсутствие кредитов и займов наверняка подрежет индустриализацию нашей страны. Но капиталисты ошиблись. Они не учли того, что наша страна, в отличие от стран капиталистических, располагает некоторыми особыми источниками накопления, достаточными для того, чтобы восстановить и развить дальше индустрию. И действительно, мы не только восстановили промышленность, не только восстановили сельское хозяйство и транспорт, но мы успели уже поставить на рельсы грандиозное дело реконструкции тяжелой промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Понятно, что на это дело ушли у нас десятки миллиардов рублей. Откуда черпались эти миллиарды? Из легкой промышленности, из сельского хозяйства, из бюджетных накоплений. Так шло у нас дело до последнего времени.

Совершенно по-иному обстоит дело теперь. Если раньше хватало старых источников накопления для реконструкции промышленности и транспорта, то теперь их начинает уже явным образом нехватать. Дело идет теперь не о том, чтобы реконструировать старую промышленность. Дело идет о создании новой, технически-вооруженной, промышленности на Урале, в Сибири, Казакстане. Дело идет о создании нового крупного сельскохозяйственного производства в зерновых, животноводческих и сырьевых районах СССР. Дело идет о создании новой железнодорожной сети между Востоком и Западом СССР. Понятно, что старых источников накопления не может хватить на это грандиозное дело.

Но это не все. К этому надо добавить то обстоятельство, что благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций понятия «режим экономии», «сокращение непроизводительных расходов», «рационализация производства» — давно уже вышли из моды. Очевидно, они рассчитывают на то, что Госбанк «все равно нам выдаст необходимые суммы». Это факт, что за последнее время себестоимость на целом

ряде предприятий стала повышаться. Им дано задание снизить себестоимость на 10 и больше процентов, а они ее повышают. А что такое снижение себестоимости? Вы знаете, что каждый процент снижения себестоимости означает накопление внутри промышленности в 150—200 млн. руб. Ясно, что повышать себестоимость при этих условиях — значит терять для промышленности и всего народного хозяйства сотни миллионов рублей.

Из всего этого следует, что нельзя уже больше оборачиваться на одной лишь легкой промышленности, на одних лишь бюджетных накоплениях, на одних лишь доходах от сельского хозяйства. Легкая промышленность представляет богатейший источник накопления, и она имеет теперь все шансы развиваться дальше, но источник этот не будет беспределен. Сельское хозяйство представляет не менее богатый источник накопления, но оно само нуждается теперь, в период его реконструкции, в финансовой помощи от государства. Что касается бюджетных накоплений, то сами знаете, что они не могут и не должны быть беспределными. Что же остается? Остается тяжелая промышленность. Стало-быть, надо добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего ее машиностроительная часть — также дала накопления. Стало-быть, усиливая и разворачивая старые источники накопления, нужно добиться того, чтобы тяжелая промышленность — и прежде всего машиностроение — также давала накопление. В этом выход.

А что для этого требуется? Уничтожение бесхозяйственности; мобилизация внутренних ресурсов промышленности, внедрение и укрепление хозрасчета во всех наших предприятиях, систематическое снижение себестоимости, усиление внутрипромышленного накопления и все без исключения отраслях промышленности.

Таков путь к выходу.

Итак, внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление — такова задача (Сталин, «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства»).

Проблема хозрасчета и хозрасчетного управления хозяйством как основной гарантии расширения источников и ускорения темпов накопления в общественном хозяйстве, партия, правительство и вся советская общественность уделяли очень много времени и сил. Не случайно борьба за расширение накоплений в общественном хозяйстве и за внедрение хозрасчета стала одним из тех шести исторических условий т. Сталина, под знаменем которых идет в настоящее время борьба партии и рабочего класса за высокие темпы социалистического строительства, за осуществление пятилетки в четыре года...

... Одной из основных причин трудностей нашего хозяйственного строительства в 1931 г. было то, что мы в год, требовавший особенно быстрого роста накоплений в общественном хозяйстве, вступили с глубоко нарушенным механизмом хозрасчета, с грубейшим извращением в практике проведения кредитной реформы, с установившейся в 1930 г. практикой огульного, автоматического кредитования, безлички собственных и заемных оборотных средств. Это не могло не повести к значительному ослаблению стимулов накопления в предприятиях и объединениях общественного хозяйства и не могло не отразиться на выполнении их программы накопления. Вот почему

одной из центральных задач 1931 г. было восстановление механизма хозрасчетного управления, искоренение отрицательных явлений в практике кредитования народного хозяйства и приспособление всей финансово-кредитной организации к задачам хозрасчета, к задачам накопления в общественном хозяйстве.

На протяжении 1931 г. проведен целый ряд мероприятий в области финансово-кредитной организации, которые в своей совокупности обеспечили создание механизма хозрасчетного управления общественным хозяйством и которые позволяют нам подойти к борьбе за большой народнохозяйственный план 1932 г. лучше вооруженными, чем это было накануне 1931 г.

В ряду организационно-финансовых мероприятий 1931 г. центральное место занимают постановления Совнаркома от 14 января и 20 марта и СТО от 23 июля, исправляющие коренным образом ошибки, допущенные при проведении кредитной реформы в 1930 г. Эти постановления имеют исключительно большое хозяйственно-политическое значение, и на них я должен остановиться несколько подробнее.

Смысл кредитной реформы 1930 г. заключался в том, что мы перешли от вексельного коммерческого кредитования хозорганов друг у друга и у банков к системе прямого кредитования всех хозорганов Государственным банком. Эта принципиальная основа кредитной реформы 1930 г. остается неопороченной и целиком сохранена нами в ныне действующей системе кредитования. Эта принципиальная основа кредитной реформы 1930 г. целиком соответствует достигнутому уровню плановой социалистической организованности нашего народного хозяйства, обобществления хозяйственных процессов и резкому сужению сферы деятельности частного хозяйства.

Однако в практике проведения кредитной реформы 1930 г., как это было отмечено в постановлении Совнаркома от 20 марта, были допущены грубейшие извращения, которые в основном сводились к следующему. Во-первых, была допущена практика автоматического, огульного кредитования под план, огульной оплаты поставщикам всех отгруженных товаров, независимо от того, есть ли у покупателя деньги для оплаты этих товаров и соответствуют ли эти товары требованиям покупателя. Во-вторых, были на практике ликвидированы система договорных отношений между хозорганами общественного хозяйства и контроль покупателя над поставщиком. В-третьих, допущена была обезличка между собственными и заемными оборотными средствами, что вместе с автоматизмом кредитования привело к резкому снижению заинтересованности в накоплениях у хозорганов. Наконец, Госбанк в связи с этими извращениями имел тенденцию стать не только расчетным центром общественного хозяйства и кредитующей организацией, но и планирующим и регулирующим органом, что было непосильно банку и неправильно и в значительной мере снимало с хозорганов заботу об их финансах.

Как видите, речь шла об очень грубых извращениях в практике проведения кредитной реформы, которые и должны были быть устранены на протяжении 1931 г. Дело шло о столь крупных поправках, затрагивающих весь механизм хозяйственного управления, что партия и правительство вынуждены были провести эти поправки на протяжении 1931 г. в два приема. Первый этап, это — постановления Совнаркома от 14 января и 20 марта, которыми был устранен автоматизм

кредитования, и кредитование было поставлено в прямую зависимость от конкретного хода выполнения хозорганами их планов, с одной стороны, и введена система договоров между хозорганами, сыгравшая уже в 1931 г. значительную роль в борьбе за выполнение хозяйственных планов. Этот порядок был проведен в жизнь с 1 мая.

Однако действительно создание механизма хозрасчетного управления хозяйством могло быть обеспечено лишь при ликвидации обезлички между собственными и заемными средствами у хозорганов. Эта крупнейшая задача разрешена постановлением СТО от 23 июля, которым все государственные хозорганы были обеспечены, собственными оборотными средствами, достаточными для покрытия минимально необходимых запасов сырья, полуфабрикатов и для обеспечения эксплуатационного хода производства. Этим же декретом, вошедшим в действие с 1 ноября, был установлен круг тех потребностей хозяйства (сезонный прирост материальных ценностей и т. п.), которые могут быть объектами банковского кредитования, при чем банковский кредит может быть предоставлен хозорганам лишь на цели, являющиеся предметом банковского краткосрочного кредита под определенное материальное обеспечение, и подлежит безусловному возврату в эти сроки. Иными словами, установлены срочность и возвратность банковского кредитования.

При всех этих поправках банк остается единым расчетным центром общественного хозяйства, но выполнение им расчетных функций перестроено так, что движение собственных средств хозорганов отражается на специальном расчетном счете и не подлежит лимитированию банком, а движение банковских кредитов хозорганов отражается на специальных ссудных счетах. Повторяю, все эти поправки кредитования исходят из незыблемой принципиальной основы прямого кредитования и недопустимости прямых или скрытых форм коммерческого кредитования между хозорганами.

Как должно быть понято даже из этого краткого схематического изложения, значение этих мероприятий выходит далеко за пределы организационно-финансовых вопросов и имеет громадное хозяйственно-политическое значение, создавая механизм хозрасчетного управления хозяйством и существенные предпосылки для роста накоплений в общественном хозяйстве. Это ярко подчеркнуто в обращении ЦК и СНК от 26 октября. Вот почему я особенно подчеркиваю перед сессией ЦИК значение этих реформ, последовательное проведение в жизнь которых во всех звеньях нашего общественного хозяйства является необходимой предпосылкой для успешной борьбы за народнохозяйственный план 1932 г.

Проведение в жизнь этих мероприятий и в первую очередь ликвидация автоматизма расчетов и кредитования дали возможность Госбанку уже в 1931 г. приблизиться, хотя еще далеко не полностью, к кредитованию в меру выполнения материальных планов, о чем свидетельствуют цифры фактической выдачи кредитов во II, III и IV кварталах текущего года по сравнению с плановым назначением. Те хозорганы, которые недовыполнили план, оказались уже не в состоянии получить кредиты Госбанка, намеченные им по плану.

Следующим, менее известным в широких кругах советской общественности, но также очень важным и стоящим в прямой связи с задачей внедрения хозрасчета мероприятием является изменение порядка отчисления прибылей промышленными в государственный бюджет.

Я имею в виду постановление Совнаркома СССР от 3 мая 1931 г. До этого постановления промышленность и другие хозяйственные организации отчисляли подавляющую часть прибылей в госбюджет (81%), через который эти прибыли и направлялись на финансирование народного хозяйства. Постановлением Совнаркома от 3 мая резко снижается процент отчисления прибылей в бюджет от хозорганов, и подавляющая часть прибылей остается в распоряжении самих хозорганов в целях использования их для капиталовложений, для пополнения оборотных средств и т. д. Материальное значение этого закона может быть иллюстрировано тем, что по старому закону промышленность в 1931 г. должна была отчислить в бюджет 1,559 млн. руб. прибыли, а по новому закону — всего 789 млн. руб. Этим достигается усиление прямой заинтересованности хозорганов в накоплении прибылей, следовательно, в снижении себестоимости и рационализации производства и повышается их непосредственная ответственность за финансовые результаты своей работы. Этим самым расходы каждого хозоргана ставятся в более тесную зависимость от выполнения им заданной программы накоплений.

В этой же связи необходимо отметить постановление Совнаркома от 2 декабря 1931 г., которым вменяется в обязанность всем объединениям и трестам часть намеченных по плану прибылей оставлять в распоряжении заводов и предприятий, непосредственно создающих эти прибыли, при чем по этому закону все сверхплановое накопление прибылей предприятием остается в его полном распоряжении и используется им как для усиления своих капиталовложений, так и для assignments на культурно-бытовое обслуживание рабочих и премирование рабочих и служащих предприятия...

... Подытоживая систему этих мероприятий и их проверку на опыте 1931 г., мы можем с полной уверенностью утверждать, что построение организационно-финансовой системы хозрасчетного управления закончено и что частично эта система дала уже положительные результаты в 1931 г. Но только частично. Нужно прямо сказать, что полностью этот механизм хозрасчетного управления по всей линии нашего общественного хозяйства в ход еще не пущен, ибо еще во многих хозорганах, во многих звеньях нашего общественного хозяйства жива инерция финансово-бюджетной, стремление к автоматическому кредитованию, недопустимое невнимание к делу накопления. Искоренить эти вреднейшие пережитки периода автоматизма кредитования, пустить полным ходом механизм хозрасчета и обеспечить высокие темпы накопления в общественном хозяйстве на основе выполнения количественных и качественных показателей плана — это крупнейшая задача 1932 г. и одна из решающих предпосылок успешной борьбы за народнохозяйственный план 1932 г. (Гринько, «Финансовая программа завершения пятилетки»).

7. ОСНОВНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦИК, СНК ССОР И СТО О КРЕДИТНОЙ РЕФОРМЕ И ПОПРАВКАХ К НЕЙ

Из постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР о кредитной реформе от 30/1 1930 г.

Быстрое развитие социалистических начал в народном хозяйстве **84** Союза ССР и достигнутый уровень его планирования делают необходимой коренную реформу кредита.

Существовавшая до сих пор система отпуска товаров в кредит в общественном секторе, приводившая к усложнению путей прохождения кредитов и к затруднениям при его планировании, должна быть ликвидирована и заменена исключительно банковским кредитованием. Само банковское кредитование должно быть организовано таким образом, чтобы нуждающиеся в кредите предприятия и организации получали его, минуя посредствующие звенья.

В то же время успешные результаты реорганизации кредитной системы, проведенной в 1927 и 1928 гг., дают основания предпринять дальнейшие шаги к сосредоточению краткосрочного кредитования в Государственном банке.

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

1. О замене в общественном секторе народного хозяйства товарного кредитования банковским

1. Государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам без участия иностранного капитала воспрещается отпускать товары и оказывать услуги друг другу в кредит. Этот кредит заменяется исключительно банковским кредитованием.

Из постановления Совета народных комиссаров Союза ССР о мерах улучшения практики кредитной реформы от 14/1 1931 г.

Считая необходимым внести в практику кредитной реформы некоторые изменения, Совет народных комиссаров Союза ССР в развитие постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. о кредитной реформе (Собр. Зак. 1930 г. № 80, ст. 98) постановляет:

1. Предложить Госбанку оплачивать счета поставщиков в пределах предоставленного покупателю лимита лишь при наличии согласия покупателя (акцепта счета) или его поручения (аккредитив).

Покупателю могут быть открыты особые счета в филиалах банка по месту нахождения его основных поставщиков.

До оплаты счета, отправленного покупателю для акцепта, отгруженный товар находится в распоряжении поставщика.

Оплата Госбанком счетов по аккредитивам производится, как правило, после подтверждения покупателем соответствия принятого товара условиями качества, ассортимента, количества и сроков исполнения, предусмотренных договором и поставщиком.

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозрасчета во всех хозорганах от 20/III 1931 г.

Успехи социалистического строительства и плановой социалистической организации хозяйства, решительное вытеснение капиталистических и сужение сферы деятельности частного хозяйственных элементов в советской экономике сделали возможным и необходимым переход от коммерческого (вексельного) кредитования к прямому банковскому кредитованию всего народного хозяйства, осуществляемому через Государственный банк.

Кредитная реформа, оставаясь на почве хозрасчета и опираясь целиком на хозрасчет, как важнейший рычаг управления хозяйственными организациями во всем общественном секторе, должна обеспечить контроль рублем за выполнением хозяйственных планов и за

ходом накоплений в общественном секторе народного хозяйства и усиление хозяйственной заинтересованности каждого предприятия и каждого хозоргана в выполнении заданных им планов, в рационализации производства, в снижении себестоимости, в накоплении прибыли.

I. Об извращениях в проведении кредитной реформы

Совет народных комиссаров Союза ССР устанавливает, что в практике проведения кредитной реформы в результате неудовлетворительного руководства, в частности совершенно неудовлетворительной подготовки к ее проведению, с одной стороны, и прямого вредительства, с другой, допущены грубейшие извращения основных задач, поставленных перед кредитной реформой. Эти извращения привели к тому, что за истекший период применения новой системы кредитования не только не достигнуто усиление контроля рублем за ходом выполнения производственных планов и накоплений всеми организациями общественного сектора, но, напротив, произошло нарушение принципов хозрасчета, ослабление внимания к финансовой работе и финансовой дисциплине в хозорганизациях.

Крупнейшими недостатками в проведении кредитной реформы Совет народных комиссаров Союза ССР считает:

- а) установление прямого огульного кредитования под план вместо единственно правильной системы кредитования отдельных хозяйственных сделок предприятий и организаций, что привело к так называемому автоматизму кредитования, исключающему возможность контроля со стороны банка и хозорганов за ходом выполнения планов;
- б) непроведение в жизнь принципа договорных отношений между предприятиями и объединениями (поставщиками и покупателями), что привело к ослаблению контроля потребителя над поставщиками в вопросах качества и ассортимента продукции, сроков поставки, условий расчета и т. п.;
- в) нарушение хозрасчета в предприятиях и объединениях, что наряду с обезличиванием их прибылей и оборотных средств привело к ослаблению заинтересованности хозорганов в финансовых результатах своей деятельности (снижение себестоимости, накопление прибыли и т. п.);

г) техническая неподготовленность Государственного банка к освоению новой системы, крайняя и невызываемая необходимостью сложность техники расчетов, что не дало возможности Государственному банку обеспечить действительный контроль рублем за ходом производства и обращения.

Совет народных комиссаров Союза ССР считает необходимым ликвидировать в кратчайший срок эти извращения в практике проведения кредитной реформы и провести в жизнь поправки к кредитной реформе, предусмотренные постановлением Совета народных комиссаров от 14 января 1931 г. В результате проведения этого постановления Совета народных комиссаров СССР должно быть обеспечено действительное укрепление принципа хозрасчета как основного метода управления предприятиями и объединениями общественного сектора и создания действительной заинтересованности и ответственности каждого предприятия и каждой организации за выполнение плана, проведение рационализации производства, снижение себестоимости, накопление прибыли.

II. О роли Государственного банка

Совет народных комиссаров Союза ССР констатирует, что одной из причин неудовлетворительного проведения кредитной реформы являлось неправильное понимание Государственным банком своих задач, нашедшее свое выражение в стремлении банка присвоить себе непосильные функции планирования и регулирования хозяйственных процессов, что не могло не привести к подрыву ответственности хозяйственных наркоматов и хозяйственных организаций.

На самом деле роль Государственного банка в деле развития социалистического хозяйства заключается в том, чтобы:

- а) стать расчетной организацией для общественного хозяйства, общегосударственным аппаратом учета производства и распределения продуктов;
- б) обеспечить действительный повседневный контроль рублем за ходом выполнения планов производства и обращения товаров, за выполнением финансовых планов и ходом накоплений в общественном секторе народного хозяйства;
- в) обеспечить укрепление хозрасчета предприятий и хозобъединений как основного рычага в выполнении планов (количественных и качественных заданий) во всем общественном секторе.

III. О мерах, обеспечивающих хозрасчет в организациях общественного сектора, и об укреплении кредитной работы

В целях укрепления хозрасчета и практического осуществления действительного финансового контроля за ходом выполнения планов производства и обращения товаров и накоплений в общественном секторе Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Государственные хозяйственные и кооперативные органы и предприятия в пределах плановых заданий устанавливают свои взаимоотношения по поставкам товаров, производству работ и оказанию услуг путем заключения договоров и дачи заказов и несут за их выполнение законом установленную ответственность.
2. Кредитные лимиты устанавливаются госорганам в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР от 14 января 1931 г. (пп. 5—9). В пределах этих лимитов Государственный банк открывает кредиты соответствующим предприятиям и организациям в размерах, вытекающих из заключенных предприятиями и хозорганами договоров, и выполняет поручения хозорганов в пределах открытых кредитов по мере фактического выполнения договоров.
3. Форма расчетов хозорганов по товарным сделкам должна быть указана в заключенных договорах, в зависимости от чего Государственный банк выполняет их поручения в порядке акцепта, аккредитива или особого счета, причем акцепт в данных условиях считается предпочтительной формой расчета.
4. Кредитование сезонных потребностей хозорганов в оборотных средствах, связанное с авансированием процесса производства, должно производиться в целевом порядке и на определенные сроки, с обеспечением срочности погашения кредитов специальными обязательствами, выдаваемыми заемщиками Государственного банка. Эти обязательства гарантируются фактическим выпуском продукции.
5. Кредитование заготовительных организаций производится Го-

сударственным банком в целевом порядке и исключительно в пределах фактического накопления заготовленной продукции.

6. Несмотря на то, что хозорганизации являются в своем большинстве государственными организациями, убытки их ни в коем случае не могут покрываться за счет средств Государственного банка.

7. Все хозорганы и кооперативные организации обязаны составлять и публиковать в установленные законом сроки отчетные балансы об их деятельности.

Обязать ведомство налагать дисциплинарные взыскания на руководителей предприятий и работников учета за несвоевременное составление и опубликование балансов. Предложить Государственному банку принимать меры кредитного воздействия, обеспечивающие своевременное опубликование и представление Государственному банку балансов в установленные законом сроки.

8. Все споры, возникающие между хозорганами по заключенным договорам и связанные с материальной ответственностью одного из них перед другим, разрешаются органами государственного арбитража.

Положение о государственном арбитраже разработать Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции в 10-дневный срок и внести на утверждение Совета труда и обороны.

9. При невыполнении хозорганами их обязательств перед Государственным банком последний должен применять следующие меры кредитного воздействия:

а) ограничение или полное прекращение выдач с текущего счета хозоргана;

б) продажа в принудительном порядке товаров или материальных ценностей, принадлежащих хозоргану.

Означенные меры воздействия применяются после предварительного предупреждения хозоргана.

10. При акцептной форме расчета принять следующий порядок направления грузов и их оплаты:

а) груз направляется непосредственно в адрес покупателя;

б) выдача грузов производится лишь по подтверждении Государственным банком об его оплате;

в) в случае неоплаты груза товар продается Государственным банком с тем, чтобы возможный убыток был возмещен стороной, нарушившей договор.

Из постановления Совета труда и обороны от 23/VII 1931 г. «Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и др. хозяйственных организаций».

Одним из крупнейших недостатков практики проведения кредитной реформы 1930 г. было обезличение собственных оборотных средств хозяйственных органов и уничтожение различия в условиях пользования собственными и заемными оборотными средствами. Это привело к ослаблению хозяйственной и маневренной способности хозорганов, с одной стороны, и к ослаблению их заинтересованности в финансовых результатах своей работы (снижение себестоимости, накопление прибылей и т. п.) — с другой.

В целях укрепления хозрасчета, ускорения оборота средств в производстве и обращении, увеличения маневренной способности хозяйственных организаций и предприятий и усиления их заинтересованности в финансовых результатах своей работы, Совет труда и обороны

в развитие постановления СНК СССР от 20 марта 1931 г. об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозрасчета во всех хозорганах (С. З. Союза ССР 1931 г. № 18, ст. 166). **постановляет:**

1. Привести размеры собственных оборотных средств государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций в соответствие с потребностью их в средствах для обеспечения минимального наличия запасов сырья, производственных и вспомогательных материалов, топлива, полуфабрикатов, незавершенного производства, готовых изделий и товаров, а также вложений в расходы будущих лет, необходимых для выполнения их производственной, торговой или эксплуатационной программы...

4. Необходимый прирост собственных оборотных средств государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций, вызываемый развертыванием производства и оборота, покрывается за счет их собственных накоплений и ассигнований по общегосударственному и местному бюджетам. Размер и источник необходимого пополнения собственных оборотных средств устанавливаются ежегодно при утверждении промфинплана. В тех случаях, когда пополнение собственных оборотных средств объединений производится за счет собственных накоплений, объединение обязано производить увеличение оборотных средств отдельных предприятий за счет оставления у них части их прибылей.

5. Государственный банк предоставляет краткосрочный кредит государственным предприятиям лишь на потребности, связанные с финансированием ценностей в пути, с авансированием сезонных процессов производства, с накоплением сезонных запасов сырья, топлива, производственных и вспомогательных материалов, с временным повышением вложений в незавершенное производство, с сезонным накоплением готовых изделий и товаров, а также на другие временные нужды, вытекающие из хода производства и обращения товаров...

7. Все денежные средства хозорганов как собственные, так и заемные, поступают на расчетный счет хозоргана в Государственном банке, с которого хозорган производит все расходы и оплачивает все свои обязательства.

Примечание. Задолженность банку по срочным кредитам отражается на особом счете.

8. Дополнительные средства, получаемые предприятием в результате сверхпланового снижения себестоимости, а равно средства, высвобождаемые предприятием путем ускорения оборачиваемости средств, остаются в его распоряжении.

Эти средства предоставляются предприятию на усиление его маневренной способности и до выявления результатов операционного года не могут быть обращены на капитальные затраты.

ГЛАВА III РОЛЬ КРЕДИТА

Выяснив сущность ссудного капитала и процента и исследовав основные формы капиталистического кредита, мы теперь должны перейти к обобщающей характеристике той роли, которую кредит играет в капиталистическом хозяйстве. Для буржуазных теорий кредита характерно, что они или игнорируют серьезное значение кредита в капиталистической экономике, объявляя, что производство — все.

а кредит ничто (классик), или, напротив, непомерно раздувают его значение, выставляя кредит в качестве первоодвигателя экономического развития (Шумпетер, Ган и др.). Марксистская теория кредита, в противоположность этим обоим ошибочным представлениям, исходя из того, что:

1) кредиту не принадлежит главенствующее значение в капиталистическом хозяйстве, он является вторичной, надстроеной категорией, зависящей от базиса — производства;

2) однако кредит не является и чем-то несущественным, мало важным; он является необходимо для капиталистического хозяйства и оказывает активное обратное влияние на свой базис — производство. Каково же это влияние, какие функции выполняет кредит и в чем его необходимость для капитализма?

Основным законом движения товарно-капиталистического производства является закон стоимости. Но, как известно, стоимость при капитализме выступает в превращенной форме — в форме цен производства и именно через посредство цен производства осуществляется как закон движения капитализма. Превращение стоимостей в цены производства происходит в результате уравнения различных индивидуальных норм прибыли разных отраслей производства в одну общую или среднюю норму, а это уравнение осуществляется через перелив капиталов из отраслей с низкой нормой прибыли в отрасли с высокой нормой прибыли. Перелив капиталов имеет таким образом, огромное значение как посредствующий момент в осуществлении действия закона стоимости (через цены производства) в капиталистическом обществе. Но, спрашивается, каким образом реально происходит этот перелив капиталов. Посредством кредита. Кредит является своеобразной формой движения капитала: он **перераспределяет капиталы** между различными сферами производства, стихийно направляет их туда, где выше норма прибыли и таким путем **обслуживает уравнение норм прибыли**. Правда, вообще говоря, мыслим перелив капитала и помимо кредита, когда тот или иной капиталист сам переносит свой капитал в другую сферу. Но такой перенос находится во внутреннем противоречии с закрепленностью капитала в материальных элементах производства (оборудование, здания и т. д.), не пригодных для функционирования в других отраслях производства. Это противоречие, присущее самому капиталистическому воспроизводству, разрешается кредитом через посредство кредитной системы. Последняя сосредоточивает все свободные денежные капиталы, сбережения и даже доходы и из многих мелких сумм образует такие крупные капиталы, которые всегда могут быть брошены в ту или иную сферу производства, если только там имеются наличные шансы на получение высокой прибыли. Кредит, таким образом, является адекватной (наиболее пригодной, наиболее эластичной) формой миграции (перелива) капиталов, осуществляет тенденцию нормы прибыли к уравнению и в силу этого является безусловной необходимостью для капиталистического хозяйства. Его роль остается вторичной (так как он не создает среднюю норму прибыли, а лишь **обслуживает** ее образование), но в то же время крайне существенной, ибо без него было бы немисливо все функционирование капиталистической системы. «Кредитная система... является имманентной формой капиталистического способа производства»¹⁾.

На ряду с функцией уравнения нормы прибыли посредством перелива капиталов кредит выполняет и ряд других функций в капиталистическом хозяйстве. Остановимся вкратце на каждой из них.

Одной из важных функций кредита является **экономия издержек обращения**: с одной стороны, кредит замещает наличные деньги циркулирующей и взаимным зачетом кредитных обязательств — векселей и обращением кредитных денег — банкнот; с другой стороны, он ускоряет обращение денег, т. к. приводит в движение деньги, которые без него находились бы в бездействии. Благодаря всему этому кредит значительно сокращает непроизводительные издержки, которых стоит денежный механизм капиталистическому обществу. При отсутствии кредита и при чисто металлическом обращении непроизводительные расходы на добывание денежного материала должны были бы колоссально возрасти, а следовательно, соответственно сократились бы возможности производительного вложения капитала в производство средств производства и средств потребления.

О том, в какой степени кредит экономизирует деньги, точных статистических подсчетов, к сожалению, не имеется. Косвенным показателем значительности этой экономии является уже самый факт отставания роста добычи золота от роста общих размеров производства и товарооборота. Так, например, со второй половины XIX века ежегодная мировая добыча золота выражалась в следующих цифрах:

Годы	Добыча в млн. долл.	Годы	Добыча в млн. долл.	Годы	Добыча в млн. долл.
1851—1855	132,5	1871—75	115,6	1891—1895	162,9
1856—1860	134,6	1876—80	114,6	1896—1900	257,3
1861—1865	123,0	1881—85	99,1	1901—1905	322,6
1866—1870	129,6	1886—90	113,0	1906—1910	433,5

Как видно из этих данных, в течение почти всей второй половины XIX века добыча золота не увеличилась (последующий быстрый рост ее с 90-х гг. имел место после открытия новых богатейших залежей в Трансваале), а между тем производство всех товаров за это время, как известно, сильно возросло. Это могло иметь место в значительной мере именно потому, что развитие кредита позволяло экономизировать наличные деньги. Более непосредственным показателем большого значения кредита как фактора, экономизирующего наличные деньги, могут служить данные об оборотах расчетных палат, в которых многочисленные платежи совершаются без участия наличных денег путем взаимного зачета кредитных требований и обязательств. Обороты эти достигают следующих размеров (в млрд. марок):

Годы	Германия ¹⁾	Лондон	Нью-Йорк	Соед. Штаты	Канада
1912	256,1	325,6	423,2	730,6	38,5
1926	327,1	812,5	1 219,5	2 166,2	71,3

¹⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 36, стр. 144.

¹⁾ К оборотам расчетных палат Германии присоединены также и безналичные расчеты (т. н. жирооборот), проходящие через Рейхсбанк.

Не безытересны, наконец, и данные об удельном весе кредитных денег — банкнот в общей массе обращающихся денег. Вот, например, соответствующие цифры для России (в млн. руб.):

Год	Общее количество денег в обращении	В том числе	
		металлич.	кредит.
1900	1.278	786	491
1901	1.383	828	555
1902	1.376	834	542
1903	1.423	869	554
1904	1.486	908	578
1905	1.660	806	854
1906	2.178	971	1.207
1907	1.957	762	1.195
1908	1.897	742	1.155
1909	1.759	672	1.087
1910	1.867	693	1.174
1911	1.993	758	1.235
1912	2.099	773	1.326
1913	2.243	749	1.494

Помимо экономии денег, кредит, ускоряя реализацию товаров и ход воспроизводства, сокращает и непроизводительное пребывание капитала в форме товарных запасов. Всем этим кредит раздвигает рамки капиталистического воспроизводства, которое, как указывает Маркс, «было бы невозможно в настоящих размерах без системы кредита». Однако, с другой стороны, «не следует создавать каких бы то ни было мифических представлений о производительной силе кредита, когда он предоставляет в распоряжение денежных капитал или приводит его в движение»¹⁾. Кредит здесь не создает сам капитала, но лишь в меру достигаемой при его помощи экономии на непроизводительном денежном и товарном капитале способствует увеличению производительного капитала. Да и возможности этой экономии ограничены известными рамками; в частности кредит, вопреки иллюзии буржуазных экономистов, никогда не может заменить полностью металлические деньги, которые остаются всеобщим эквивалентом и базисом кредитных денег. Кроме того, и сама кредитная система стоит капиталистическому обществу немалых издержек, которые тоже, конечно, не производительны.

Насколько значительна сумма металлических денег, хранимых эмиссионными банками в качестве покрытия банкнотной эмиссии, видно из следующих цифр о банкнотном обращении и металлическом покрытии у центральных эмиссионных банков ряда стран на 1 января 1914 г. (см. таблицу на стр. 103).

Помимо перелива капиталов и экономии издержек обращения, кредит обслуживает и процессы концентрации и централизации капиталов. Кредит в сочетании с конкуренцией и на ряду с ней является мощным рычагом объединения многих мелких капиталов в немногие крупные, т. е. служит орудием быстрой централизации капиталов.

¹⁾ Маркс, «Капитал» т. II, стр. 316—317.

Страны	Банкнотное обращение	Металлич. покрытие
Англия	29.608 тыс. ф. стерл.	34.983 тыс. ф. ст.
Франция	6.034.625 « франков	4.146.261 « франк.
Германия	2.543.495 « марок	1.446.803 « марок
Россия	1.664.700 « руб.	1.695.200 « р.
Италия	1.764.433 « лир	1.206.425 « лир
Австро-Венгрия	2.493.641 « крон.	1.502.518 « крон
Бельгия	1.049.762 « франков	306.377 « франк.
Швейцария	313.821 « «	190.791 « «
Голландия	333.771 « «	163.365 « «

Поскольку централизация капитала является результатом победоносной конкурентной борьбы крупного капитала с мелким, кредит ускоряет этот процесс, давая дополнительные преимущества в этой борьбе крупному капиталу, используемому более значительный по размерам и более дешевый кредит, чем тот, который доступен мелким капиталистам. С другой стороны, кредит и сам непосредственно обуславливает централизацию капитала, стягивая отовсюду свободные денежные средства и сплачивая их в огромные капиталы. Наконец, без этого втягивания в кредитную систему всех свободных денежных капиталов и доходов (как это уже было отмечено нами в предыдущей главе) было бы невозможно и развитие акционерных обществ, которые в свою очередь означают гигантскую централизацию капитала.

Интенсивный рост акционерных предприятий имел место уже в середине прошлого столетия, но особенно быстрое и всеобщее распространение они получают в XX веке, в эпоху империализма. Об этом наглядно свидетельствуют следующие данные:

Англия			Германия			Россия		
Годы	Число акц. о-в	Их капитал (млн. ф. ст.)	Годы	Число акц. о-в	Их капитал (млн. мар.)	Годы	Число акц. о-в	Их капитал (млн. р.)
1884	8692	500	1886/7	2,643	4,876	1882	586	—
1900	2,9730	1,623	1895/6	3,742	6,846	1905	1,461	1,946
1910	5,1787	2,179	1910	5,295	15,500	1910	2,064	2,382
1922	8,4101	4,180	1922	9,812	109,800	1913	3,040	4,087

Быстро увеличиваясь по численности и размерам, акционерные предприятия растут и по своему удельному весу в общей совокупности предприятий и получают в конце-концов безусловный перевес над индивидуальными предприятиями. Так, например, в Германии акционерные общества уже в 1900 г. сосредоточивали в своих руках 75 % всех двигателей, а в Соед. Штатах в 1919 г. на их долю падало 31,6 % общего числа предприятий, 36,5 % общего числа рабочих и 87,1 % всей стоимости продукции. Даже в России в 1913 г. около 1/4 всех основных капиталов промышленности принадлежало акционерным предприятиям.

Быстрый рост акционерных предприятий и отнесение ими на задний план индивидуальных отнюдь не представляет собой какого-либо случайного явления, но находится в необходимой внутренней связи с развитием капитализма. Рост производительных сил капитализма требует прогрессирующего расширения масштабов производства, а следовательно, и размеров предприятий. Но стремление к безграничному расширению масштабов производства наталкивается при капитализме

на ограниченности индивидуальных капиталов. Это противоречие в известной степени разрешается посредством акционирования капитала, ибо объединение многих капиталов в одном акционерном предприятии позволяет расширить масштаб производства за пределы индивидуального капитала. «Если бы не акционерные общества, — говорит Маркс, мир до сих пор оставался бы без железных дорог» и, добавим мы, не только без железных дорог, но и вообще без крупных предприятий, превышающих границы индивидуальных капиталов.

Итак, рост акционерных предприятий является необходимым следствием развития производительных сил капитализма. Какую же роль при этом играет кредит? Можно провести аналогию между ролью кредита в акционировании капитала и рассмотренной уже нами выше ролью его в уравнении нормы прибыли. Подобно тому как кредит не создает средней нормы прибыли, но является совершенно необходимым для ее образования, обслуживая процесс уравнения различных индивидуальных норм прибыли, подобно этому он не порождает акционерных предприятий, как это выходит у Гильфердинга (последние вытекают из развития материальных производительных сил капитализма), но является необходимым условием для их возникновения и обслуживает их образование и развитие. В самом деле, широкое развитие акционерных предприятий и привлечение ими мелких капиталов и сбережений было бы невозможно, если бы предварительно не достигла достаточного развития кредитная система, втягивающая в свою орбиту свободные денежные капиталы и доходы.

Итак, помогая крупному капиталу в его борьбе с мелким и обслуживая акционирование, кредит «превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов»¹⁾.

На ряду с централизацией капитала, т. е. ростом капитала за счет поглощения и присоединения других капиталов, кредит ускоряет и усиливает и концентрацию капитала, т. е. рост его за счет превращения доходов в дополнительный капитал. С одной стороны, кредит ускоряет превращение прибавочной стоимости, подлежащей накоплению, в капитал, ибо прибавочную стоимость, которая лежала бы праздно в денежной форме в руках одного капиталиста, он переносит в руки другого капиталиста и тем самым превращает в действующий капитал. С другой стороны, кредит положительно расширяет рамки накопления, давая капиталу в пищу не только прибавочную стоимость, но и такие доходы (зарплата, доходы мелких производителей и т. п.), которые без кредита никогда бы не превратились в капитал, а с помощью кредита централизуются, передаются через посредство кредитной системы в руки функционирующих капиталистов и тем самым используются в целях капиталистического накопления. Кредит здесь оказывается активным фактором расширенного воспроизводства.

О том, какие огромные суммы мелких сбережений мобилизуются при помощи кредитной системы, мы можем судить по следующим данным о количестве и сумме вкладов в сберегательные кассы (см. таблицу на стр. 105).

Как видим, число вкладчиков в сберкассы достигает многих миллионов человек (в Германии 21½ млн.), а сумма их вкладов — многих миллиардов руб. (в Соед. Штатах свыше 8 млрд. руб.), при чем обе эти

Государства	Число сбер. книжек (в тыс.)		Сумма вкладов (в млн. р.)	
	1908 г.	1910 г.	1908 г.	1910 г.
Англия	12.806	13.659	2.006	2.089
Германия	19.845	21.534	6.736	7.769
САСШ	8.706	9.597	7.118	8.192
Франция	13.259	14.089	1.935	2.118
Россия	6.249	7.089 ¹⁾	1.119	1.290 ²⁾

цифры заметно растут. Здесь имеет место мобилизация именно мелких сбережений, что видно из средней суммы, приходящейся на каждый вклад и достигшей в 1910 г.:

В Англии	152,9 руб.
Германии	360,8 "
Франции	151,3 "
России	182,0 "
САСШ	853,6 "

Однако и тут роль кредита не следует преувеличивать: он в данном случае не создает капитала из ничего, но лишь превращает доходы в капитал, так что и тут он может развивать рамки капиталистического воспроизводства лишь в известных границах.

Подводя итоги изложенному выше, мы видим, что кредит выполняет в капиталистическом хозяйстве весьма важные функции: 1) обслуживая процесс уравнения нормы прибыли, 2) экономизируя издержки обращения, 3) служа мощным рычагом в деле концентрации и централизации капитала.

Рассмотрев функции кредита при капитализме, следует подчеркнуть принципиально отличный от них характер функций советского кредита.

Это связано с тем, что при капитализме кредит обслуживает расширенное воспроизводство капитала; в СССР же, напротив, он служит делу расширенного воспроизводства социалистических отношений, делу построения социализма. При капитализме движение кредита представляло собою стихийный процесс движения свободных капиталов; в СССР же кредит подчинен социалистическому плану пролетарского государства. Как по содержанию, так и по форме советский кредит, таким образом, в корне отличен от капиталистического.

Какие же специфические функции выполняет советский кредит? Советский кредит есть прежде всего особый метод планомерного распределения финансовых ресурсов в целях социалистического строительства. Свообразие его как метода, отличного от бюджетного перераспределения тех же ресурсов, заключается в том, что соответствующие средства им изымаются и передаются не окончательно, но временно, с возвратом по истечении определенного срока.

Далее, следует указать на роль советского кредита как орудия учета производства и распределения продуктов. Уже о капиталистическом кредите Маркс заметил, что «банковое дело создает несомненно форму общего счетоводства и распределения средств произ-

¹⁾ В 1912 г. число вкладов составляло уже 8,093 тыс. руб.
²⁾ В 1912 г. сумма вкладов достигла 1.473 тыс. руб.

¹⁾ Маркс «Капитал», т. III, ч. I, гл. 23;

водства в общественном масштабе, но только форму»¹⁾. Совершенно иное имеет место в советском хозяйстве, где этот учет производства и распределения является общественным не только формально, но и по существу. Советский банк является действительно органом общегосударственного учета производства и распределения продуктов» (Ленин).

Было бы, однако, в корне неверно рассматривать советский кредит как пассивную форму, только учитывающую и регистрирующую то, что происходит в сфере производства и распределения.

Кредит играет активную роль в деле социалистического строительства, мобилизуя (через вклады, займы и т. д.) на нужды этого строительства все свободные финансовые ресурсы. Здесь кредит выступает в роли важного фактора в деле расширения социалистического накопления. Наконец, кредит в лице банковской системы осуществляет контроль за рациональным использованием финансовых ресурсов и, внедряя начала хозрасчета, контролирует и стимулирует выполнение хозяйственных планов. Выполняя все указанные функции, советский кредит играет активную роль в деле борьбы с капиталистическими элементами (отказ банков и хозорганов от кредитования частника, борьба с ростовщичеством путем кредитной поддержки бедняцко-среднеяичных хозяйств и т. п.), способствуя их вытеснению, в то же время активно содействует обобществлению мелко-товарного хозяйства (кредитная поддержка колхозного строительства).

Этой активной роли советского кредита в процессе социалистического строительства всячески препятствовали вредители. Вредительская практика в области кредита сводилась к одной цели — сделать из кредита СССР орудие развития капитализма, а не социализма. Под эту практику вредители (Юровский и др.) пытались подвести теоретический фундамент, трактуя кредит как стихийное движение капиталов и отрицая допустимость его планирования со стороны пролетарского государства. Безуспешность этих попыток и прогрессирующее укрепление планового начала в хозяйстве СССР, в частности и в кредите, заставили, однако, переменить тактику и надеть на себя «левую» маску. По видимости признав плановость советского кредита, меньшевики-вредители (Шер, Блом, Берлацкий и др.) толковали план как отрицание хозрасчета и поощряли автоматическое огульное кредитование, не базирующееся на правильном хозяйственном расчете, имея при этом целью методами кредита (на ряду с другими методами — вредительством в промышленности и торговле и т. д.) внести дезорганизацию в нашу экономику и подорвать дело социалистического накопления. Однако и на этот раз их карта была бита, и советское государство, вымета железной метлой вредителей из банковского аппарата, продолжало пользоваться кредитом как существенным рычагом в деле построения социализма.

Возвратимся к вопросу о роли кредита при капитализме. Если для буржуазных экономистов и социал-фашистов характерен взгляд на кредит исключительно как на фактор, благоприятствующий развитию капиталистической системы и укрепляющий ее, то для Маркса столь же характерно учение о двойственной роли кредита как фактора, с одной стороны, способствующего развитию капиталистического производства, а с другой стороны, развивающего и обостряющего все противоречия капиталистического способа производства и тем

самым участвующего в создании необходимых условий для перехода от капитализма к социализму. Анализ роли кредита в развитии противоречий капитализма принадлежит к числу плодотворнейших и оригинальнейших идей марксовой теории кредита, резко отделяя ее от всех буржуазных теорий и ярко выявляя применение Марксом метода материалистической диалектики к теории кредита и революционный характер его учения.

Для того, чтобы правильно понять роль кредита в движении противоречий капиталистического хозяйства, нужно исходить из того, что:

1) кредит не создает присущих капитализму противоречий (между общественным производством и частным присвоением, между трудом и капиталом, между производством и потреблением и т. д.); последние коренятся в самой антагонистической природе капиталистического строя и не порождены кредитом,

2) кредит развивает и обостряет противоречия, имманентные капиталистическому способу производства, а не оставляет их неизменными. Исходя из первого положения, мы не должны переоценивать роль кредита, например, мы не должны, подобно многочисленным буржуазным экономистам, выводить из кредита, и только из кредита, спекуляцию, переизготовление, кризисы и т. д. Исходя из второго положения, мы не должны игнорировать роль кредита в развитии капиталистических противоречий, как это делают авторы, извращающие марксову теорию кредита (Гильфердинг, Реннер, Трахтенберг), которые умалчивают совершенно об этой важнейшей стороне его теории.

Основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Это противоречие коренится в самом существовании капиталистического способа производства и порождается не кредитом, а самим строем производства. Тем не менее и кредит не остается чем-то внешним, безразличным по отношению к этому противоречию. Ведь само это противоречие не есть нечто застывшее, неподвижное, неизменное. С развитием капитализма оно движется, развивается, обостряется, и тут уже кредит играет свою роль. Централизуя капиталы и доходя и стимулируя рост производства, кредит тем самым делает капиталистическое производство все более и более общественным. С другой стороны, служа крупному капиталу и ускоряя гибель мелких, кредит обостряет частный характер присвоения, поскольку продукты общественного труда достаются все в большей степени все меньшему количеству частных собственников-капиталистов. Разная, с одной стороны, общественный характер производства, а с другой — частный характер присвоения, кредит, следовательно, расширяет пропасть между ними, развивает и обостряет это основное противоречие капитализма.

В наиболее резкой форме это проявляется в акционерных обществах. Общественный характер производства развился настолько, что даже сам капитал превратился здесь из частного в общественный, ставши капиталом ассоциированных капиталистов. Однако здесь имеет место не действительное уничтожение частной собственности на орудия и средства производства, но лишь, как метко формулирует это Маркс, «упразднение капитала как частной собственности в границах капиталистического способа производства»¹⁾. В самом деле, средства

¹⁾ Маркс. «Капитал», том III ч. 2, гл. 36, стр. 144.

¹⁾ Маркс. «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 27.

производства, перестав здесь быть частной собственностью **индивидуальных капиталистов**, не перестают быть вообще частной собственностью и не переходят во владение всего общества в целом, но остаются в руках **капиталистов**, хотя и **ассоциированных**. Другими словами, развивая в высшей степени общественный характер производства, акционирование не уничтожает частного характера присвоения, а следовательно, «вместо того, чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как общественного и как частного богатства, оно лишь развивает его в новой форме»¹⁾.

Это марксово учение об акционировании, как о факторе дальнейшего углубления и обострения противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения, ревизуется Гильфердингом, который в развитии акционерных обществ видит, напротив, фактор, освобождающий развитие производительных сил при капитализме от пут частной собственности. Утверждение Гильфердинга о том, что при всеобщем распространении акционерных предприятий (а это, как известно, имеет место в эпоху империализма) развитие производительных сил начинает подниматься исключительно требованиям технико-экономической рациональности, имеет апологетическую цель замазать паразитизм и загнивание монополистического капитализма и является одним из существенных моментов в социал-фашистской теории «организованного капитализма»²⁾.

Кредит еще и в другом отношении обостряет противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. При посредстве кредитной системы все свободные денежные капиталы и доходы концентрируются и поступают в те отрасли, в которых предъявляется на них спрос. Таким образом, самое распределение капиталов, поскольку оно осуществляется кредитной системой в общественном масштабе для всего класса капиталистов, как бы перестает быть частной функцией и получает общественную форму. Однако «банковое дело несомненно создает форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму» (Маркс). В самом деле, ведь кредитная система лишь обслуживает распределение капиталов, которое остается **стихийным процессом**, направляемым **частными интересами** и погоней за прибылью, и никакие банковские институты не в состоянии организовать и планомерно регулировать это распределение. Таким образом, счетоводство и распределение средств производства при капитализме получают при посредстве кредитной системы лишь **форму общего счетоводства и распределения**, по существу же служат **частным интересам капиталистов**. В кредитной системе, как и в акционировании, присущее капитализму противоречие между общественным и частным началом получает, следовательно, одно из наиболее ярких своих проявлений.

Выраженное на языке классовых антагонизмов, противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения проявляется как **противоположность между наемным трудом и капиталом**. И это классовое противоречие создано, конечно, не кредитом, а обособлением средств производства от производителей и превращением их в капитал, а рабочей силы в товар. Однако и здесь

¹⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 27, стр. 416.

²⁾ Подробное критиче-ское взгляды Гильфердинга на акционирование см. во II разделе.

кредит играет известную роль. Ведь противоречие между трудом и капиталом тем острее, чем больше владение капиталом обособлено от участия в непосредственном процессе производства. Но на **почве кредита это обособление достигает своего апогея**. Судный капиталист не принимает абсолютно никакого участия в производстве как таковом, однако присваивает продукты труда, к которому он сам не имеет совершенно никакого отношения.

Аналогичным образом обстоит дело и с владельцем акций. В то время как функционирующий в процессе производства капитал выжимает из наемных рабочих прибавочную стоимость, «акция есть лишь тигул собственности, рго гата, на реализуемую им прибавочную стоимость»¹⁾. Здесь одно уже обладание фиктивным капиталом (ценными бумагами — акциями, облигациями и т. п.), совершающим свое самостоятельное движение вне процесса производства, дает возможность присваивать плоды чужого труда, прибавочную стоимость, созданную рабочими в производстве. «В акционерных обществах, — говорит Маркс, — функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд»²⁾. При этом важно отметить, что здесь уже не только процент, а прибыль в целом «выступает... как простое присвоение чужого прибавочного труда»³⁾, а следовательно, противоположность между трудом и капиталом выступает в наиболее резкой и обнаженной форме.

Далее, обостряя конкуренцию и ускоряя централизацию капитала, кредит ускоряет экспроприацию мелкого и среднего капитала крупным и тем самым **способствует росту классовой поляризации** в капиталистическом обществе: все большему числу наемных рабочих противостоит все меньшее число капиталистов. Наконец, способствуя развитию капиталистического производства и его укреплению, кредит тем самым **способствует и увеличению степени эксплуатации** наемного труда капиталом, ибо с ростом капиталистического производства норма эксплуатации, как известно, увеличивается. Все это не может не усиливать остроту классовых противоречий в капиталистическом обществе.

Опираясь на распространение акционерной формы предприятий, апологеты буржуазного способа производства пытались прикрасить последний, распространяя идею о «демократизации» капитализма. Но акционерная форма предприятий, **формально допускающая участие в крупном капиталистическом предприятии владельцев мелких трудовых сбережений**, в действительности представляет собой новый способ **подчинения и экспроприации «демократии»**, т. е. широких слоев населения, так как фактически заправляли в этих предприятиях всегда являются немногие магнаты капитала, которые посредством всевозможных махи наций на бирже, в дивидендной политике и т. д. обирают мелких владельцев акций. Спекуляция на повышение или понижение курсов фиктивного капитала служит в руках биржевых акул орудием обогащения за счет мелких держателей ценных бумаг, сначала вовлекаемых в эту спекуляцию, а затем разоряемых ею. Характерным примером может служить биржевой «бум» в Соед. Штатах перед современным кризисом, когда быстрый подъем курсов ценных бумаг повлек

¹⁾ Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 29, стр. 5.

²⁾ Там же, ч. I, гл. 27, стр. 412.

³⁾ Там же.

в биржевую спекуляцию очень широкие круги населения, а последующий биржевой крах, разразившийся осенью 1929 г. и выразившийся в катастрофическом обесценении всех биржевых ценностей, разорил в первую очередь мелких и средних владельцев ценных бумаг. «Так как собственность существует здесь в форме акций, — говорит Маркс, — то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками, при чем «удача и неудача равно ведет здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе»¹⁾.

Наконец, и кризисы, представляющие собою, по выражению Маркса, насильственный взрыв всех противоречий капитализма, находятся в определенной связи с кредитом. Опять-таки не нужно понимать эту связь таким образом, что кредит якобы порождает кризисы, как любят утверждать буржуазные экономисты, стремящиеся замазать глубокие противоречия капитализма и привить ту мысль, что при помощи той или иной организации кредита можно предотвратить кризисы. Не кредит порождает кризисы, и не кредитом можно их уничтожить. Однако кредит и не безразличен по отношению к кризисам. На базе основного противоречия, — противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения — и кредит вкладывает свою лепту в скачкообразный ход капиталистического производства с его периодическими сменами подъемов кризисами. Роль кредита здесь заключается в том, что он, во-первых, усиливает перепроизводство и тем самым обостряет кризисы, и во-вторых, включает в общие кризисы перепроизводства, как специфический их момент, кредитно-денежные кризисы.

Когда перепроизводство налицо и товары не реализуются, то невозможен и платеж по кредитам, ранее полученным капиталистами друг у друга или у банков. Неплательщик является банкротом. Но так как все отрасли производства связаны между собою кредитными нитями, и каждый кредитор является в то же время чьим-то должником, то неплатежеспособность одного означает банкротство многих, то неплатежи по долгам и массовые банкротства — такова та своеобразная форма, которую принимают кризисы благодаря кредиту. Но кредит означает и большее. Он активно содействует кризисам, подготавливает их, поскольку он стимулирует предкризисную горячку и спекуляцию, создает фиктивный спрос и этим усиливает отрыв производства от потребления и усугубляет перепроизводство. Наконец, когда кризис уже налицо, кредит обостряет его, присоединяя к кризису перепроизводства, в качестве особого момента этого последнего, кредитно-денежный кризис, выражающийся в бешеной погоне за деньгами и кредитом, в резком вздутии процентных ставок, в массовом отливе вкладов из банков и в многочисленных банкротствах последних. Все это не может не оказывать обратного влияния на промышленность и торговлю, усугубляя их и без того кризисное состояние.

Роль кредита как фактора, с одной стороны, выражающего противоречия капиталистического хозяйства, а с другой стороны, развивающего и обостряющего их, ярко и с рядом характерных особенностей проявляется в современном мировом кризисе капитализма. Одна из своеобразных особенностей современного экономического кризиса,

происходящего на базе всеобщего кризиса капитализма, заключается в своеобразных формах проявления в нем кредитно-денежного кризиса. В то время как обычно промышленные кризисы в самом своем начале знаменовались резким недостатком ссудных капиталов, вздутием процента, отливом вкладов, крахами банков и т. д., т. е. проявлялись прежде всего в форме кредитных кризисов, современный кризис в первый его период характеризовался обилием ссудных капиталов, низким процентом, отсутствием банкротства крупных банков. Учетный процент с августа—сентября 1929 г. к началу 1931 г. понизился в Соед. Штатах с 6 до 2%, в Англии — 6,5 до 3%, во Франции — с 3,5 до 2%, в Германии — с 7,5% до 5%. В дальнейшем это падение продолжалось еще дальше, и в мае 1931 г. учетный процент дошел в Соед. Штатах до 1,5 и в Англии — до 2,5%.

Столь необычное явление, как обилие ссудных капиталов и низкий процент во время кризиса, дало почву для целого ряда ошибочных положений и теорий. Так, например, в начале развития кризиса в Соед. Штатах т. Павлов на дискуссии в Комкадемии вообще отрицал наличие кризиса, доказывая это отсутствием характерных черт кредитного кризиса. Впоследствии, когда промышленный кризис, переплетаясь с аграрным, разразился во всей своей силе и отрицание его не могло уже иметь места, стали раздаваться голоса, что положение Маркса о кредитном кризисе, как необходимом моменте промышленного кризиса, теряет якобы свою силу для монополистического капитализма, сумевшего создать мощную банковскую систему, которая в состоянии регулировать движение ссудных капиталов и предотвратить кредитный кризис. На этой позиции стоял, например, т. Варга, который утверждал, что «для кризисов периода монополий характерны не кредитные кризисы, не банкротства, но длительная массовая безработица». Действительность, однако, вскоре наголову опрокинула все эти утверждения и доказала несостоятельность ревизии марксизма в вопросе о кредитных кризисах.

Прежде всего в корне неверно объяснять обилие ссудных капиталов и низкий процент в условиях современного кризиса организационными достижениями капиталистической кредитной системы: это означает «сути дела изрядный крен в сторону теории организованного капитализма». На самом деле это своеобразное явление вытекает не из совершенства банковской организации, а из особенностей промышленного цикла в условиях всеобщего кризиса капитализма с присутствием последнему усилению неравномерности развития и обострением паразитизма и загнивания. В условиях всеобщего кризиса капитализма промышленный подъем характеризуется крайней неравномерностью, он отнюдь не охватывает все стороны и отрасли производства и не сопровождается таким сильным расширением производства, которое было характерно для довоенных подъемов. Худосочие промышленного подъема означает, что к моменту кризиса капитализм подошел не с исчерпанными, а с достаточно обильными еще резервами ссудных капиталов. С другой стороны, рост паразитизма и загнивания капитализма в эпоху его всеобщего кризиса находит свое выражение и в том, что в период подъема кредит обслуживает не столько расширение производства и торговли, сколько расцвет биржевой спекуляции. Характерно, например, что в Соед. Штатах особенный рост перед кризисом показывали т. н. брокерские ссуды, т. е. ссуды биржевым маклерам; эти ссуды за период с 1927 г. по сентябрь 1929 г. увеличились с 3.646 до

1) Маркс. «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 27, стр. 415.

млн. долл. и при росте с 1929 г. спекулятивных ссуд (подценные бумаги) на 111 %, ссуды торгово-промышленным предприятиям увеличились только на 24 %. Однако биржевая горячка кончилась в октябре 1929 г. колоссальным крахом, курсы ценных бумаг резко пали, рыночная стоимость всех акций на нью-Йоркской бирже, составлявшая на 1/IX 1929 г. 89,5 млрд. долл., уменьшилась к 1/IV 1930 г. до 75,3, а к 1/III 1931 г. — до 57 млрд. и начался обратный процесс — отлив ссудных капиталов в биржи: к 1/IV 1931 г. брокерские ссуды уменьшились до 1.849 млн. долл. Все это привело к увеличению предложения свободных ссудных капиталов по сравнению со спросом на них и понижению процента. Не организованность кредитной системы, а всеобщий кризис капитализма, неравномерность и слабость подъема, рост паразитизма и чрезвычайно крупный удельный вес биржевой спекуляции и биржевых кредитов — вот, следовательно, действительная основа обилия ссудных капиталов и низкого процента в современном кризисе.

Можно ли, однако, считать, что это обилие ссудных капиталов исключало кредитный кризис? Ни в коем случае. Кредитный кризис является неотъемлемым моментом и современного мирового экономического кризиса, при чем прогрессирующее обострение промышленного и аграрного кризиса на известной ступени развития неизбежно влекло за собой и острый взрыв финансового кризиса, охватывающего кредит, государственные финансы и денежное обращение. И этот кризис в свою очередь развивался неравномерно. Раньше всего он охватил аграрные страны. Резкое падение цен на продукты сельского хозяйства и сокращение их экспорта приводили к тому, что платёжный баланс этих стран становился все более и более неблагоприятным, что вело к выкачиванию золота, неплатежеспособности этих стран и подрыву их денежной системы. Уже к концу 1930 г. валюты Австралии, Бразилии, Аргентины обесценились на 20—22 %, к концу же 1931 г. обесценение дошло до 40—50 %.

С середины 1931 г. кредитно-денежный кризис перекидывается уже на Центральную Европу, представляющую собой одно из наиболее слабых звеньев в системе мирового капитализма. Здесь он прежде всего разразился в Австрии, выразившись, в частности в крахе крупнейшего австрийского банка — «Кредитанштальта». Дальнейший взрыв кредитного кризиса имел место в Германии. Германия, побежденная в империалистической войне, пережившая колоссальный развал народного хозяйства и являющаяся данником западно-европейского капитализма по репарационным платежам, вынуждена была прибегнуть (для того, чтобы как-нибудь выпутаться из петли) к помощи крупных иностранных кредитов. Задолженность Германии в июле 1931 г. достигла: долгосрочная — 17 млрд. марок, краткосрочная — 12 млрд., при чем оплата процентов по этим долгам вместе с репарационными платежами должна была составить около 3 млрд. марок. Эти кредиты, в том числе и номинально краткосрочные, фактически прочно увязли в германских предприятиях, которые в условиях кризиса оказались не в состоянии своевременно погашать их. Развитие кризиса как в самой Германии, так и в странах-кредиторах привело к тому, что кредиторы стали все настойчивее изымать свои кредиты. Золотой и валютный запас Рейхсбанка катастрофически сократился (в январе 1931 г. — 2,616 млн. марок, в конце июля — 1.141 млн.); начались банкротства крупнейших банков (в частности обанкротился третий по

величине банк Германии — «Данатбанк»), публика ринулась закладами, и паника достигла такой степени, что на некоторое время пришлось закрыть все кредитные учреждения и биржу. Учетный процент повисился до 15 %.

Следующий этап развития кредитно-денежного кризиса — крах английского фунта. Кредитный кризис Германии непосредственно сказался на Англии потому, что в Германии были «заморожены» значительные суммы английских кредитов, при чем большая часть их состояла из средств полученных Англией в свою очередь в кредит от других стран. Помимо того, непрерывное уменьшение активности платёжного баланса и рост бюджетного дефицита подрывали доверие к Англии международного денежного рынка. Началась быстрая утечка капиталов из Англии, которая в течение двух месяцев составила огромную сумму в 200 млн. ф. ст. Истощение золотого запаса Английского банка, которого не приостановило и повышение учетной ставки до 6 %, сделало невозможным обеспечение разности банкнот, и 20 сентября 1931 г. «краса и гордость» Англии — ее фунт стерлингов был сброшен со своего золотого пьедестала: размен банкнот на золото, т. е. золотой стандарт, был отменен. В результате курс фунта пал на 30 % ниже паритета, и весь мировой денежный рынок, для которого фунт был основным орудием расчетов, пришел в расстройство. Вслед за Англией золотая валюта падала в целом ряде стран: в первую очередь в странах, валюта которых базировалась на английском фунте (Ирландия, Египет, Индия, Португалия), затем стран, тесно связанных своей торговлей с Англией (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Япония).

В пропасть финансового кризиса вовлечен, наконец, и такой оплот мирового капитализма, как Соед. Штаты. Развитие кредитного кризиса получает здесь яркое выражение в росте банкротств банков, притом все более и более крупных. Так, в 1929 г. обанкротилось 642 банка с 235 млн. долл. вкладов, в 1930 г. — 1345 банков с 865 млн., в 1931 г. — 2.290 банков с 1.759 млн. Прогрессивный рост этих банкротств неизбежно вел к подрыву доверия клиентов и к массовому изъятию ими своих вкладов. «Кубышка» становилась все более надежным местом помещения денег, чем банк, который со дня на день может лопнуть. Отлив вкладов в свою очередь еще более ослабляет банки, толкая их к краху. Учетный процент в октябре 1931 г. повисился с 1 1/2 до 3 1/2. Тяжелое финансовое положение усугубляется дефицитностью государственного бюджета, достигающей за 1931/32 г. 3 млрд. долл.

Этот кризис государственных финансов, являющийся выражением общеэкономического кризиса, теснейшим образом связан с политической изоляцией средств государственной казны для поддержки лопочающихся банков, трестов и концернов, в результате чего в конечном счете доходы трудящихся перекалдываются в карманы магнатов капитала (все это обычно называется «санированием», т. е. «оздоровлением» хозяйства). В феврале 1932 г. в САСШ организуется т. н. реконструктивная финансовая корпорация (РФК) с капиталом, доведенным до 3,8 млрд. долл., занимающаяся выдачей ссуд предприятиям, переживающим затруднения. К началу 1933 г. т. е. менее чем за год, РФК успела выдать 1,6 млрд. долл., в том числе 1,4 млрд. долл. крупным банкам и связанным с ними предприятиями. В 1932 же году издается новый закон (т. н. закон Гласс-Стигала,

расширяющий кредитные права банков, допуская в качестве обеспечения ссуд такие кредитные документы, которые ранее не допускались, и дающий эмиссионным банкам право выпускать банкноты под обеспечение не только золота и векселей (как было раньше), но и государственных ценных бумаг (до 60% сумм выпущенных банкнот). Все эти мероприятия, целью которых декларировалось преодоление кризиса, могли в действительности послужить лишь к кратковременной оттяжке неизбежного взрыва денежно-кредитного кризиса, выразившейся в сокращении банковских банкротств в 1932 г. по сравнению с 1931 г. почти в 2 раза. Но это мнимое «благополучие» кредитной системы в 1932 г. было куплено ценою отмеченного уже выше роста бюджетного дефицита и ухудшения активов эмиссионных банков, в составе которых значительно (с 817 млн. долл. в конце 1931 г. до 1.855 млн. долл. к концу 1932 г.) вырос портфель государственных ценных бумаг. Вместе с тем дальнейшее углубление промышленного и аграрного кризиса (в 1932 г. обанкротилось 31,8 тыс. промышленных и торговых предприятий с 928,4 млн. долл. пассивов против 28,3 тыс. с 736,5 млн. долл. в 1931 г.) обрекло на полную неудачу попытки «санировать» кредитную систему. И действительно, уже в марте 1933 г. происходит острый взрыв кредитно-денежного кризиса, которому предшествовало массовое паническое истребование вкладов из банков (составившее за один февраль 1933 г. огромную сумму до 3 млрд. долл.), а также значительное сокращение золотого запаса федеральных резервных банков (с 1 февраля по 8 марта этот запас упал с 3.255 до 2.684 млн. долл.) и рост массы денег в обращении (с 5,6 млрд. долл. на 31/1 1933 г. до 7,5 млрд. долл. на 31/III). Этот взрыв денежно-кредитного кризиса выразился во временном параличе всей кредитной системы (закрытие биржи и банков, значительная часть которых потом окончательно закрылась) и привел к отмене золотого стандарта. Доллар перестает быть оплотом мировых валют, бегство капиталов распространяется и на Соед. Штаты. Последние окончательно вступают на путь инфляции.

В эпоху монополистического капитализма экономика особенно тесно сращивается с политикой. Поэтому на ряду с отмеченными выше моментами, характеризующими развитие современного денежно-кредитного кризиса с экономической стороны, не следует забывать и о большой роли в своеобразном течении этого кризиса факторов политического порядка. Борьба между империалистическими странами, принявшая наиболее острые формы в эпоху всеобщего кризиса капитализма, ярко проявляется и на финансовой арене. Так, например, падение золотого стандарта в Англии было ускорено отзывом из Англии французских кредитов. Этот отзыв имел целью вынудить Англию в свою очередь востребовать из Германии свои «замороженные» там кредиты, чтобы в результате этого добиться от Германии согласия на требования Франции о «десятилетнем политическом моратории», т. е. об отказе на 10 лет от пересмотра Версальского договора и плана Юнга.

С другой стороны, вызванный углублением кризиса отказ САСШ от золотого стандарта используется американской буржуазией как метод борьбы с Англией на мировых рынках. Неустраимые противоречия империалистических стран обусловили жалкий крах мировой экономической конференции в Лондоне и в частности попыток «валютной стабилизации».

Будучи выражением острейших противоречий современного капитализма, денежно-кредитный кризис в свою очередь ведет к дальнейшему их углублению и обострению.

Во-первых, кредитно-денежный кризис, возникая на базе промышленного и аграрного кризиса, не может в свою очередь не оказывать обратного влияния на последние, обостряя и углубляя их. Крахи банков в условиях монополистического капитализма, когда банковский капитал сращен с промышленным, сопровождаются крахами промышленных, торговых и проч. предприятий, связанных с ними и лишаящихся финансовой поддержки, т. е. ведут к дальнейшему обострению и углублению самого промышленного кризиса. Во-вторых, обесценение валюты ведет к валютному хаосу, подрыву международных хозяйственных связей, обострению конкуренции на мировом рынке (как известно, обесценение валюты стимулирует экспорт товаров, а это ведет к усилению протекционизма в других странах, к таможенным войнам и т. п.). Сложная система международной задолженности, при которой каждая страна в большей или меньшей мере пользуется чужими капиталами и поставлена под угрозу их отлива, развивает бешеную борьбу за золото, при которой центральные банки всех стран всяческими средствами пытаются привлечь к себе наибольшую долю этой абсолютной формы общественного богатства, прибегая для этой цели к отзыву кредитов из других стран и ставя их тем самым на грань банкротства.

В-третьих, денежно-кредитный кризис ведет к резкому обострению классовых противоречий. Инфляция, на ряду с прямым понижением заработной платы, ликвидацией социального страхования и ростом налогового обложения представляет собою не что иное, как метод переложения всей тяжести кризиса на плечи рабочего класса и широких слоев трудящихся. Одновременно с этим в широких размерах происходит экспроприация мелкого крестьянства, задавленного гнетом непосильной задолженности, требования о погашении которой не могут быть им выполнены. В-четвертых, современный денежно-кредитный кризис ведет к централизации капиталов в руках магнатов финансового капитала за счет банкротившихся мелких банков и денежных капиталистов. Наконец, этот кризис еще резче обнажает паразитическую природу капитализма, ибо в условиях роста задолженности промышленности, сельского хозяйства и торговли (составлявшей в САСШ в 1929 г. 127 млрд. долл., а в 1931 г. — 135 млрд.) при одновременном падении народного дохода значительно увеличивается доля последнего, присваиваемая рантье (в САСШ в 1929 г. эта доля составляла 11,1%, а в 1931 г. — уже 21,6%).

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ

к главе III „Роль кредита“

I. КРЕДИТ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

а) Роль кредита в уравнении нормы прибыли

... Если товары продаются по их стоимости, то, как было уже показано выше, в различных сферах производства возникают очень различные нормы прибыли в зависимости от органического состава вложенных в них масс капитала. Но капитал извлекается из отрасли с бо-

лее низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, словом, посредством своего распределения между различными сферами производства, смотря по тому, где норма прибыли падает и где повышается, капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства. Это уравнение капиталу удается осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем лучше строй данной страны приспособлен к капиталистическому способу производства. С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняется своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность общественных предпосылок, в которых совершается процесс производства.

Постоянное уравнение постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, чем подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы и из одного местного центра производства в другой... Пункт I-й предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, особенно тех, которые возникают из самого капиталистического способа производства. Далее предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует в руках отдельных капиталистов неорганизованную массу свободного общественного капитала, наконец, подчинение различных сфер производства капиталистам (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, гл. 10).

... Общие замечания, до сих пор высказанные нами по поводу кредита, сводились к следующему:

Необходимость образования кредита для того, чтобы обслужить уравнение нормы прибыли или движение этого уравнения, на чем покоится все капиталистическое производство (Маркс, «Капитал» т. III, ч. I, гл. 27).

б) Роль кредита в экономии издержек обращения

1. Главными издержками обращения являются сами деньги, поскольку они сами имеют стоимость. Деньги сберегаются посредством кредита тремя образом:

А. Для большей части сделок деньги вовсе отпадают.

В. Обращение средств обращения ускоряется. Отчасти это совпадает с тем, что придется сказать в пункте II. С одной стороны, это ускорение — техническое, т. е. при равных величинах и количестве действительных товарных оборотов, обслуживающих потребление, меньше количество денег или денежных знаков исполняет ту же самую службу. Это находится в связи с техникой банковского дела. С другой стороны, кредит ускоряет быстроту метаморфоза товаров и вместе с тем — быстроту денежного обращения.

С. Замещение золотых денег бумажными.

2. Ускорение посредством кредита отдельных фаз обращения или метаморфоза товаров, затем метаморфоза капитала, а вместе с тем ускорение процесса воспроизводства вообще. (С другой стороны, кредит позволяет на больший срок отделять акты купли и продажи и потому служит основой спекуляции). Сокращение резервных фондов, что можно рассматривать с двойной точки зрения: с одной стороны, как уменьше-

ние орудий обращения, с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, гл. 27)

... Вся сумма рабочей силы и общественных средств производства, расходуемых на ежегодное производство золота и серебра как орудий обращения, составляет крупную долю непроизводительных расходов (faux frais) капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, в основе которого лежит товарное производство. Это производство отвлекает от использования обществом соответствующую сумму возможных дополнительных средств производства и потребления, т. е. действительного богатства. Насколько при неизменяющемся данном масштабе производства и при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогой механизм обращения, настолько же повышается вследствие этого производительная сила общественного труда. Следовательно, поскольку производит такое влияние вспомогательные средства, развивающиеся вместе с системой кредита, или непосредственно увеличивают капиталистическое богатство или тем, что большая часть процесса общественного производства и процесса общественного труда совершается без всякого посредничества действительных денег, или тем, что деньги, действительно находящиеся в обращении, функционируют с большей интенсивностью.

Этим разрешается и вздорный вопрос о том, было ли возможно капиталистическое производство в своих теперешних размерах и без системы кредита (если даже рассматривать ее только с этой точки зрения), т. е. при одном металлическом обращении. Очевидно нет. Напротив, оно было бы ограничено размерами производства благородных металлов. С другой стороны, не следует создавать каких бы то ни было мифических представлений о производительной силе кредита, поскольку он представляет в распоряжение денежный капитал или приводит его в движение... (Маркс, «Капитал», т. II, гл. 17)

в) Роль кредита в централизации капиталов

... Конкуренция ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит, при прочих равных условиях, от производительности труда, а последняя от масштаба производства. Поэтому мелкие капиталы побиваются более крупными. Вспомним далее, что с развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают.

Кроме того, вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит: вначале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным ору-

дием в конкурентной борьбе и в конце-концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.

В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит, эти два наиболее мощных рычага централизации...

... Очевидно, что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, представляет крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке отдельных взаимно друг друга дополняющих составных частей общественного капитала. Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые единичные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив централизация, посредством акционерных обществ, достигла этого как бы по одному мановению руки. И усиливая и ускоряя таким образом действия накопления, централизация в то же время расширяет и ускоряет те перевороты в техническом составе капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и, следовательно, относительно уменьшают спрос на труд... (Маркс, «Капитал», т. I, гл. 23).

г) Роль кредита в концентрации капитала

... Здесь мы имеем прежде всего часть прибыли, которая не расходуется как доход, а предназначена для накопления, но для которой не находится употребления в предприятии самих промышленных капиталистов. Прибыль эта существует непосредственно в товарном капитале, часть стоимости которого она составляет, и вместе с ним реализуется в деньгах. Если она (купца мы пока оставляем в стороне, о нем мы будем говорить особо) не превращается обратно в элементы производства товарного капитала, то в течение некоторого времени она должна застыть в форме денег. Масса эта растет вместе с массой самого капитала, даже при уменьшающейся норме прибыли. Часть, которая должна быть израсходована как доход, мало-по-малу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал у банкира. Таким образом, даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно повторяющемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, т. е. потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это справедливо по отношению ко всем доходам, поскольку они мало-по-малу потребляются, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непродуцентных классов и т. д. Все они на известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены в вклады, а потому и в ссудный капитал (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 31).

...Кредитная и банковская система стремится весь денежный капитал, отходя в распоряжение производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал)... (Маркс «Капитал», т. II, гл. 17).

2. КРЕДИТ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

а) Роль кредита в развитии противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения

... Банковое дело, несомненно, создает форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста или каждого отдельного капитала, определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством всего прибавочного труда, присваиваемого всем капиталом, при чем каждый отдельный капитал получает из этой общей суммы свой дивиденд в количестве, пропорциональном той части всего капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала осуществляется в полной мере лишь при посредстве вполне развитой кредитной и банковской системы. Но с другой стороны, последняя идет дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь наличный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно, капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, вкладывающее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она уничтожает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, устранение самого капитала. Банковое дело вырывает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и самым сильным из средств, выводящих капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных очагов кризисов и спекуляций (Маркс, «Кап.», т. III, гл. 36).

... Образование акционерных обществ. Отсюда

1) Колоссальное расширение размеров производства и предприятий, невозможных для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных личностей) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в границах самого капиталистического способа производства...

... Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому себя само уничтожающее противоречие, которое prima facie представляется просто переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие выступает он и в своем проявлении. В известных сферах он ведет к восстановлению монополии и потому требует государственного вмешательства. Он воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, грюндеров и просто номинальных директоров, целую систему мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 27).

6) Кредит как фантом обострения антагонизма между наемным трудом и капиталом

...3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, заведующего, управляющего чужими капиталами, собственников капитала — в простых собственников; простых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего есть или должно быть только заработной платой за известного рода искусный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке, как цена всякого другого труда), тем не менее вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом прибыль выступает (уже не одна только часть ее, процент, получающий свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, т. е. из отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего поденщика. В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность раздельных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, в простые функции ассоциированных производителей, в общественные функции...

... Оставляя в стороне акционерное дело, — которое является уничтожением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы, и поскольку оно расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность, — кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное, в пределах известных границ, распоряжение над чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого над чужим трудом. Распоряжение над общественным, а не собственным капиталом дает ему распоряжение над общественным трудом. Сам капитал, которым владеет лицо в действительности или в мнении публики, становится лишь основой для кредитной надстройки. В особенности это относится к оптовой торговле, через которую проходит крупнейшая часть общественного продукта. Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не *своей*, а общественной собственностью. Такой же бессмысленной становится фраза о происхождении капитала из сбережений, так как спекулирующий, наоборот, требует, чтобы другие делали за него сбережения (как недавно вся

Франция сберегла полтора миллиарда франков для панамских мошенников! С какой точностью изображено здесь все панамское мошенничество за целых двадцать лет до того времени, как оно произошло (Ф. Э.). Другой фразе о воздержании бьет прямо в лицо его роскошь, которая сама теперь становится средством кредита. Предательства, имевшие еще некоторый смысл не менее развитой ступени капиталистического производства, становятся здесь совершенно бессмысленными. Удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственным производителем на самых капиталистов, — мелких и средних. Эта экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; ее осуществление — его цель, и притом в последнем счете экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими, а кредит все больше придает этим немногим характер чистых баловней судьбы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становится просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками.

В акционерном деле уже существует противоположность старой форме, в которой общественные средства производства выступают в виде индивидуальной собственности; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими границами; поэтому вместо того, чтобы преодолеть противоречие между характером богатства, как общественного и как частного богатства, оно лишь развивает его в новой форме... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 27).

в) Роль кредита в кризисах и кредитные кризисы

... Что касается возможности кризиса, обусловленной формой денег как платежного средства, то у капитала уже имеется более реальная основа для осуществления этой возможности. Например, ткач должен оплатить весь постоянный капитал, элементы которого доставлены прядильщиком, льноводом, владельцами машиностроительного, железодельного заводов, угольных копей и др. Поскольку последние производят постоянный капитал, который входит лишь в процесс производства, не входя в конечный продукт, в ткань, они возмещают друг другу средства производства путем обмена капитала. Ткач продал, скажем, свою ткань купцу за 1,000 ф. ст., но получил вексель, и деньги фигурируют как платежное средство. Точно так же льновод продал ткачу, получив вексель, прядильщик ткачу, далее машиностроитель — ткачу, поставщик железа и леса — машиностроителю, поставщик угля — прядильщику, ткачу, машиностроителю, поставщик железа и леса. Кроме того, поставщики железа, угля, дерева, льна заплатили друг другу векселями. Если же купец не получает денег за свои товары, то он не может заплатить ткачу по своему векселю. Льновод трассировал вексель на прядильщика, машиностроитель — на ткача и прядильщика. Прядильщик не может пла-

титу, так как ткач не может платить; оба они не платят машиностроителю, последний не платит поставщику железа, леса, угля. И все они опять-таки не реализуют стоимости своего товара, поэтому они не могут возместить той части, которая представляет постоянный капитал. Так получается общий кризис. Это не что иное, как возможность кризиса, которую мы видели в деньгах как платежном средстве, но здесь, в капиталистическом производстве, уже переплетаются взаимные долги и обязательства, покупки и продажи; здесь возможность легко развивается в действительность... (Маркс, «Теория прибавочной стоимости», т. I, ч. 2, отдел III, § 4).

... Уже по одному тому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, уже по одному этому в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток должен развиваться по мере развития кредита. Вместе с тем должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы; возникает избыточная торговля, избыточное производство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение... (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 32).

... Обратный приток денег выражает обратное превращение товарного капитала в деньги, $D - T - D^1$, как это мы видели при исследовании процесса воспроизводства, книга II, отдел 1. Обратный приток в денежной форме становится благодаря кредиту независимым от времени действительного возврата как для промышленного капиталиста, так и для купца. Каждый из них продает в кредит; следовательно, товар их отчуждается прежде чем он превратится для них в деньги, т. е. обратно вернется к ним самим в форме денег. С другой стороны, каждый из них покупает в кредит, и таким образом стоимость их товара совершает для них обратное превращение в производственный капитал или в товарный капитал, прежде чем эта стоимость действительно превратится в деньги, прежде чем наступит срок платы за товары и будет заплачено за них. В такие периоды расцвета обратное возвращение капитала протекает легко и гладко. Розничный торговец с полной надежностью платит оптовому торговцу, этот последний — фабриканту, фабрикант — импортеру сырья и т. д. Видимость быстрого и верного обратного притока капитала сохраняется еще долго после того, как в действительности этого уже нет, сохраняется благодаря наладившемуся кредиту, потому что возврат кредита замещает возврат действительного капитала. Банки начинают предчувствовать беду, как только их клиенты станут уплачивать больше векселями, чем деньгами (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 1, гл. 28).

.. Благодаря дутым векселям, частью же благодаря торговым предприятиям, имеющим целью простую фабрикацию векселей, весь процесс настолько усложняется, что внешняя видимость очень солидного предприятия с энергичным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время после того, как в действительности обратный приток достигается лишь за счет частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти преувеличенно здоровый вид. Прекрасное доказательство этому дают, например, Reports on Banc Acts 1857 и 1858 гг., где все директора банков, купцы, одним словом, все приглашенные в качестве экспертов, с гор-

дом Оверстоном во главе, поздравляли друг друга с цветущим и здоровым развитием предприятий — как-раз за месяц до того, как в августе 1857 года разразился кризис. И поразительно, что Тук в своей History of Prices снова поддается этой иллюзии при историческом описании каждого отдельного кризиса. Предприятия всегда в высшей степени здоровы, и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разразается катастрофа... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

... Если кредитная система оказывается главным рычагом перепроизводства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластический по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и притом форсируется потому, что значительная часть общественного капитала применяется не собственниками его, пускающими в дело совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, близяимо учитывает границы, полагаемые его частным капиталом. Это только свидетельствует, что основанное на антагонистическом характере капиталистического производства увеличение стоимости капитала допускает действительное, свободное развитие лишь до известного предела и, следовательно, в действительности создает для производства имманентные окопы и преграды, постоянно прорываемые кредитной системой. Поэтому кредитная система ускоряет материальное развитие производительных сил и создание мирового рынка, доведение которых как материальных основ новой формы производства до известной степени развития и составляет историческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элемент разложения старого способа производства.

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать двигательную силу капиталистического производства, обогащение эксплуатацией чужого труда до чистой и колоссальной системы азарта и мошенничества, и все более сокращать число немногих, эксплуатирующих общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства; эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Лю до Исаака Перейры свойственный им смешанный характер мошенника и пророка... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 27).

... Что в период кризиса ощущается недостаток в платежных средствах, очевидно само собою Метаморфозы векселей заступили место метаморфоза самих товаров, и как-раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм оперировало только в кредит. Невежественное и нелепое банковое законодательство — в роде законов 1844—45 гг. — может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковое законодательство не может устранить кризиса.

При такой системе производства, когда все взаимоотношения процесса воспроизводства покоятся на кредите, в случае внезапного прекращения кредита и необходимости производить все платежи лишь наличными деньгами, должен очевидно наступить кризис, неизбежная погоня за платежными средствами. Поэтому на первый взгляд весь кризис представляется только кредитным кризисом и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности и лежит в конце-концов

в основе всего кризиса. Однако на ряду с этим громадная масса этих векселей представляет просто дутые операции, которые теперь только обнаруживают свой истинный характер и лопаются; далее, спекуляции, предпринятые с чужим капиталом и потерпевшие неудачу; наконец, товарные капиталы, которые обесценены или даже вовсе не могут быть проданы; или обратный приток капиталов, который фактически никогда уже не совершится. Все это искусственную систему насильственного расширения процесса воспроизводства нельзя, конечно, оздоровить тем, что какой-либо банк, например, Английский банк, при помощи своих бумаг снабдит спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 30).

Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка...

... Пока производство идет нормальным ходом, это забывается. Кредит, также общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства заставляет относиться к денежной форме продуктов как к чему-то мимолетному и лишь идеальному, как к простому представлению. Но как только кредит потрясен — а эта фаза неизбежно входит в цикл современной промышленности — вдруг оказывается, что все реальное богатство должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро — требование безумное и, однако, неизбежно вырастающее из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующие удовлетворить этому чудовищному запросу, составляют сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в кладовых банка. Таким образом, в том влиянии, которое оказывает отлив золота, с особенной резкостью обнаруживается, что производство в действительности не подчинено общественному контролю, как общественное производство обнаруживается в том, что общественная форма богатства существует независимо от него самого как особая вещь...

... С развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится разрушить указанную выше металлическую границу — эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения — но все снова и снова разбивает себе голову об эту границу.

Во время кризиса возникает требование, чтобы все векселя, ценные бумаги, товары могли быть сразу превращены в банковые деньги, а все банковые деньги в свою очередь в золото (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 35).

г) Маркс и Ленин о роли сберегательных касс в развитии капиталистических противоречий

Одной из наиболее излюбленных реформ¹⁾ является система сберегательных касс.

Мы не станем говорить о том, что большая часть рабочих не имеет возможности сберегать.

Цель — по крайней мере, точный экономический смысл сберегательных касс — должна заключаться в том, чтобы путем предусмотрительности и благоразумия самих рабочих они уравновесивали благо-

приятное для труда время неблагоприятным; чтобы, следовательно, рабочие таким образом распределяли свою заработную плату в том цикле, который совершает промышленное движение, чтобы в действительности их расходы никогда не превышали минимума заработной платы, расходов на самое необходимое для жизни.

Но мы видели, что не только именно колебания заработной платы вызывают революционность рабочих, но что без временного повышения ее по сравнению с минимумом рабочего совершенно не затрагивали бы возрастание производства, общественного богатства, цивилизации, следовательно, для него не было бы никакой возможности освобождения. Таким образом, рабочий сам должен превратить себя в буржуазную счетную машину, возвести скудость в систему и придать босячеству неизменный консервативный характер.

Кроме того, система сберегательных касс является тройным оружием капитала и деспотизма.

1. Сберегательная касса есть золотая цепь, на которой правительство держит значительную часть рабочего класса. Таким образом, они не только оказываются заинтересованными в сохранении существующего строя; не только возникает разлад между частью рабочего класса, участвующей в сберегательных кассах и частью, не участвующей в них.

2. Таким образом, рабочие сами дают своим врагам оружие для сохранения существующей порабоощающей их организации общества.

3. Деньги текут обратно в национальный банк, последний опять дает их займам капиталистам, банк и капиталисты делают между собой барыши и таким образом, благодаря деньгам, которые ссудил им народ; получающий на них ничтожный процент, увеличивают свой капитал, который, именно лишь благодаря централизации становится могучим рычагом промышленности — увеличивает свою непосредственную власть над народом, Маркс, и Энгельс соч., т. V, «Заработная плата»).

Сберегательные кассы — один из самых излюбленных в последнее время поводов для славословия. Только этим пользуется не одно витетское, а также и «критическое» славословие. Давиды и Герцы, Черновы и Булаковы, Прокоповичи и Тотомианцы, одним словом, все сторонники модной «критики марксизма» (не говоря уже о солидных профессорах Каблуковых и Карышевых), на разные лады и голоса зывают: «толкуют эти ортодоксы о концентрации капитала! Да вот один уже сберегательные кассы показывают нам децентрализацию капитала. Толкуют о росте нищеты. А на самом деле мы видим рост мелких народных сбережений».

Возьмем присланные нам одним добрым человеком официальные данные о русских сберегательных кассах в 1899 г. и припомним к ним поближе. Всего в России было в 1899 г. 4.781 государственная сберегательная касса, в том числе 3.718 почтово-телеграфных и 84 фабрично-заводских касс. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на 1.189, т. е. на треть. Число вкладчиков за то же время поднялось с 1.664 тыс. до 3.145 т. е. на полтора почти милл. (на 89%), сумма денежных вкладов с 330 млн. руб. до 608 млн. руб., т. е. на 278 млн. руб., или на 84%. Итак, повидимому, гигантский рост «народных сбережений».

Но вот какое обстоятельство бросается при этом в глаза. Из литературы о сберегательных кассах известно, что за 80-е годы и начало

¹⁾ Маркс здесь имеет в виду излюбленные буржуазные реформы,

90-х всего быстрее шло возрастание сумм вкладов в **ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ** — 1891 и 1892. Это — с одной стороны. А с другой — мы знаем, что за весь этот период вообще, за 80-е и 90-е годы вместе взятые, наряду с ростом «народных сбережений» шел поразительно быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства. Чтобы понять, как могут совмещаться эти противоречивые явления, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни России за указанный период представляет **рост денежного хозяйства**. Увеличение же вкладов в сберегательные кассы указывает само по себе вовсе не на рост «народных» сбережений вообще, а лишь на рост иногда даже только на стягивание в центральные учреждения **денежных сбережений**. В крестьянстве, например, при переходе от натурального хозяйства к денежному, вполне возможно **увеличение денежных сбережений при уменьшении** всей суммы «народных» сбережений. Крестьянин старого закала держал свои сбережения в кубышке, когда эти были сбережения денежные, а большей частью эти сбережения состояли из хлеба, кормов, холста, дров и т. п. предметов «в натуре». Теперь у разоренного и разоряемого крестьянина нет ни натуральных, ни денежных сбережений, а у ничтожного меньшинства богатеев крестьян скапливаются денежные сбережения и начинают попадать в государственные сберегательные кассы. Таким образом, вполне объясним наряду с ростом голодавок рост вкладов, знаменующий не повышение народного благосостояния, а вытеснение старое, самостоятельного, крестьянина новой сельской буржуазией, т. е. зажиточными мужичками, которые не могут вести хозяйство без найма батраков или поденщиков.

Интересным косвенным подтверждением сказанного являю.т. данные о распределении вкладчиков по роду занятий. Данные эти относятся к владельцам почти 3 млн. (2'942 тыс.) книжек с суммой вкладов в 545 млн. руб. Средний вклад оказывается равным 185 руб. — как видите, сумма, ясно указывающая на преобладание среди вкладчиков тех, составляющих ничтожное меньшинство русского народа «счастливцев», которые имеют родовое или благоприобретенное имущество. Самые крупные вкладчики — духовенство: 46 млн. руб. по 137 т. книжек, т. е. по 333 руб. на книжку. Попечение о спасении души пасты — дело, должно быть, небезгладное... Затем **землеладельцы** — 9 млн. руб. на 36 т. книжек, т. е. по 268 р. на книжку; далее, **торговцы** — 59 млн. руб. на 268 тыс. книжек, т. е. по 222 руб. на книжку; потом офицеры — по 219 руб. на книжку, гражданские чиновники — по 202 руб. Лишь на шестом месте стоит «земледелие и сельские промыслы»: 640 тыс. книжек на сумму 126 млн. руб., т. е. по 197 руб. на книжку; затем «занятия на частной службе» — по 196 р.; прочие занятия — по 186 р.; городские промыслы — по 159 р.; «услужение» — по 143 руб.; **работа на фабриках и заводах** — по 136 руб. и на последнем месте «нижние воинские чины» — по 86 руб.

Итак, фабрично-заводские рабочие занимают, в сущности, **последнее место по размеру сбережения** (не считая солдат, содержимых казной). Даже прислуга имеет более высокий в среднем размер сбережений (143 р. на книжку против 136 руб.) и дает гораздо большее число вкладчиков. Именно: у прислуги 333 тыс. книжек на сумму 48 млн. руб., а у фабрично-заводских рабочих — 157 тыс. книжек на сумму 21 млн. р. Пролетариат, создающий все богатства нашей знати и наших тузов, поставлен в худшие условия, чем их личная прислуга. Из

всего числа русских фабрично-заводских рабочих (не менее двух млн. чел.) только **шестая** приблизительно часть имеет возможность делать хотя бы самые ничтожные вклады в сберегательные кассы, и это несмотря на то, что у рабочих весь доход исключительно **денежный** — им приходится часто содержать семью в деревне, вследствие чего их вклады означают большей частью вовсе не «сбережения» в собственном смысле слова, а просто суммы, **отложенные** до следующей посылки домой, и т. п. Мы уже не говорим о том, что в рубрику «работы на фабриках и заводах» попадали, вероятно, конторщики, мастера, надсмотрщики — одним словом, вовсе не настоящие рабочие.

Что касается крестьянства — если считать, что оно главным образом охватывается рубрикой «земледелие и сельские промыслы», — то у него средний размер сбережений оказывается, как мы видели, более высоким, чем даже у состоящих на частной службе, и значительно превышает средние сбережения «городского промышленника» (т. е., вероятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьян (на все число около 10 млн. дворов или семей) с 126 млн. руб. в сберегательных кассах принадлежат исключительно к **крестьянской буржуазии**. К этим, и еще разве к ближайше соприкасающимся с ними крестьянам, только и относятся те данные о прогрессе сельского хозяйства, о распространении машин, о повышении культуры земли и уровня жизни и т. п., — данные, которые выдвигают против социалистов господ Витте, чтобы доказать «рост народного благосостояния» господа либералы (и критики), чтобы опровергнуть «марксистскую догму» о гибели и упадке мелкого производства в земледелии, эти господа не замечают (или притворяются незамечающими) того, что упадок мелкого производства как-раз и выражается в том, что из мелких производителей выдвигается ничтожное число богатеев на счет разорения массы.

Еще более интересны данные о распределении общего числа вкладчиков по величине их вкладов. В круглых цифрах это распределение таково: из трех миллионов вкладчиков один миллион имеет вклады до 25 руб. У них всего 7 млн. руб. (из 545 млн. руб., т. е. всего 12 коп. из каждых 10 руб. общей суммы вкладов) и средний размер их вкладов — **семь рублей**. Значит, действительно мелкие вкладчики, составляя **треть** общего числа, обладают лишь $\frac{1}{3}$ долей всех вкладов. Далее, вкладчики, имеющие от 25 до 100 руб., составляют пятую часть общего числа (600 тыс.) и имеют всего 36 млн. руб. — в среднем по 55 руб. Соединяя оба эти разряда, получаем, что **больше половины** вкладчиков (1,6 млн. из 3 млн.) имеют лишь 42 млн. руб. из 545 млн. руб. т. е. $\frac{1}{12}$. Из остальных самостоятельных вкладчиков один миллион имеет от 100 до 500 руб. — у них всего 209 млн. р., по 223 руб. на вкладчика; 400 тыс. вкладчиков имеют каждый свыше 500 руб.; всего у них 293 млн. руб. — по 762 руб. на вкладчика. Следовательно, эти, очевидно, уже богатые люди, составляя менее $\frac{1}{7}$ всего числа вкладчиков, обладают **больше чем половиной** (54%) всего капитала.

Таким образом, **концентрация капитала** в современном обществе, обездоление массы населения сказывается с громадной силой даже на таком учреждении, которое специально приспособлено для «меньшего брата», для мало зажиточного населения, ибо предельный размер вкладов по закону ограничен 1,000 рублей. И заметим, что эта концентрация имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнее в передовых странах, несмотря на большую

«демократизацию» в них сберегательных касс. напр., во Франции к 31/ХII 1899 г. было 10 $\frac{1}{2}$ млн. книжек в сберегательных кассах на сумму 4.337 млн. франков (франк немного менее 40 коп.). В среднем на одну книжку это дает 412 франков, или около 160 р., т. е. **менее** среднего вклада в русские сберегательные кассы. Число мелких вкладчиков во Франции тоже сравнительно больше, чем в России: почти треть вкладчиков (3 $\frac{1}{2}$ млн.) имеет вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), в среднем по 13 фр. (5 руб.). Всего у этих вкладчиков только 35 млн. фр. из общей суммы 4.337 млн., т. е. $\frac{1}{125}$. Вкладчики, имеющие до 100 фр., составляют немного более половины общего числа (5,3 млн.), а имеют они всего 143 млн. фр., т. е. $\frac{1}{3}$ общей суммы вкладов. Наоборот, вкладчики с 1 000 и более франк. (400 и более руб.), составляя **менее пятой доли** (18,5%) общего числа вкладчиков, сосредотачивают **более двух третей** (68,7%) общей суммы вкладов, именно 2.979 млн. фр. из 4.337 млн.

Таким образом, читатель имеет теперь перед собой некоторый материал для оценки рассуждения наших «критиков». Один и тот же факт: громадное возрастание вкладов в сберегательные кассы и увеличение в особенности числа мелких вкладчиков толкуют различным образом. «Критик марксизма» говорит: «растет народное благосостояние, растет децентрализация капитала». Социалист говорит: «происходит превращение «натуральных» сбережений в денежные, растет число зажиточных крестьян, превращающихся в буржуазию и превращающих свои сбережения в капитал. Еще неизмеримо быстрее растет число крестьян, выталкиваемых в пролетариат, живущий продажей своей рабочей силы и отдающий (хотя бы временно) частички своих крохотных доходов на сбережение в кассы. Многочисленность мелких вкладчиков доказывает именно многочисленность бедноты в капиталистическом обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна.

Спрашивается, чем отличается «критик» от самого дюжинного буржуа? Пойдем далее. Посмотрим, на какое употребление обращаются и как именно обращаются капиталы сберегательных касс. В России эти капиталы прежде всего усидывают могущество военного и полицейско-буржуазного государства. Царское правительство (как мы уже указывали в передовой статье № 15 «Искры») распоряжается этими капиталами так же бесконтрольно, как и всем остальным, попадающим в его руки имуществом народа. Оно преспокойно «занимает» из этих капиталов сотни миллионов на оплату своих китайских экспедиций, на подачки капиталистам и землевладельцам, на перевооружение войска, расширение флота и пр. Так, напр., в 1899 г. из всей суммы 679 млн. руб. в сберегательных кассах 613 млн. руб. находились в процентных бумагах, а именно: 230 млн. в **государственных займах**, 215 млн. в закладных листах земельных банков и 168 млн. в железнодорожных займах.

Казна делает очень выгодный «гешефт»: во-первых, она покрывает все расходы по сберегательным кассам и получает чистую прибыль (до сих пор обрабатывавшуюся в запасный капитал сберегательных касс); во-вторых, она **заставляет** вкладчиков покрывать недочеты нашего государственного хозяйства, заставляет их давать казне деньги взаимно. Средним числом с 1894 по 1899 г. взносы денег в сберегательные кассы составляли по 250 млн. р. в год, выдачи по 200 млн. р. По **пятидесяти миллионам** получается, следовательно ежегодно на заштопывание

путем займов дыр в мошне государственной казны, которой только разуме ленивый не расхищает. Чего тут бояться дефицита от разбрасывания денег на войны да на подачки придворным прихвостням, помещикам да фабрикантам! Из «народных сбережений» можно покрыть всегда порядочную сумму.

В скобках заметим, что выгодный гешефт казна делает отчасти потому, что процент по денежным вкладам она неуклонно понижает и этот процент стоит ниже процента по бумагам. Напр., в 1894 г. процент по денежным вкладам равнялся 4,12%, по бумагам — 4,34%, в 1899 г. — 3,92% и 4,02%. Понижение процента есть, как известно, явление, общее всем капиталистическим странам и доказывающее наиболее наглядным и рельефным образом рост крупного капитала и **крупного производства на счет мелкого**, ибо размер процента определяется в последнем счете отношением между всей суммой прибыли и всей суммой вносимого в производство капитала. Точно так же нельзя обойти молчанием и того, что казна все сильнее эксплуатирует труд почтово-телеграфных чиновников: прежде они ведали только почту, потом прибавили телеграф, теперь взвалили на них же и операции по приему и выдаче сбережений (вспомним, что из 4.781 кассы — 3.718 почтово-телеграфных). Страшное усиление напряженности работы, удлинение рабочего дня — вот что означает это для массы мелких почтово-телеграфных служащих. А насчет платы им казна скаредничает, как самый прижимистый кулак: самым низким, начинающим служащим платятся буквально **голодные** платы, и затем установлена бесконечная градация степеней с надбавкой по четвертачку или полтинничку, при чем перспектива грошевой пенсии после сорока-пятидесяти лет лямки должна еще покрепче казнить этот настоящий «чиновнический пролетариат».

Но вернемся к употреблению капиталов касс. Мы видели, что 215 млн. руб. кассы вкладывают (по воле российского правительства) в закладные листы земельных банков и 168 млн. руб. в железнодорожные займы. Этот факт подал повод еще к одному, весьма распространенному в последнее время, проявлению буржуазного.. то-бишь «критического» глубокомыслия. В сущности, ведь, — говорят нам Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и им подобные, — этот факт означает, что мелкие вкладчики в сберегательные кассы становятся **собственниками железных дорог, владельцами закладных на землю**. На самом деле, дескать, даже такие чисто капиталистические и колоссально-крупные предприятия, как железные дороги и банки, все более децентрализируются, раздробляются, переходят в руки мелких собственников посредством покупки ими акций, облигаций, закладных листов и т. п.; на самом деле растет число имеющих, число собственников, а эти узкие марксисты носятся с устарелой теорией концентрации и теорией обнищания. Если, напр., русские фабрично-заводские рабочие имеют, по статистике, 157 тыс. книжек в сберегательных кассах на сумму 21 млн. руб., то около 5 млн. руб. из этой суммы вложено в железнодорожные займы, около 8 млн. руб. в закладные листы земельных банков. Значит, русские фабрично-заводские рабочие оказываются на целых пять миллионов рублей собственниками жел. дорог и на целых восемь миллионов — землевладельцами. Вот и толкуют тут о пролетариате. Значит, рабочие эксплуатируют землевладельцев, ибо в виде процентов по закладным листам они получают частичку **ренты**, т. е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таких ход рассуждений у новейших критиков марксизма... И знаете ли что, — я готов, пожалуй, согласиться с тем широко распространенным мнением, что «критику» надо приветствовать, ибо она внесла движение в застоявшееся якобы учение; готов вот на каком условии. Французские социалисты изоэряли в свое время свои пропагандистские и агитаторские способности на разборе софизмов Бастиа, немецкие — на распутывании софизмов Шульце-Делича, нам же, русским, досталась, очевидно, на долю пока только компания «критиков». Так вот, я готов кричать: «да здравствует критика» — под условием, чтобы мы, социалисты, как можно шире вносили в свою пропаганду и агитацию среди масс разбор всех буржуазных софизмов модной «критики». Согласны на это условие — так по рукам. Кстати, буржуазия наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту царских архангелов защите буржуазных теоретиков, и нам очень удобно будет брать «критиков» в качестве «адвокатов дьявола».

Через посредство сберегательных касс все большее число рабочих и мелких производителей становится участником крупных предприятий. Это факт несомненный. Но доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному. Возьмите малоимущего русского вкладчика. Имеющих до 100 руб. больше половины, как мы видели, именно 1.618 тыс. с капиталом в 42 млн. руб., т. е. по 26 руб. на вкладчика. Этот вкладчик, значит, рублей на 6 «владеет» железными дорогами, рублей на 9 — «земельным имуществом». Становится ли он от этого «имущим» или «собственником»? Нет, он остается пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу, т. е. итти в рабство к собственникам средств производства. «Участие» же его в «железнодорожном и банковом» деле доказывает только, что капитализм все теснее переплетает между собой отдельных членов общества и отдельные классы. Взаимозависимость между отдельными производителями была совершенно ничтожна при патриархальном хозяйстве, теперь она становится все больше. Труд становится все более общественным, предприятия все менее частными, оставаясь все же почти всецело в руках частных лиц.

Своим участием в крупном предприятии мелкий вкладчик, несомненно, сплетается с этим предприятием. Кто извлекает пользу от этого сплетения? Крупный капитал, который расширяет свои операции, платя мелкому вкладчику не более (а часто менее), чем всякому заемдавцу, и будучи тем более независим от мелкого вкладчика, чем эти вкладчики мельче и раздробленнее. Мы видели, что доля мелких вкладчиков даже в капитале сберегательных касс крайне мала. Насколько же ничтожна она в капитале железнодорожных и банковых воротил! Отдавая этим воротилам свои крохи, мелкий вкладчик тем самым попадает в новую зависимость от крупного капитала. О распоряжении этим крупным капиталом ему нечего и думать; «прибыль» его до смешного мала (на 26 руб. по 4% — 1 руб. в год). А вот зато в случае краха он теряет целиком даже и эти жалкие крохи. Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а усиление могущества крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а более зависимым лицом от крупного хозяина.

Не успокоительный филистерский вывод о росте числа имущих вытекает из увеличения числа мелких вкладчиков, а революционный вывод об усилении зависимости мелких от крупных, об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности на средства производства. Чем больше развиваются сберегательные кассы, тем больше становится заинтересованность мелких вкладчиков в социалистической победе пролетариата, которая одна только сделает их не фиктивными, а настоящими «участниками» и распорядителями общественного богатства. (Ленин, соч., т. V, „Из экономической жизни России“).

ГЛАВА IV

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ КРЕДИТ

В предыдущих главах мы исследовали кредит в капиталистическом хозяйстве. Но капиталистический кредит не является единственной формой кредита. Возникновение и развитие кредитных отношений имело место еще в докапиталистическом хозяйстве. Наша задача теперь — рассмотреть докапиталистические формы кредита, сопоставить их с кредитом при капитализме и выяснить принципиальные различия между ними.

Подходя к вопросу таким образом, мы должны прежде всего установить, что в самой элементарной своей форме кредитное отношение возникает уже в простом товарном хозяйстве. Условием возникновения этого отношения является то обстоятельство, что в силу ряда причин (различная продолжительность периодов производства и обращения, сезонность и т. п.) время реализации различных товаров не совпадает. Это приводит к тому, что товаропроизводитель, не реализовавший еще свои товары, не может погупать чужие товары, а следовательно, лишен возможности потребления и возможности продолжать процесс воспроизводства. Это противоречие разрешается путем покупки и продажи товаров в кредит. Кредит здесь выступает еще не самостоятельно, а как момент, сопровождающий сделку купли-продажи, при чем он ускоряет реализацию товаров. На основе этого кредита возникает своеобразная функция денег — функция платежного средства, при чем в силу отсрочки платежей и взаимного зачета долгов сокращается потребность в наличных деньгах.

Отличие этого простейшего кредитного отношения от капиталистического кредита очевидно. Во-первых, субъектами этого отношения являются самостоятельные товаропроизводители, а не капиталисты; во-вторых, объектом кредита является просто товар (точнее — товарная стоимость), а не своеобразный товар — капитал.

На ряду с этой зародышевой формой кредита, докапиталистическая экономика знает и другую форму — так называемый ростовщический кредит. Этот кредит имеет тем большее значение, что он хотя и типичен для докапиталистического хозяйства, однако, сохраняется в известных сферах хозяйственной жизни (в частности в деревне) и при капитализме. Исследованию этого кредита и его роли Маркс и Ленин уделяют немало внимания. Каковы же его основные особенности и отличия от капиталистического кредита?

Имеются известные черты сходства между капиталистическим и ростовщическим кредитом. Во-первых, тот и другой предоставляются

большей частью в денежной форме; во-вторых, в обоих случаях кредитор ссужает не просто деньги, а капитал, получая на него проценты. Несмотря на эти общие моменты, ростовщический кредит существенно отличается от капиталистического. Различия эти станут для нас ясны, как только мы обратим внимание на то, какие классы вступают здесь в кредитные отношения, чем эти отношения обусловлены, какое применение получает кредит и к каким результатам он приводит.

При ростовщическом кредите, как и при капиталистическом, кредитор своей целью имеет получение процентов. Но зато фигуры заемщика в обоих этих случаях совершенно различны. В то время как при капиталистическом кредите заемщиком, как правило, является функционирующий (промышленный или торговый) капиталист, при ростовщическом кредите в качестве заемщиков выступают, с одной стороны, мелкие производители (крестьяне и ремесленники), с другой стороны — знать, феодалы и т. д.

При столь различном характере заемщиков различными оказываются и причины, побуждающие обращаться к кредиту, и самый характер использования этого кредита. При капитализме функционирующий капиталист обращается к кредиту в силу недостаточности его индивидуального капитала и для того, чтобы за счет использования чужого капитала увеличить свою прибыль. Мелкий же производитель и феодал обращаются к ростовщичеству не потому, что им нужен добавочный капитал (не будучи капиталистами, они вообще не применяют капитала), а потому, что их доход недостаточен для покрытия их расходов (у мелкого производителя — в силу недостаточности самого дохода, у феодала — в силу его расточительности и чрезмерных расходов). Кредит здесь берется не для производительного вложения ссуженных денег как капитала, не с целью извлечения прибыли, а для поддержания разоряющегося мелкого производства, с одной стороны, и для покрытия непроизводительных расходов на роскошь феодальной аристократии, — с другой.

Благодаря всем указанным выше обстоятельствам ростовщический капитал существенно отличается от ссудного. Как было выяснено нами в свое время (см. гл. I), ссудный капитал возникает на основе того, что деньги при капитализме получают добавочную потребительную стоимость, заключающуюся в способности их приносить прибыль. Но деньги получают эту добавочную потребительную стоимость лишь вследствие того, что в обществе господствует капиталистический способ производства. В докапиталистических условиях деньги в руках заемщика не превращаются, как правило, в капитал, а потому не имеют и этой добавочной потребительной стоимости. Если при капиталистическом кредите данные в ссуду деньги являются капиталом для обеих сторон — как для кредитора, так и для заемщика, то при докапиталистическом кредите они выступают в качестве капитала только для кредитора. В первом случае мы имеем дело со ссудным капиталом, во втором случае — с ростовщическим капиталом.

Различие оснований кредита и его использования ведет и к различному влиянию его на все хозяйство. При капитализме функционирующий капиталист, получая кредит, увеличивает свой капитал и прибыль, так как, за вычетом уплачиваемых им денежному капиталисту процентов, у него остается еще предпринимательский доход. Напротив, поскольку суммы, ссуженные в порядке ростовщического кредита не

получают производительного использования как капитал, постольку для возврата ссуд и для платежа процентов приходится использовать обычные доходы хозяйства, которые и без того оказывались недостаточными. Таким образом, ростовщический кредит, в противоположность капиталистическому, способствует не развитию, а, напротив, разорению хозяйства заемщика.

Но именно поэтому-то ростовщический кредит и играл в известном смысле революционную роль, разрушая докапиталистические формы собственности, — мелких производителей, с одной стороны, и феодальное землевладение — с другой, и подготавливал тем самым необходимые условия для капиталистического способа производства: накопление капитала на одном полюсе, пролетаризацию производителей — на другом. Конечно, не ростовщический кредит сам создал капитализм, служа одним из существенных факторов в процессе первоначального накопления капитала, он способствовал переходу от феодального строя к капиталистическому, когда материальные предпосылки для такого перехода (развитие производительных сил за узкие рамки феодальных отношений) уже имелись налицо.

Свое значение в качестве фактора разложения докапиталистических укладов и внедрения капиталистических отношений в хозяйство ростовщический кредит сохраняет и при капитализме. В самом деле, капитализм никогда не появляется сразу в готовой и чистой форме. В то время как в промышленности уже царит крупный капитал, в сельском хозяйстве немалое место сохраняет еще крестьянское мелкотоварное производство. Но именно это производство в силу своей неустойчивости и неспособности бороться с крупным производством является питательной почвой для ростовщического кредита. Поэтому и при капитализме ростовщический кредит имеет в деревне широкое распространение, при чем ростовщик, пользуясь нуждой и темнотою мелкого крестьянина, опутывает его тысячами нитей, беспощадно эксплуатировав и закабалая. В своих трудах, посвященных исследованию развития капитализма в России, В. И. Ленин ярко показал неизбежность выделения на основе мелкого товарного производства ростовщического капитала и его роль в разложении этого производства. Вместе с тем Ленин наголову разбил утопические и реакционные, мелкобуржуазные мечтания народников о том, что при помощи организации общественного кредита можно устранить ростовщичество и избежать капиталистического пути развития деревни. Он показал, что замена ростовщического кредита «нормальным» кредитом не только не может быть фактором, препятствующим развитию капитализма, но, напротив, способствует ему.

Дело в том, что, если ростовщический кредит (как и торговый капитал), с одной стороны, является фактором разложения мелкого товарного производства и развития капитализма, то в тех случаях, когда имеет место «самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала», т. е. когда дающие высокие барыши торговля и ростовщичество удерживают капитал от вложения в производство, ростовщический кредит «задерживает разложение крестьянства.»¹⁾ «Поэтому, — говорит Ленин, полемизируя с народниками, — чем более будут развиваться европейски правильные формы кредита, вытесняя деревенского ростовщика, тем дальше и глубже должно пойти разложение»

1) Ленин, соч., 2-е изд., т. III, стр. 135.

крестьянства. Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества, обратится в более широких размерах на производство»¹).

Ростовщичество при капитализме сохраняется не только, так сказать, в докапиталистическом секторе той или иной капиталистической страны, но и в отношениях между капиталистическими государствами и их колониями: английский французский и немецкий империализм по отношению к индусскому, египетскому, индо-китайскому, турецкому и т. д. крестьянину сами выступают в качестве гигантских ростовщиков, высасывающих из своих жертв все соки и доводящих их до нищеты и разорения, с чем подробнее мы ознакомимся в приводимом ниже материале.

Мелкое товарное производство, — отметили мы выше, — неизбежно порождает ростовщический капитал. Отсюда следует, что преобладание на первых этапах эпохи мелкого товарного производства в сельском хозяйстве СССР (индивидуальное середняцкое и бедняцкое крестьянское хозяйство) давало возможность кулачеству использовать ростовщичество как одну из форм эксплуатации и закабаления крестьянской бедноты и середняков. Само собою разумеется, что развитие ростовщичества в советской деревне не могло происходить в таких размерах и играть такую роль, как в капиталистических странах. Пролетарская диктатура, сосредоточивающая в своих руках командные хозяйственные высоты — промышленность, транспорт, торговлю, банки, осуществляющая построение социалистического общества и в частности руководящая социалистической переделкой сельского хозяйства, с самого начала создает препятствия росту ростовщичества. Одним из важнейших экономических рычагов в борьбе с ростовщичеством являлось овладение советским государством кредитной системой, через посредство которой государство оказывало финансовую поддержку бедняцко-средняцким хозяйствам, ограничивая и вытесняя тем самым кулацкое ростовщичество в деревне. На ряду с непосредственным кредитованием этих хозяйств из государственных средств пролетарское государство активно организовывало самостоятельную трудящихся масс деревни в направлении создания низовой сети кредитных товариществ, которые, обслуживая доступным кредитом бедняцкие и середняцкие хозяйства, освобождали таким образом последние от пут ростовщической эксплуатации. Правда, имелись попытки со стороны кулачества и его идеологов, буржуазных реставраторов-врагителей, овладеть кредитной кооперацией и поставить ее на службу интересам кулацко-зажиточных хозяйств. Однако буржуазное перерождение отдельных звеньев кредитной кооперации было своевременно вскрыто и ликвидировано.

Но если на первых этапах развития деревни, когда в деревне преобладающую роль играли индивидуальные крестьянские хозяйства, ростовщичество все же имело известные возможности развития, то теперь, в условиях последнего этапа эпохи, характеризующегося вступлением СССР в период социализма, когда социалистический сектор приобрел абсолютное господство не только в городе, но и в деревне, когда на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства кулачество ликвидируется как класс, окончательно поддается основа существования ростовщичества в советской деревне.

I. КРЕДИТНОЕ ОТНОШЕНИЕ В ПРОСТОМ ТОВАРНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

... С развитием товарного обращения развиваются условия, при которых отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих условий. Один вид товаров требует более длинного, другой более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, например, домом, может быть продано на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении этого срока покупатель данной потребительной стоимости может фактически получить ее в свое распоряжение. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Один товаровладелец продает наличный товар, другой покупает его не на наличные деньги, а как представитель денег вообще, как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель должником. Так как метаморфоз товара или развитие формы его стоимости здесь принял новый характер, то и деньги приобретают иную функцию. Они становятся платёжным средством.

...Средство платежа вступает в процесс обращения, но лишь после того, как товар уже выступил из него. Деньги не являются более посредником в процессе. Они самостоятельно завершают его как абсолютное бытие меновой стоимости или всеобщий товар. Продавец превратил товар в деньги, чтобы удовлетворить при помощи последних какую-либо потребность, созидатель сохранил, чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель, чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже, следовательно, превращение товара в образ его стоимости, в деньги, становится теперь общественной необходимостью, вынуждаемой у товаропроизводителя, независимо от его потребностей и его личных склонностей (Маркс, «Капитал», т. I, гл. III).

2. РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КРЕДИТ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО КРЕДИТА

Капитал, приносящий проценты, или, как мы можем назвать его исходя из его старинной формы, капитал ростовщический вместе с своим близнецом — купеческим капиталом принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших общественно-экономических формациях.

Чтобы ростовщический капитал мог существовать, необходимо лишь одно: по крайней мере, часть продуктов должна превратиться в товары и на ряду с товарной торговлей деньги должны развить свои различные функции...

¹) Ленин, соч., 2-е изд., т. III, стр. 135.

...В период, предшествующий капиталистическому способу производства, ростовщический капитал существует в двух характерных для него формах. Я говорю «характерных» формах. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд знатным ростовщикам, преимущественно землевладельцам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условием своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при капиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают мелкое самостоятельное производство отдельных производителей, огромное большинство последних должен составлять класс крестьян.

Разорение богатых земельных собственников ростовщиками и эксплуатация ими мелких производителей в одинаковой мере приводят к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Но в какой мере этот процесс уничтожает старый способ производства, как это имело место в современной Европе, и ставит ли на его место капиталистический способ производства, — это зависит всецело от ступени исторического развития и связанных с этим обстоятельств.

Ростовщический капитал как характерная форма капитала, приносящего процент, соответствует преобладанию мелкого производства самостоятельных хозяйствующих крестьян и мелких ремесленных мастеров. Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он занимает, например, в ссудной кассе, то для своих личных нужд. Но там, где рабочий является собственником, действительным или номинальным, условием своего труда и своего продукта, он, уже как производитель, находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противопоставляемому ему в качестве ростовщического капитала. Ньюман выражает этот факт в очень плоской форме, утверждая, что банкир пользуется почетом, а ростовщик ненавистью и презрением, потому что первый ссужает деньги богатым, второй беднякам (у. W. Newman, Lectures on Pol. Economy. London 1851 p.44.) Он не замечает, что между банкиром и ростовщиком лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя, так что вопрос отнюдь не исчерпывается противопоставлением бедности и богатства. В действительности ростовщик, высасывающий мелкого производителя, идет обыкновенно рука об руку с ростовщиком, высасывающим богатого крупного землевладельца. Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

В эту эпоху ростовщик может поглотить в форме процента весь избыток (то, что впоследствии образует прибыль и земельную ренту) сверх необходимых средств существования производителя (сверх той суммы, которая впоследствии составляет его заработную плату), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту этого процента, включающего в себя всю прибавочную стоимость за исключением той части ее, которая выпадает на долю государства, с высотой процента в совре-

менную эпоху, когда процент, по крайней мере, нормальный процент, образует лишь часть этой прибавочной стоимости...

...Ростовщический капитал в той его форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя, однако, самого способа производства, в которой существенной его предпосылкой является право собственности или владения производителем на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство, в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный капитал, — такой ростовщический капитал приводит к пауперизации данного способа производства, ослабляет производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увеличивает эти злосчастные отношения, при которых общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда...

...Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или в самом характере этого капитала. Различие это создано лишь изменившиеся условия его функционирования и вызванный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже в том случае, когда в качестве промышленника или купца получает кредит лицо неимущее, это имеет место лишь в надежде, что данное лицо будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи занятого им капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 36).

3. РОЛЬ РОСТОВЩИЧЕСКОГО КРЕДИТА В РАЗЛОЖЕНИИ НАТУРАЛЬНОГО И МЕЛКОТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАКОПЛЕНИИ КАПИТАЛА

Там, где средства производства раздроблены, ростовщичество централизует денежное имущество. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет производство совершаться при все более жалких условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно интенсивная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время базисом политических отношений, политической самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего. Обремененный долгами рабаделец или феодальный сеньор высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают. Или же он в конце-концов уступает свое место ростовщику, который сам становится землевладельцем и рабовладельцем, как всадники древнего Рима. На место старого эксплуататора, эксплуатация которого носила более или менее патриархальный характер, так как, являясь, главным образом, орудием политической власти, выступает жестокий, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всяких догматических способах производства ростовщик играет революционную роль: постольку, поскольку он разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй страны. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются в наличии остальные условия капиталистического способа производства, ростовщик является одним из орудий, создающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал...

...Деньги получить тем труднее, чем менее товарная форма является всеобщей формой продукта. Ростовщик не знает поэтому никаких иных границ, кроме деспотности и способности к сопротивлению лиц, нуждающихся в деньгах. В мелкокрестьянском и мелкобуржуазном производстве деньги употребляются в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-либо чрезвычайных потрясений условия производства утрачиваются рабочим (который при этих способах производства обыкновенно является еще собственником) или, по меньшей мере, не могут быть возмещены обычным ходом воспроизводства. Средства существования и сырые материалы образуют главную часть этих условий производства. Воздорожание их может привести к невозможности возместить семена in natura. Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и поэтому превращавшие их в нищих (обнищание, частичная или полная потеря условий воспроизводства играют здесь господствующую роль), эти самые войны наполняли амбары и кладовые патрициев добычею в виде меди — тогдашних денег. Вместо того, чтобы прямо давать плебеем необходимые для них товары, хлеб, лошадей, рогатый скот, они сужали им эту бесполезную для них медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников-рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных. В Римской империи, как известно, нередко случалось, что голод заставлял свободных людей продавать своих детей и самих себя в рабство богатым. Таковы условия этого поворотного пункта в общем. Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей, и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию и потому представляет момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освобождается...

Разорение богатых земельных собственников ростовщиками и эксплоатация ими мелких производителей в одинаковой мере приводят к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Но в какой мере этот процесс уничтожает старый способ производства, как

это имело место в современной Европе, и ставит ли на его место капиталистический способ производства, — это зависит всецело от ступени исторического развития и связанных с этим обстоятельств (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 36).

4. БОРЬБА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА С РОСТОВЩИЧЕСТВОМ И ПОДЧИНЕНИЕ КРЕДИТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ СПОСОБУ ПРОИЗВОДСТВА

Развитие кредитного дела возникает как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает лишь подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства, — ни больше, ни меньше...

... Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городских республиках, представляли в то же время учреждения общественного кредита, из которых государство получало ссуды под имеющие поступить налоги, то не следует забывать, что кушцы, организовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и являлись одинаково заинтересованными как в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, так и в том, чтобы освободить от них самих себя; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и прочнее подчинить себе государство...

... В течение всего XVI II века громко раздаются голоса, — и законодательство действует в том же направлении, — требующие, ссылаясь на пример Голландии, насильственного понижения размера процента с той целью, чтобы капитал, приносящий проценты, подчинить торговому и промышленному капиталу, а не наоборот. Главным вождем при этом является сэр Josiah Child, отец нормально поставленного частного банкирского дела в Англии. Он разражается тирадами против монополии ростовщиков совершенно в том духе, в каком крупная конфедеральная фирма Moses and Son рекламирует себя как борца с монополией частных портных.

... Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу, являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банкового дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополию, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные запасы, с другой стороны, ограничивает самую монополию благородных металлов путем создания кредитных денег.

В последнюю треть XVII и в начале XVIII столетия во всех английских сочинениях о банковом деле мы найдем такую же, как и у Чайльда, вражду к ростовщичеству, то же самое требование эмансипировать от ростовщичества торговлю, промышленность и государство. На ряду с этим колоссальные иллюзии насчет чудотворного влияния кредита, демополизации благородных металлов, замещения их бумажными деньгами и т. п. (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 36).

5. МАРКС И ЛЕНИН ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ И ЭКСПРОПРИАЦИИ РОСТОВЩИЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ МЕЛКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

...Ростовщичество, как таковое, не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от границ, которые всегда налагало на него прежнее законодательство. Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, поскольку дело идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; таковы займы на личные нужды, например, в судовой кассе; займы представителей потребляющего и расточающего богатства; таков случай, когда производитель является производителем некапиталистическим, как, например, мелкий крестьянин, ремесленник и т. д.; следовательно, сохраняет еще в качестве непосредственного производителя собственно на свои собственные условия производства; таков, наконец, и тот случай, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 36).

...Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может идти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта, только принявши форму денег, т. е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношениях. А учет этот производится за спиной производителя посредством рыночных колебаний. Эти неведомые производителю, независимые от него рыночные колебания, не могут не порождать неравенства между производителями, не могут не усиливать этого неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги — продукт общественного труда. Отсюда ясна и причина могущества владельца денег, скупщика: она состоит в том, что среди кустарей, живущих со дня в день, самое большее с недели на неделю, он один владеет деньгами, т. е. продуктом прежнего общественного труда, который в его руках и становится капиталом, орудием присвоения прибавочного продукта других кустарей. Поэтому, заключает марксист, при таком устройстве общественного хозяйства экспроприация производителя и эксплуатация его совершенно неизбежны, совершенно необходимо подчинение неимущих имущим и та противоположность их интересов, которая дает содержание научному понятию борьбы классов...

...Наметим еще раз этот процесс: сначала мы имеем натуральных производителей, крестьян, сравнительно однородных. Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая таким образом путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплуатации неимущих, превращаются в капитал. Покуда еще разоряющиеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капитал может эксплуатировать их, оставляя их хозяйничать попрежнему, на старых технических нерациональных основаниях, может основать эксплуатацию на покупке продукта их труда.

Но разорение достигает, наконец, такой степени развития, что крестьянин вынужден совсем бросить хозяйство: он не может уже продавать продукты своего труда, ему остается только продавать труд.

...Система хозяйства, рассчитанного уже на рынок (это особенно важно), меняется, но меняется не сразу. К старым чертам и «началам» присоединяются новые. Эти новые черты состоят в том, что основой Plusmacherei делается уже не снабжение крестьянина средствами производства, а, напротив, «свобода» его от средств производства, его нужда в деньгах; основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмен «услуг» (помещик дает крестьянину землю, не натуральный обмен — продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.), а товарный, денежный «свободный» договор. Эта именно форма хозяйства, совмещающая старые и новые черты и воцарилась в России после реформы. К старинным приемам ссуды земли за работу (хозяйство за отрезные земли, например) присоединилась «зимняя наемка» — ссуда денег под работу в такой момент, когда крестьянин особенно нуждается в деньгах и втриснедова продает свой труд, ссуда хлеба под отработки и т. п. Общественно-экономические отношения в бывшей «вотчине» свелись, как видите, к самой обыкновенной ростовщической сделке: это операции — совершенно аналогичные с операциями скупщика над кустарем...

...Основной господства здесь является уже не только владение землей как в старину, а еще владение деньгами, в которых нуждается крестьянин (а деньги, это — продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством), и «свобода» крестьянина от средств к жизни. Очевидно — отношение капиталистическое, буржуазное. «Новые» черты — не что иное, как первичная форма господства капитала в земледелии; форма, не высободившаяся еще от «старо-дворянских» пут, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ее.

Но вот с развитием товарного хозяйства ускользает почва из-под этой первичной формы господства капитала: разорение крестьянства, дошедшее теперь уже до полного краха, означает потерю крестьянами своего инвентаря, на основании которого держалась и крепостная, и кабальная форма труда, и тем вынуждает помещика переходить к своему инвентарю, крестьянина — делаться батраком...

...Торговый и ростовщический капитал подчиняет себе труд в каждой русской деревне и, не обращая производителя в наемного рабочего, отнимает у него не меньше прибавочной стоимости, чем капитал индустриальный берет у работника...

...Что такое кабала? Это — зависимость владеющего своими средствами производства хозяина, вынужденного работать на рынок, от владельца денег — зависимость, которая, как бы она различно ни выражалась (в форме ростовщического капитала, или капитала скупщика, который монополизировал сбыт), всегда ведет к тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владельцу денег. Следовательно, сущность ее — чисто капиталистическая, и вся особенность заключается в том, что эта первичная, зародышевая, форма капиталистических отношений целиком опутана прежними крепостническими отношениями: тут нет свободного договора, а есть сделка вынужденная (иногда приказом начальства), иногда желанием сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тут привязан к определенному месту и к определенному эксплуататору: в противоположность безличному характеру товарной сделки, свойственному чисто капиталистическим отношениям, здесь сделка

носит непременно личный характер «помощи», «благотворения», и этот характер сделки неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полукрепостническую...

...Другими словами: в громадной массе крестьянства нет почти уже вовсе самостоятельного производства на себя: на ряду с работой на «рациональных» буржуазных хозяев мы видим только работу на владельца денежного капитала, т. е. тоже капиталистическую эксплуатацию, но только неразвитую, примитивную, которая в силу этого, во-первых, десятикратно ухудшает положение трудящегося, опутывая его семью особых, добавочных прижимок, а, во-вторых, отнимает у него и его идеолога (народника) возможность понять классовый характер совершаемых по отношению к нему «неприятностей» и сообразовать свою деятельность с таковым их характером (Ленин, «Экономическое содержание народничества», соч., т. I).

...Ограничимся указанием тех основных форм, какие принимает торговый капитал в мелких промыслах. Первой и наиболее простой формой является покупка изделий торговцем (или хозяином крупной мастерской) у мелких товаропроизводителей...

...Вторая форма торгового капитала состоит в соединении его с ростовщичеством: постоянно нуждающийся в деньгах крестьянин занимает деньги у скупщика и потом отдает за долг свой товар. Сбыт товара в этом случае (имеющем очень широкое распространение) всегда происходит по искусственно пониженным ценам, не оставляющим часто в руках кустаря и того, что мог бы получить наемный рабочий. К тому же отношения кредитора к должнику неизбежно ведут к личной зависимости последнего, к кабале, к тому, что кредитор пользуется особыми случаями нужды должника и т. п.

... Необходимой принадлежностью мелких местных рынков, кроме примитивных форм ремесла, являются также примитивные формы торгового и ростовщического капитала. Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение. Число этих мелких пятаков громадно (по сравнению со скудным количеством продукта у крестьян), и для обозначения их существует богатый подбор местных названий. Вспомните всех этих прасолов, шibaев, шетинников, маяков, ивашей, булышей и т. д. и т. д. Преобладание натурального хозяйства, обуславливая редкость и дороговизну денег в деревне, ведет к тому, что значение всех этих кулаков оказывается непомерно громадным по сравнению с размерами их капитала. Зависимость крестьян от владельцев денег приобретает форму кабалы. Подобно тому, как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немислима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков. Капитализм стягивает вместе эти рынки, соединяет их в крупный национальный, а затем и всемирный рынок, разрушает первоначальные формы кабалы и личной зависимости, развивает вглубь и вширь те противоречия, которые в зачаточном виде наблюдаются и в общинном крестьянстве, и таким образом подготавливает разрушение их (Ленин, «Развитие капитализма в России», соч., т. III).

В. КРИТИКА ЛЕНИНЫМ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ТЕОРИИ НАРОДНИКОВ О РОЛИ КРЕДИТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Перейдем к политической программе «друзей народа», теоретическими воззрениями которых мы занимались, кажется, уже чересчур много. Какими мерами хотят они «погасить пожар»? В чем видит они выход, неправильно, дескать, указываемый социал-демократами. «Реорганизация крестьянского банка, — говорит г. Южак в статье «Министерство земледелия» (№ 10 «Р. Б-ва»), — учреждение колониального управления, упорядочение в интересах народного хозяйства аренды казенных земель... разработка и регулирование арендного вопроса, — такова программа восстановления народного хозяйства и ограждения его от экономического насилия (sic) со стороны нарождающейся плутократии». А в статье «Вопросы экономического развития» эта программа «восстановления народного хозяйства» пополняется следующими «первыми, но необходимыми шагами»: «устранение всяких препятствий, ныне опутывающих сельскую общину; освобождение ее от опеки, переход к общественным запаскам [обобществление земледельческого промысла] и развитие общинной обработки сырья, добытого из земли». А гг. Кривенко и Карышев прибавляют: «дешевый кредит, артельная форма хозяйства, обеспечение сбыта, возможность обходиться без предпринимательской выгоды (об этом особо ниже), изобретение более дешевых двигателей и других технических улучшений», наконец, «музеи, склады, комиссионерские конторы».

Вспомните в эту программу, и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделяться шпатель и починкой его, не понимая, что все их прогрессы — дешевый кредит, улучшения техники, банки и т. п. — в состоянии только усилить и развить буржуазию.

Ник — он совершенно прав, конечно, и это одно из наиболее ценных его подожений, против которого не могли не протестовать «друзья народа» — что никакими реформами на почве современных порядков помочь делу нельзя, что и кредит, и переселения, и податные реформы, и переход в руки крестьян всей земли ничего существенно не изменит, а, напротив, должны усилить и развить капиталистическое хозяйство, ныне сдерживаемое излишней «опекой», остатками крепостнических платежей, прикреплению крестьян к земле и т. д. «Экономисты, желающие экстенсивного развития кредита, — говорит он, — вроде гг. Васильчикова (по своим идеям — несомненный «друг народа»), хотят того же, что и «либеральные», т. е. буржуазные экономисты, стремятся к развитию и упрочению капиталистических отношений». Они не понимают антагонистичности наших производственных отношений («в крестьянстве» так же, как и в других сословиях) и вместо того, чтобы стараться вывести этот антагонизм на открытую дорогу; вместо того, чтобы прямо примкнуть к тем, кто порабощается в силу этого антагонизма, и стараться помочь ему подняться на борьбу — они мечтают прекратить борьбу мерами, рассчитанными на всех, на примирение и объединение. Понятно, какой результат может выйти из всех этих мер: достаточно вспомнить вышеприведенные примеры разрушения, чтобы убедиться, что всеми этими кредитами, улучшениями,

банками и т. п. «прогрессами» в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т. е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии. И как вы ни реорганизуите крестьянский банк и тому подобные учреждения, вы этим нимало не затронете того основного и коренного факта, что масса населения экспроприрована и продолжает экспроприироваться, не имея средств даже для того, чтобы прокормить себя, а не то, что для заведения правильного хозяйства. (Ленин, Соч. т. I), «Что такое «друзья народа».

...Противоречие вовсе не составляет исключительного достоинства «Очерка»¹⁾, а свойственно всем народническим проектам: как ни упираются они против товарного (денежного) хозяйства, но действительность, изгнанная в дверь, влетает в окно, и мероприятия, за которые они высказываются, развивают именно товарное хозяйство. Пример—кредит. В своих планах и пожеланиях народники не устраниют самого товарного хозяйства. «Очерк», например, ни слова не говорит о том, что предлагаемые реформы должны быть основаны не на почве товарного хозяйства. Напротив, он желает лишь рациональных основ обмена, кооперативной организации обмена. Товарное хозяйство остается, оно должно быть лишь реформировано по рациональным основаниям. Утопия далеко не новая, имевшая в старой экономической литературе крупнейших выразителей...

...Кредит — эту насущную потребность каждого хозяина и хозяйчика в капиталистическом обществе — народник выставляет каким-то элементом в системе организации труда; союзы и соединения хозяев изображаются зачаточным выражением идеи кооперации вообще, идеи «кустарной эмансипации» и т. д., тогда как всякий знает, что все такие союзы преследуют на самом деле цели, ничего общего не имеющие с такими высокими материями, а просто связанные с размером дохода этих хозяйчиков, с укреплением их положения, увеличением их прибыли. Это превращение докучливых буржуазных и мелкобуржуазных положений в какие-то социальные панacea лишь обесценивает эти пожелания, отнимают от них их жизненный нерв, гарантию их насущности и осуществимости. Насущные вопросы каждого хозяина, скупщика, торговца (кредит, союзы, техническая помощь) народник усиливается ставить как общие вопросы, возвышающиеся над отдельными интересами. Народник воображает, что он этим усиливает их значение, возвышает их, а на самом деле он превращает этим живое дело, заинтересовывающее такие-то и такие-то группы населения, в филистерское пожелание, кабинетное умствование, бюрократическое рассуждение «о пользах». С этим непосредственно связывается и третье обстоятельство. Не понимая того, что такие практические мероприятия, как кредит и артель, технические пособия и т. п., выражают потребности развивающегося капитализма, народник не умеет выразить общих и основных потребностей такого развития, заменяя мелкими, случайно выхваченными, половинчатыми мероприятиями, которые, отдельно взятые, неспособны оказать никакого серьезного действия и осуждены неизбежно на неуспех. Если бы народник открыто и последовательно встал на точку зрения выразителя потребностей общественного развития по капиталистическому

пути, то он сумел бы заметить общие условия, общие требования такого развития; он увидел бы, что все его маленькие проекты и мероприятия при наличии этих общих условий (главное из них в интересующем нас случае — свобода промышленности) осуществились бы сами собой, т. е. деятельностью самих заинтересованных лиц, тогда как игнорирование этих общих условий и выставление одних практических мероприятий совершенно частного свойства не может не вести к толчению воды...

...Возьмем примеры. Кредит. Кредит есть учреждение наиболее развитого товарного обращения, наиболее развитого гражданского оборота. Осуществление «свободы промышленности» ведет неизбежно к созданию кредитных учреждений, как коммерческого дела, к устранению сословной замкнутости крестьян, к сближению их с классами, наиболее пользующимися кредитом, к самостоятельному образованию заинтересованными лицами кредитных обществ и т. п. Наоборот, какое значение могут иметь кредитные мероприятия, предпринимые «мужичкам» земцами и прочей «интеллигенцией», пока законы и учреждения ставят крестьянство в положение, **исключающее правильное и развитое товарное обращение**, в положение, при котором вместо имущественной ответственности (основа кредита) гораздо легче, осуществимее, доступнее и употребительнее... **отработки**. Кредитные мероприятия останутся при таких условиях всегда наносными, чуждыми растениями, посаженными извне на совершенно неподходящую почву, окажутся мертворожденным детищем, которое могли бы родить только мечтательные интеллигенты — Маниловы и благожелательные чиновники, и над которым смеются и будут смеяться настоящие торговцы денежным капиталом (Ленин, «Кустарная перепись в Пермской губернии», соч. т., II).

7. РОСТОВЩИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОГРАБЛЕНИЯ КОЛОНИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

... Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в пределах буржуазной экономики в остальных отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства. Если бы мы захотели, например, сравнить английский размер процента с индийским, то нам следовало бы взять для этого не уровень процента, в Английском банке, а, например, тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности предприниматели, ссужающие им мелкие машины... (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, гл. 36).

...Три ряда фактов, взаимно переплетающихся, характеризуют внутреннюю историю Египта во второй половине XIX столетия: современные капиталистические предприятия крупнейшего масштаба, лавинообразный рост государственного долга и крушение крестьянского хозяйства...

... Кто давал капитал для этих предприятий? Международные займы. За год до смерти (1863 г.) Саид-паша заключил первый заем, который номинально равнялся 66, а фактически — за вычетом комиссионных, дисконтных и т. д. — 50 миллионам марок наличными. Он завещал Исмаилу этот долг и Суэцкий договор, который в конеч-

¹⁾ Ленин здесь имеет в виду «Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии», изд. 1896 г.

ном итоге взвалил на Египет долг в 340 миллионов марок. В 1864 году был заключен первый заем Измаила, равный номинально 114 миллионам из 7%, а фактически, наличными, 97 миллионов из 8 1/2%. Этот заем был израсходован в течение одного года; 67 миллионов ушли на отступные Суэцкому обществу, а остаток был поглощен главным образом хлопчатобумажными предприятиями. В 1865 году последовал первый так называемый даирский заем, заключенный через Англо-Египетский банк под залог частной собственности хедива — он равнялся номинально 68 миллионам — из 9%, а в действительности 50 миллионам из 12%. В 1866 г. через фирму «Фрилинг и Гешен» был заключен новый заем номинально на 60 миллионов, а наличными на 52 миллиона. В 1867 году через Оттоманский банк был заключен еще заем номинально на 40 миллионов, а фактически на 34 миллиона. Текущий долг равнялся в то время 600 миллионам. Для консолидации части этого долга в 1868 году через Банкирский дом «Оппенгейм и племянник» был заключен огромный заем на номинальную сумму в 238 миллионов из 7%; в действительности Измаил получил на руки только 142 миллиона из 13 1/2%. Но этих денег нехватало на роскошное празднество по случаю открытия Суэцкого канала, которое происходило в присутствии собравшихся верхов европейского придворного и финансового мира и полусвета и которое сопровождалось безумным расточительством, — и на новый бакиши в 20 миллионов суверенитетам султану. В 1870 году через фирму «Витофсгейм и Гольдшидт» был заключен заем номинально на 142 миллиона из 7%, а фактически на 100 миллионов из 13%. Он пошел на покрытие расходов сахарного периода. В 1872 и в 1873 годах последовали два займа, заключенные через Оппенгейма; один малый заем на 80 миллионов из 14%, а другой большой — на номинальную сумму в 640 миллионов из 8%. Но так как европейские банкирские дома при выдаче второго займа платили отчасти закупленными ими египетскими векселями, то этот заем дал в действительности только 220 миллионов наличными и сократил наполовину текущий долг.

В 1874 г. была сделана попытка заключить внутренний заем на 1.000 миллионов марок из 9% годовых, но она дала лишь 68 миллионов. Египетские бумаги стояли на 54 процента своей номинальной стоимости. Государственный долг за 13 лет, протекших со смерти Саид-паши, увеличился с 3.293.000 фунтов стерлингов до 94.110.000 фунтов стерлингов, т. е. приблизительно на 2 миллиарда марок. Банкротство было близко.

На первый взгляд эти операции представляют собой верх безумия. Один заем следовал за другим, проценты по старым займам покрывались новыми займами, и колоссальные заказы английскому и французскому промышленному капиталу оплачивались капиталом, занятым у англичан и французов.

Европейский капитал, при всеобщих криках Европы обезумел от хозяйничания Измаила, делал в Египте беспримерное, сказочное дело, — гешефты, которые удались капиталу на его всемирно-историческом пути один только раз. Это было фантастическое модернизированное издание библейских жирных коров Египта.

Прежде всего каждый заем означал ростовщическую сделку, в которой от пятой до третьей части (и даже больше этого) якобы занятой суммы прилипло к рукам европейских банкиров. Но ростовщические проценты так или иначе должны были быть уплачены. Откуда

же брались для этого средства? Их источник должен был находиться в самом Египте, и этим источником был египетский феллах, т. е. крестьянское хозяйство. Оно-то в последнем счете и доставляло все важнейшие элементы грандиозных капиталистических предприятий. Оно доставило землю, ибо так называемые личные владения хедива, выросшие в короткое время в грандиозные пространства и образовавшие основу для ирригационных планов и хлопчатобумажных и сахарных спекуляций, были оставлены путем грабежа и вымогательства из бесчисленного множества деревень. Крестьянское хозяйство доставляло и рабочие силы, и притом доставляло их даром. Содержание рабочих во время их эксплуатации было предоставлено их собственным работам. Крепостной труд феллаха был основой технических чудес, которые европейские инженеры и европейские машины являли в области оросительных сооружений, средств сообщения, сельского хозяйства и промышленности Египта. Над водными вооружениями у Кадиуба и над Суэцким каналом, на постройках железных дорог и плотин, на хлопчатобумажных плантациях и сахарных заводах трудился бесчисленный армия барщинных крестьян; они перебарывались по мере надобности с одной работы на другую и безмерно эксплуатировались. И если техническая неприспособленность крепостного труда к современному капиталистическому производству обнаруживалась на каждом шагу, то это, с другой стороны, покрывалось неограниченной властью над массами, которая была дана здесь в руки капитала, продолжительностью эксплуатации и условиями жизни и работы трудящихся.

Но крестьянское хозяйство доставляло не только земли и рабочие силы, оно доставляло и деньги. Этой цели служила налоговая система, которая под влиянием капиталистического хозяйства наложила на феллаха кандалы. Поземельный налог на крестьянские земли все время повышался и достиг в конце 60-х годов 55 марок на гектар, в то время как крупные землевладельцы платили по 18 марок за гектар, а королевская семья за свои огромные земли не платила. Кэ им поборам все время прибавлялись новые специальные налоги. Так, для содержания оросительных сооружений, которые приносили пользу почти исключительно только вице-королевским владениям, взималось по 2 1/2 марки с гектара земли. За каждую финиковую пальму феллах должен был платить 1 марку 35 пф., за каждую глиняную хижину, в которой он жил — 75 пф. Ко всему этому нужно прибавить подушную подать, которая взималась в сумме 6 1/2 марок с каждого человека старше 10 лет. В общей сложности феллахи уплачивали при Мегмеде-Али 50 миллионов, при Саиде — 100 миллионов и при Измаиле — 163 миллиона марок.

Чем выше становилась задолженность европейскому капиталу, тем больше выколачивалось из крестьянского хозяйства. В 1869 году все налоги были повышены на 10% и взысканы вперед за 1870 год. В 1870 году поземельный налог был повышен на 8 марок с гектара. Население деревень Верхнего Египта стало сокращаться, хижины разрушались и земля оставалась необработанной, потому что крестьяне избавлялись этим от уплаты налогов. В 1876 году налог на финиковые пальмы был повышен до 50 пф. Целые деревни выходили, чтобы вырубить свои финиковые пальмы, и их пришло удерживать от этого рабскими заплатами. Выше Сиута в 1879 году погибло от голода, как передают, 10.000 феллахов, так как им не под силу стало покры-

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ И АНТИМАРКСИСТСКИХ ТЕОРИЙ

ГЛАВА V

БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ КРЕДИТА

I. Натуралистическое направление

а) Основные положения теории кредита классической школы

В то время как Маркс видит в кредите своеобразное производственное отношение капиталистического общества, его предшественники — представители классической школы политической экономии сводили кредит просто к передаче вещей из одних рук в другие. Кредит, — говорили они, — представляет собою передачу капитала кредитором заемщику. Но капитал ими понимался не как выражение классовых отношений буржуазного общества, а как совокупность вещей, служащих для производства продуктов. Отсюда и кредит выступал у них лишь как известная форма движения вещей. В силу такой подстановки отношений людей к вещам на место производственных отношений между самими людьми и классами эту теорию называют **натуралистической**.

Классическая теория кредита в свое время была прогрессивной и имеет определенные исторические заслуги. Заслуги эти заключаются в том, что она отбросила прочь имевшее ранее известное распространение наивное, ненаучное представление о всемогущей роли кредита и утвердила взгляд на кредит, как на явление вторичное, надстроечное, зависящее от производства. Однако, являя материальную основу кредита в производстве, классики не смогли построить на этой базе правильную теорию кредита, ибо они не владели диалектическим методом и потому сведение ими кредита к производству носило механистический, а не диалектически-материалистический характер.

Механистический характер сведения классиками кредита к производству проявляется прежде всего в отождествлении ими **судного капитала с реальным**. Своеобразия, специфичности кредитного отношения и того капитала, который в этом отношении фигурирует, они не видели. Судный капитал в их понимании выступает не как особый вид капитала, отделенный от промышленного и торгового капитала, но просто как часть этого функционирующего капитала, лишь тем отличающаяся от другой его части, что она пускается в дело не его собственниками, а заемщиками. Денежный характер судного капитала, противоположность между капиталом-собственностью и капиталом-функцией, своеобразная форма обращения судного капитала, — все это выпало из поля зрения классиков. Что касается в частности денежной формы судного капитала, то ее они считают чисто внешней оболочкой, рассматривая деньги исключительно как техническое средство передачи реальных капиталов. «Почти все ссуды за проценты, — отмечает Адам Смит, — делаются или звонкою монетою, или кредитными билетами. Но в чем действительно нуждается заемщик и чем снабжает его займавец, это — не деньги, а ценность денег, т. е.

вать налог за орошение своих полей и так как они зарезали свой скот, чтобы избавиться от уплаты за него.

Из феллаха была высосана последняя капля крови. Египетское государство выполнило функцию высасывающего аппарата в руках европейского капитала, и оно стало излишним. Хедиву Измаилу была дана отставка, и европейский капитал мог приступить к ликвидационным операциям.

В 1875 году Англия купила 172.000 суэцких акций за 80 миллионов марок, за что Египет ей еще до настоящего времени должен платить процентов на 394.000 египетских фунтов стерлингов. Начали действовать английские комиссии по «упорядочению» египетских финансов. Замечательно, что европейский капитал совершенно не испугался отчаянного положения обанкротившейся страны и изъявил готовность предоставлять для ее «спасения» все новые колоссальные займы. Кау и Стокс предложили для конверсии всех долгов заем в 1.520 миллионов марок из 7%, Рейверс Вильсон считал, что требуется 2 060 миллионов марок. Credit Foncier закупил миллионы краткосрочных векселей и попытался консолидировать весь долг займом в 1.820 миллионов марок, но безуспешно. Но чем отчаяннее было финансовое положение страны и чем меньше было надежд на ее спасение, тем ближе становился тот неизбежный момент, когда вся страна со всеми ее производительными силами должна будет попасть в когти к европейскому капиталу. В октябре 1870 года представители европейских кредиторов высадились в Александрии. Над финансами Египта был установлен двойной контроль английский и французского капиталов.

От имени двойного контроля были изобретены новые налоги, крестьяне были сильно прижаты, и в 1876 году удалось возобновить временно прекращенную в 1877 году уплату процентов. Претензии европейского капитала стали теперь центральным пунктом хозяйственной жизни и единственным мотивом финансовой системы. В 1878 году были созданы новая комиссия и полувсероссийское министерство. В 1879 году египетские финансы были на долгое время отданы под контроль европейского капитала в лице Commission de la Dette Publique Египетские в Каире. В 1878 году чифлики, земли вице-королевской семьи, обнимавшие 431.000 акров, были превращены в государственные домены и заложены европейским капиталистам в обеспечение государственного долга; то же самое было сделано с данскими землями, личной собственностью хедива, насчитывавшей 485.131 акров, преимущественно в Верхнем Египте; впоследствии они были проданы одному консорциуму. Большая часть остальных земель перешла в руки капиталистических обществ, в особенности Суэцкого общества. Земли мечетей и школ были конфискованы Англией в возмещение расходов по оккупации страны. Мятяз египетских войск, которые благодаря европейскому финансовому контролю голодали, в то время как европейские чиновники получали блестящие оклады, и спровоцированное восстание обескровленных масс в Александрии дали желанный повод для решительного натиска. В 1882 году английские войска вступили в Египет, чтобы уже не покидать его и сделать покорение страны результатом грабидных капиталистических операций, имевших место в Египте в продолжение двадцати лет, и завершением ликвидации египетского крестьянского хозяйства европейским капиталом (Р. Люксембург, «Накопление капитала», гл. 30).

сумма товаров, которую можно приобрести на них. Деньги служат, так сказать, выражением только права передачи из одних рук в другие капиталов, которых владельцы не хотят лично употреблять в какое-нибудь производство¹⁾. Ошибка классиков в этом вопросе заключается в том, что они сводят деньги только к орудию обращения, не видя в них всеобщей, абсолютной формы товарной стоимости и необходимой формы капитала. Поэтому и в ссудном капитале денежную форму они рассматривают как чисто технический момент и как внешнюю оболочку вещного (реального) капитала, не понимая того, что ссудный капитал по самой своей природе есть денежный капитал.

Из ошибочного отождествления ссудного капитала с реальным, естественно, вытекает и ошибочный вывод о параллелизме движений ссудного и промышленного капитала. В самом деле, раз ссудный капитал есть часть реального и раз деньги берутся в ссуду только для того, чтобы тотчас же превратить их в элемент реального капитала, то ясно, что спрос на ссудный капитал есть простое отображение спроса на реальный капитал, а обилие или недостаток ссудных капиталов отражает соответствующее обилие или недостаток функционирующих капиталов. Так именно и считали классики. Так, например, Смит утверждал, что «по мере умножения капиталов вообще последовательно увеличивается и количество запасов, раздаваемых в ссуду из процентов²⁾». И здесь мы находим существенное различие между классиками и Марксом: Маркс видит единство ссудного и реального капитала, но в то же время видит и их противоположность. Классики же видят только единство, превращая его поэтому в простое тождество. Диалектический метод позволил Марксу обнаружить расхождение в движении ссудного и промышленного капитала, при общей зависимости первого от последнего; натуралистическая концепция привела классиков к механистическому непосредственному сведению ссудного капитала к реальному и к совершенно неверному воззрению на движение ссудного капитала.

На основе неправильного понимания кредита как простой передачи вещей и ссудного капитала как части реального капитала классики приходят к ошибочным воззрениям и на роль кредита в капиталистическом хозяйстве. Кредит они рассматривают как пассивную надстройку над производством. Никакой активной, самостоятельной роли кредита в воспроизводстве они не видят. Это ярко видно из следующих слов Рикардо: «я не думаю, чтобы кредит имел вообще какое-нибудь действие в области производства продуктов; продукты производятся только при помощи труда, машин и сырых материалов, и если эти последние где-нибудь употребляются, то они необходимо должны быть извлечены из другого места. Кредит является средством, которое переносит от одного лица к другому для использования фактически существующего капитала; он не создает капитала; он только определяет, кем этот капитал будет использован». Придавая кредиту столь скромное значение, Рикардо совершенно упускает из виду, во-первых, что от кредита зависит не только, кем будет использован наличный капитал, но и то, будет ли вообще использована та часть капитала, которая выделяется в качестве пассивно лежащего денежного капитала; во-вторых, что кредит не только передает капиталы одних капи-

талистов другим, но и превращает доходы различных классов общества в капитал, централизуя посредством кредитной системы все временно свободные деньги и передавая их в распоряжение капиталистического производства. В силу механистического характера своей методологии классики видели в кредите надстройку, не видя обратного ее влияния на базис — производство. И тут теория кредита Маркса преодолевает ограниченность теории кредита классической школы.

Наконец, следует отметить, что, сводя роль кредита к простому перемещению капиталов из рук одних капиталистов в руки других, классики вообще не видели внутренней необходимости кредита для капиталистического хозяйства. В самом деле, раз и без кредита капитал мог бы найти нужное применение и воспроизводство могло бы идти своим ходом, то это значит, что кредит есть простой факт, но отнюдь не необходимость для капиталистического способа производства. Так по сути дела и смотрят на кредит классики. И опять-таки гигантской заслугой Маркса был переход от этого эмпирического описания кредита к пониманию его имманентной необходимости для капитализма.

6) Натуралистическая трактовка кредита Каценеленбаумом

Несмотря на то, что классическая теория кредита была критически преодолена Марксом, который, сумев использовать все то ценное, что в ней имелось, отбросил ее механистически-натуралистическое ядро и создал новую, единственно-научную теорию, в буржуазной политической экономии натуралистическая теория классиков пользуется и по сие время широким распространением. Видным представителем натурализма в теории кредита в русской литературе является проф. Каценеленбаум.

Прежде всего мы находим у Каценеленбаума простое воспроизведение изложенных выше положений классиков. Так, например, он утверждает, что «как при обмене товара на товар деньги служат лишь орудием этого обмена, так и при передаче ссудных капиталов от одного лица к другому деньги служат лишь орудием этой передачи³⁾». По его мнению, «в современном хозяйстве каждая кредитная сделка является по существу передачей чужому предпринятию для временного обращения известной доли национального вещного капитала, а по форме — передачей заемщику со стороны кредитора известной суммы денег⁴⁾». Исходя из этого отождествления ссудного капитала с реальным, Каценеленбаум видит в спросе на ссудный капитал «спрос на вещные капиталы, а не на денежные знаки» и, вопреки очевидности, защищает абсурдное утверждение, что и во время кризиса «спрос на добавочные капиталы есть в основе своей спрос на добавочные вещные капиталы» и что якобы «заминка в сбыте товаров в моменты кризиса заставляет торговцев и фабрикантов искать ссудные капиталы, увеличивать (?) свои предприятия⁵⁾».

Развивая типичную натуралистическую теорию кредита, Каценеленбаум, однако, пытается выдать свое учение за марксистское. Игнорируя все своеобразие теории кредита Маркса, Каценеленбаум видит у Маркса только простое воспроизведение идей классической

1) Адам Смит. «Исследования о богатстве народов», пер. Щепкина, М., 1885 г., стр. 207.

2) Там же, стр. 208.

3) Каценеленбаум, «Учение о деньгах и кредитах», 4-е изд., ч. 2, стр. 36.

4) Там же, стр. 39.

5) Там же, стр. 40.

школы. Изложив теорию классиков, Каценеленбаум утверждает, что это же самое понимание кредита имеется ... у Маркса, что и для Маркса кредит есть перенос капитала от кредитора к заемщику¹⁾, что «мы здесь видим... ту же самую концепцию кредита, которая встречается у Рикардо»²⁾. После того, что нам известно из предыдущего о теории кредита Маркса и классиков, излишне останавливаться на доказательствах того, в какой мере несостоятельны попытки Каценеленбаума интерпретировать Маркса в духе классиков.

Попытки Каценеленбаума опереться на учение Маркса находят свое дальнейшее проявление в понимании им связи между кредитом и противоречиями капиталистического общества. Пытаясь придать марксистскую окраску своей теории, Каценеленбаум, в отличие от классиков, готов поставить вопрос о необходимости кредита и даже связать эту необходимость с противоречиями капитализма. Однако, когда дело доходит до установления этих противоречий, то сразу становится ясным глубокое различие между учениями Маркса и Каценеленбаума. В то время как Маркс противоречия, порождающие кредит, находит в самом капиталистическом способе производства, по Каценеленбауму основа кредита «скрестится ... в тем противоречия, которое существует в современном обществе между гражданско-правовыми нормами, с одной стороны, и требованиями производства благ, с другой»³⁾. Все дело, как оказывается, заключается в том, что всегда существует группа лиц, которая, имея право собственности на известные доли капитала, не желает или не может эксплуатировать этот капитал непосредственно в собственных предприятиях, и группа лиц, которые, имея собственные предприятия и желая эксплуатировать в них капиталы, не имеет права собственности на них⁴⁾. Вместо объективно необходимого выделения свободного денежного капитала, вытекающего из самого хода воспроизводства, у Каценеленбаума в качестве основы кредита выступает случайное распределение имущества и «склонностей» среди капиталистов (одни «склонны» вкладывать капитал в предприятие, другие же — нет). Вместо противоречий, коренящихся в самом капиталистическом хозяйстве, у Каценеленбаума выступает производное от них — «противоречие между хозяйством и правом»⁵⁾.

Все это, конечно, не имеет ничего общего с марксизмом. Наконец, прямым извращением учения Маркса является утверждение Каценеленбаума о том, что якобы «Маркс постоянно подчеркивает правовой момент в кредите»⁶⁾. На самом деле Маркс, напротив, подчеркивает, что «действительный кругооборот денег как капитала является предварительным условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возвратить деньги кредитору»⁷⁾ что «эти сделки, как естественное следствие, вытекают из отношений производства и что «юридические формы, будучи просто формами, не могут определить самого содержания сделок. Они только выражают его»⁸⁾.

1) Каценеленбаум, «Некоторые проблемы теории кредита», М., 1926 г., стр. 5;

2) Там же стр. 6.

3) Каценеленбаум, «Учение о деньгах и кредите» ч. 2 стр. 19.

4) Там же, стр. 22—23.

5) Там же, стр. 22.

6) Там же, стр. 19, примечание.

7) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 21. стр. 326.

8) Там же, стр. 316.

Под видом установления связи между кредитом и противоречиями капиталистического общества и ссылаясь на Маркса, Каценеленбаум извращает теорию последнего еще дальше, сводя классовые противоречия к противоречиям между кредиторами и заемщиками. «Кредит, — говорит он, — становится формой социальной борьбы. Кредиторы и должники начинают противостоять друг другу как классы, имеющие противоположные интересы и ведущие между собой ожесточенную борьбу»¹⁾. Вместо того, чтобы видеть в кредиторах и заемщиках представителей одного и того же класса — класса капиталистов, совместно эксплуатирующих класс наемных рабочих и борющихся лишь за раздел плодов этой эксплуатации, Каценеленбаум противопоставляет их как два класса, затушевывая тем самым их действительную классовую природу и их антагонизм по отношению к рабочему классу.

Подводя итоги сделанным выше замечаниям по поводу теории кредита Каценеленбаума, можно сказать, что это — натуралистическая по существу теория, безуспешно пытающаяся подкрадываться под марксизм и извращенно рисующая учение Маркса о кредите, как разновидность теории кредита классической школы.

в) Классовая сущность натуралистической теории кредита

Критикуя натуралистическую теорию кредита и доказывая ее несостоятельность, мы должны при этом не забывать о **классовой** природе этой теории, как теории буржуазной. Буржуазный характер этой теории заключается в том, что, отрывая кредит от капиталистического способа производства и рассматривая его как передачу вещей (а самый капитал — как вещь), она увековечивает капиталистические отношения, превращая их из исторических в естественные и вечные. Буржуазный характер этой теории выражается далее в том, что она игнорирует как те противоречия, из которых возникает кредит и которые заложены в природе самого капиталистического способа производства, так и роль кредита в обострении и развитии этих противоречий. По Каценеленбауму, например, «путь кредита устраняются имманентные преграды, которые ставит производственному процессу капиталистическая система хозяйства»²⁾, при чем и эту апологетическую идею он приписывает Марксу, тогда как на самом деле, по Марксу, кредит **разрешает** известные противоречия, вытекающие из капиталистического воспроизводства лишь в том смысле, что создает **форму их движения**, но отнюдь не ликвидирует их а, напротив, **развивает** и до крайности обостряет³⁾.

В заключение следует отметить что если в свое время в трудах классиков натуралистическая теория кредита имела известное прогрессивное значение, снимая с кредита мистическое покрывало, отрицая его чудотворную силу и ставя его в зависимость от производства, то в настоящее время, после теории Маркса она является безусловно реакционной, пережевывая мысли и доложения, которые уже переварены наукой и жизнью.

1) Каценеленбаум, «Учение о деньгах и кредите», стр. 24.

2) Там же, стр. 19, примечание.

3) См. по этому вопросу раздел I, гл. III (роль кредита).

2. Учение о капиталотворческой роли кредита и банков

а) Родоначальники теории

На ряду с рассмотренным натуралистическим пониманием кредита буржуазная экономическая наука представлена еще другим направлением, которое развивает прямо противоположные взгляды на кредит и банки. Если натуралисты игнорируют коренную необходимость и какую бы то ни было активную роль кредита в капиталистическом хозяйстве, то представители противоположного направления, наоборот, непомерно раздувают роль кредита в капиталистическом обществе, изображая кредит как основной двигатель экономического развития, а банки как «фабрику кредита» и как главный источник капиталотворчества. Поэтому это направление может быть названо капиталотворческим. В современной буржуазной науке и литературе оно обрело господствующее положение.

Капиталотворческое направление в теории кредита имеет своих родоначальников в лице Джона Ло и Маклеода, с краткой характеристики взглядов которых мы и начнем. Придерживаясь воззрений меркантилизма о деньгах как единственной и действительной форме богатства, Ло отождествлял капитал с деньгами. Далее, наблюдая развившуюся уже в его время деятельность эмиссионных банков, выпускавших в сравнительно больших размерах непокрытые золотом банкноты, Ло, неправильно, односторонне обобщая эти факты, пришел ко второму своему положению о том, что банки создают кредит. «Создание кредита, — писал Ло, — через посредство банка увеличилось бы в течение года количеством денег в гораздо большей мере, чем это сделала бы выгодная торговля в течение десяти лет. Поэтому для Франции необходимо прибегнуть к помощи кредита или же она будет находиться в состоянии слабости по сравнению с другими державами, которые пользуются кредитом». Ло на основе этого отождествления капитала с деньгами, с одной стороны, и кредита, с деньгами, а следовательно, и капиталом — с другой, неизбежно должен был рассматривать кредит и банки как основной фактор экономического развития. Так, он полагал, что банковский кредит посредством создания денег приводит к изобилию капиталов и низкому проценту, а следовательно, может обеспечить экономическое процветание страны. Ло писал: «Только обилие денег может естественным образом вызвать беспрепятственно этот хороший эффект, только учреждение кредита может доставить обилие денег и дать первый толчок, который в дальнейшем даст Франции эти блага».

К концу первой половины прошлого века основные идеи Джона Ло, против которых воевала классическая политическая экономия (Смит, Рикардо), были снова выдвинуты рядом французских экономистов (Дешковский, Коклен) и нашли свое дальнейшее развитие в работах английского экономиста Маклеода. Маклеод в яркой и резкой форме выдвинул снова положение, что кредит есть деньги, аргументируя его тем, что, пользуясь кредитом, люди могут приобретать товары так же, как за наличные деньги. А так как кредит основан на доверии, то, очевидно, доверие равносильно деньгам. Отсюда вытекает обратное положение о том, что деньги есть кредит, так как продажа товаров за деньги происходит на основе того доверия, которое продавцы оказывают деньгам в предположении, что, имея их, можно будет при-

обрести другим нужные им продукты. Следующее характерное для теории Маклеода положение сводится к тому, что кредит есть капитал. «Создавая кредит в пользу своего клиента, — говорит Маклеод, — банкир извлекает такую же прибыль, как если бы выдал ему наличные деньги. Из этого очевидно следует, что банковый кредит есть банковый капитал». Конечно, Маклеод не думает, что посредством кредита банк создает всеобщий капитал; наоборот, он подчеркивает, что «кредит, очевидно, есть вид невещественного капитала». В другом месте он говорит: «Кредит, это — название известной формы невещественного имущества, называемой такою долгом. Это — право требовать известную сумму денег от известного лица в известное время». Тем не менее Маклеод, этот «невещественный капитал», создаваемый банковским кредитом, приравнивает к реальному капиталу, ибо капитал понимается им фетишистически, как все то, что приносит своему владельцу прибыль (банкноты, акции, облигации и т. д.). Очевидно, что Маклеод смешивает здесь фиктивный капитал с реальным, что неудивительно, так как, будучи фетишистом, Маклеод, естественно, не мог вскрыть тех реальных отношений, которые в наиболее извращенном виде представлены в фиктивном капитале.

В итоге всех этих положений Маклеод приходит к главному выводу своей теории, а именно, что банк есть не посредник в кредите, а активный первоисточник кредита, а следовательно, — капитала. «Банк не есть учреждение для займа и ссуды денег, — говорит Маклеод — это есть фабрика кредита».

б) Современные представители теории капиталотворческой роли кредита

Современные представители этого направления, самыми видными из которых являются немецкие экономисты банкир Ган и проф. Шумпетер, воспроизводя основные идеи Ло и Маклеода, дают лишь им дальнейшее развитие. Центральным и требующим большого внимания к себе в их работах является попытка раскрыть тот конкретный механизм кредитного творчества банков, посредством которого они осуществляют свою решающую и ведущую роль в экономическом развитии капиталистического общества. Обратимся сначала к взглядам Гана.

Ган, как и Шумпетер, основную функцию банков видит в создании ими новой покупательной силы. При этом он отождествляет деньги с платежным средством. Вместе с тем Ган ставит перед собой вопрос: «Что представляют собой те средства, которые банки, в частности коммерческие банки, дают в ссуду?» И вслед за Маклеодом приходит к выводу, что объектом ссуды является кредит, т. е. доверие. А так как, по мнению Гана, кредит есть деньги, которые ссужаются как капитал, то ясно, что логическим выводом из теории Гана является то, что банк создает капитал. Правда, Ган сам прямо этого не заявляет; он говорит об этом более осторожно, утверждая, что банк создает не капитал, а кредит, являющийся средством создания капитала путем расширения производства.

Из этих своих взглядов на банки как на творцов кредита Ган делает игравшую крупную роль в его учении вывод о первенстве активных операций банка над пассивными. «Итак, — говорит Ган, — в противоположность всей, в этом отношении почти единодушной бан-

ковой и кредитной литературе, мы утверждаем, что не пассивная операция банка и в частности не депозитная операция является первичной, но что как в общем, так и в каждом отдельном случае раньше должна иметь место активная операция какого-нибудь банка для того, чтобы после этого сделалась возможной и была вызвана пассивная операция банка: пассивные операции банков есть не что иное, как рефлекс ранее совершенных операций по предоставлению кредита. В этом положении Гана на ряду с его принципиальной несостоятельностью характерно еще то, что Ган скрывает здесь действительного творца этой идеи, Маклеода, с тем, чтобы выдать ее за свое собственное открытие.

С этой оценкой связи, которая существует между активами и пассивами банка, связано характерное для капиталотворческой теории решение вопроса о границах банковского кредита. «Все банки, — утверждает Ган, — в совокупности, т. е. включая и эмиссионный банк, имеют неограниченную возможность предоставлять кредиты. Предоставление кредитов ни в каком случае не зависит от каких-либо моментов, лежащих вне сферы техники банковского дела и денежного обращения». Этот кредит, который банки могут оказывать в неограниченных размерах, в отличие от банковского кредита за счет привлеченных чужих средств, Ган называет «инфляционным кредитом». Он сопровождается выпуском новых платежных средств (банкнот, чеков и т. д.), которые, будучи предоставлены в распоряжение капиталистов-предпринимателей, приводят к расширению масштабов общественного воспроизводства. Как это происходит? Ган рисует эту картину следующим образом: «Инфляционный кредит приводит к увеличению массы денег в обращении, цены при этом неизбежно растут, и весь существующий запас благ в обществе начинает распределяться иначе, чем это могло бы быть при отсутствии инфляционного кредита».

Распределение обращающейся массы благ теперь, в силу роста цен на основе инфляционного кредита, изменится в пользу производителя за счет потребителя. Это изменение произойдет с принудительной силой, поскольку эмитированные платежные средства попадут исключительно в руки предпринимателей. «Всякий новый кредит, — говорит Ган, — следовательно, влияет на народнохозяйственный спрос в том смысле, что со стороны предпринимателей появляется усиленный спрос на блага, имеющиеся в настоящее время и переходящие из прошлого в настоящее в готовом для потребителя виде. Вследствие такого спроса ряд благ, который без этого спроса был бы в настоящее время использован для чистого потребления, получает производительное применение и лишь в будущем времени перейдет в чистое потребление».

Безграничное развитие производительных сил капиталистического общества может, по Гану, происходить на основе кредитного твердства банков, так как «блага, приобретаемые предпринимателями при помощи инфляционного кредита для производительного применения, получают не исключительно из потребительского контингента, но возникают из добавочного производства после того, как народное хозяйство начало приспосабливаться к увеличенному спросу». Единственный предел, который существует для этого бурного роста производительных сил при капитализме, Ган усматривает в ограниченности народонаселения. Пределы расширения кредита, по Гану, достигаются тогда, когда сколь угодно

сильное перераспределение благ в ущерб чистым потребителям еще не в состоянии втянуть новые рабочие силы в производство благ. Таким образом, Ган приходит к отрицанию закона относительного перенаселения, который свойственен капитализму; и «уничтожает» тяжелый недуг капитализма — безработицу — посредством правильной политики расширения кредита банками. Ган рисует заманчивую, но ничего общего не имеющую с действительностью картину возможности бескризисного развития капитализма.

Шумпетер, являющийся наиболее глубоким представителем рассматриваемой теории кредита, исходит при развитии своих взглядов из отождествления платежных средств с деньгами и одновременно приравнивает их к капиталу. «Только платежные средства, — пишет Шумпетер, — суть капитал и не просто «деньги», но средства обращения вообще, какого бы они рода ни были. Однако капиталом являются не все платежные средства, но только те, которые фактически выполняют характерную для них функцию, т. е. когда они используются «для создания новых благ». А так как кредит может создавать эти платежные средства в форме банкнот и чеков и т. д., направляемых банками в распоряжение предпринимателей, то кредит, по мнению Шумпетера, создает капитал. Он пишет: «Кредит по своему существу есть создание покупательной силы в целях предоставления ее предпринимателю, но не просто предоставление последнему наличной покупательной силы — свидетельство за наличные продукты. Создание покупательной силы принципиально характеризует метод, который осуществляет хозяйственное развитие в незамкнутом народном хозяйстве»¹⁾.

Как видим, Шумпетер еще резче, чем Ган, подчеркивает роль кредита как основного фактора развития хозяйства и как единственного рычага капиталистического производства. Об этом он говорит в следующих словах: «Новая теория рассматривает создаваемую ad hoc (т. е. «наперед» или «из» ничего) банковскими методами новую покупательную силу не только как один из источников предложения кредита, но и как то основное и важнейшее, без которого вообще невозможно финансирование современного индустриального развития. Эта создаваемая банками новая покупательная сила, будучи предоставлена в руки предпринимчивых лиц, способных создать предприятие с новыми сочетаниями в нем организационно-технических факторов производства, обеспечивает, по мнению Шумпетера, неограниченный рост производительных сил капиталистического общества».

Ознакомившись со взглядами родоначальников и современных представителей капиталотворческой теории кредита, нам нетрудно вскрыть на основе известной нам уже марксовской теории сущность и корень ошибок этого направления. Все изложенные выше ошибочные положения представителей капиталотворческой теории кредита вытекают из механистического и антидиалектического характера их методологии. Капиталотворческое направление в силу этой механистичности и ограниченности своего метода положило в основу своих исходных позиций совершенно неверное фетишистское представление о деньгах и капитале. Деньги и капитал представителями этого направления понимаются не как специфическая форма выражения про-

1) Под незамкнутым народным хозяйством подразумевается капиталистическое хозяйство.

изводственных отношений между людьми и классами, а как вещи. В частности деньги для них, как и для натуралистов, выступают в качестве технического орудия обмена и отождествляются с платежными средствами. Понимая столь односторонне и поверхностно природу денег, современные глассатаи кредитных иллюзий, Ган и Шумпетер, приходят вслед за натуралистами к ложному пониманию законов денежного обращения в духе количественной теории, не понимая, с другой стороны, действительной основы кредитных орудий обращения (банкнот и чеков), которая находится в самом товарном обращении. Представители разбираемого направления в теории кредита (в особенности Ган) приходят к положению о неограниченных возможностях эмиссии банками платежных средств, между тем как в действительности «количество циркулирующих банкнот регулируется потребностями оборота, и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению» (Маркс). Уже одно это обстоятельство подрывает основное положение теории капиталотворческой роли банков, ибо, если творчество банками кредитных орудий обращения ограничено потребностями оборота, то ни о каком неограниченном создании банками новой покупательной силы, посредством которой происходило бы принудительное ограничение индивидуального потребления и соответствующее расширение производства, не может быть и речи.

Преимущество теории Гана—Шумпетера над воззрениями натуралистов заключается в том, что они рассматривают кредит как необходимый для капиталистического хозяйства феномен. Тогда как натуралисты, как мы установили выше, механистически отождествляют ссудный и реальный капитал, рассматривают кредит как более или менее безразличное для капиталистического процесса воспроизводства явление, капиталотворческая теория впадает в противоположную крайность: она, наоборот, отрывает кредит от действительного капитала, противопоставляет его последнему, как совершенно от него независимую силу, и на этой основе придает кредиту роль внешнего перводвигателя и главного регулятора капиталистического расширенного воспроизводства. Марксова теория, основанная на всестороннем анализе всех отношений сложного механизма капиталистического процесса производства, преодолевает односторонность и ошибки обоих основных направлений теории буржуазного кредита. В экономической системе Маркса кредит выводится из развития противоречий капиталистического производства и, будучи обусловлен с последним, тем не менее, вопреки классикам, не отождествляется реальным капиталом, а, напротив, отличается от него и вместе с тем рассматривается (вопреки Гану и Шумпетеру) не как фактор гармонического развития, а как фактор обострения противоречий капитализма.

в) Классовая природа учения о капиталотворческой роли кредита

Буржуазно-апологетическая сущность капиталотворческой теории с особой силой сказывается у современных ее приверженцев. В устах родоначальника разбираемой теории Джона Ло, писавшего в период зарождения капитализма, распространение кредитных иллюзий не имело еще столь реакционного характера, так как, во-первых, его идеи в известной мере действительно способствовали форсированию организации кредитно-банковского дела, что вызывалось требова-

ниями производительных сил капитализма; во-вторых, в те времена кредит, поражая своей способностью поощрять экономическое развитие, не успел еще проявить себя, как фактор развития и обострения капиталистических противоречий. Поэтому Маркс писал про Ло: «Присущий кредитной системе двойственный характер, с одной стороны, развивать же двигательную силу капиталистического производства, обогащение эксплуатации чужого труда до чистой и колоссальной системы азарта и мошенничества и все более сокращать число немногих, эксплуатирующих общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства — эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Ло до Исаака Перейры свойственный им смешанный характер мошенника и пророка». Этого уже ни в коем случае нельзя сказать о Гане, Шумпетере и др., которые выступают в качестве поздних трубадуров кредита уже в совершенно изменившейся исторической обстановке и являются идеологами магнатов капитала эпохи загнивающего капитализма. Эпоха монополистического капитализма, представляющая собой фазу умирающего капитализма, и особенно эпоха послевоенного капитализма, когда капитализм вступил в период своего всеобщего кризиса как системы, характеризуется таким обострением и всесторонним обнаружением всех противоречий капитализма, что всякие разговоры о новом могущественном и бескризисном развитии капитализма через посредство кредитного рычага могут быть оценены, перефразируя Маркса, лишь как «мошенничество буржуазных апологетов, тщетно рвющихся в тогу пророков». Современный экономический кризис, сопровождающийся описанным в предыдущем разделе острейшим кредитно-денежным кризисом, дает не требующую особых комментариев практическую критику кредитным иллюзиям Гана—Шумпетера о бескризисном развитии капитализма посредством регулирования кредита.

Практический смысл развиваемых ими взглядов сводится к обоснованию одного из применяемых монополистическим капиталом методов ограбления рабочего класса и трудящихся масс города и деревни — инфляции, о чем недвусмысленно свидетельствуют следующие слова Гана: «Инфляционный кредит означает экспроприацию тех, которые могли надеяться на деньги, полученные в виде ренты или заработной платы (подчеркнуто нами.—Авт.), купить определенное количество товаров, а теперь могут получить лишь часть их вследствие обесценения денег, которым сопровождается кредитная инфляция».

ГЛАВА VI СОЦИАЛ-ФАШИСТСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ТЕОРИИ КРЕДИТА

Из социал-фашистских теоретиков наиболее подробно вопросы кредита рассматриваются у Гильфердинга и отчасти у Реннера. На извращениях ими марксовой теории кредита мы и должны поэтому остановиться свое внимание.

Приступая к исследованию кредита, Гильфердинг начинает с рассмотрения кругооборота капитала. Однако, если мы посмотрим на то, как подходит Гильфердинг к кругообороту капитала и какое употребление он делает из анализа этого кругооборота, то мы обнаружим существенные искажения им методологии и теории Маркса.

Прежде всего следует подчеркнуть, что анализ кругооборота капитала проникнут у Гильфердинга меновой концепцией. В то время как Маркс видит в кругообороте капитала диалектическое единство производства и обращения с приматом первого над последним, Гильфердинг видит в нем исключительно один лишь процесс обращения. «Наш путь, — говорит он, — ведет не на капиталистическую фабрику с ее чудесами техники: наше внимание должно обратиться к монотонному однообразию вечно равных процессов, разыгрывающихся на рынке, где формально одинаковым способом деньги постоянно превращаются в товар и товар в деньги¹⁾». Капиталистический кредит, по мнению Гильфердинга, возникает «из самих процессов обращения²⁾».

Если наметить вкратце основную нить рассуждения Гильфердинга по вопросу о необходимости кредита в капиталистическом хозяйстве, то мы получим следующее. Процесс обращения в силу ряда причин выделяет праздные деньги; но деньги относятся к непроеводительным издержкам, которые капитализм стремится свести к минимуму, отсюда — необходимость кредита, который играет ту роль, что, приводя праздные деньги в движение, уменьшает потребность в них и сокращает таким образом непроизводительные издержки. «Самая природа процесса кругооборота, — указывает Гильфердинг, — делает возможным предоставление капитального кредита. А так как деньги всегда представляют издержки обращения, и потому капиталистическому производству присуща тенденция все более напрягать свои силы, не увеличивая в соответственной мере денежного капитала, то этот кредит становится необходимостью, а не просто возможностью³⁾». В то время как Маркс связывает необходимость кредита в первую очередь с уравнением нормы прибыли, «на чем покоится все капиталистическое производство⁴⁾», Гильфердинг сводит ее к экономии издержек обращения. Таким образом, несмотря на то, что формально Гильфердинг начинает с кругооборота капитала, на самом деле он выводит кредит не из воспроизводства капитала, а из денежного обращения, обнаруживая этим свою меновую концепцию.

Меновой концепции Гильфердинга соответствует у другого социал-фашиста Карла Реннера юридическая трактовка кредита. Не следует, однако, рассматривать эти концепции как две различные теории, ибо они тесно друг с другом связаны, поскольку меновые отношения всегда выступают в форме юридических сделок. Реннер тоже утверждает, что «судный капитал имеет корни чисто в денежной форме⁵⁾». Но к этому он присоединяет несправедливое подчеркивание и выпячивание юридического момента. Кредитор, по его утверждению, связан с заемщиком не экономическим отношением, но «лишь посредством правового титула⁶⁾»; процент он определяет как «удерживаемую наперед юридическим путем часть прибыли», как правовое притязание на участие в прибавочной стоимости⁷⁾; рынок ссудных капиталов, по его мнению, «обуславливается существованием твердого правового

порядка... тех законных учреждений, которые обеспечивают отдельные формы и виды этих правовых титулов⁸⁾». Наконец, он утверждает, что «совокупность этих правовых учреждений образует кредитную систему страны⁹⁾».

Это сведение кредита к обращению, с одной стороны, к праву — с другой, характерно для социал-фашистской теории, которая отводит внимание от главного — производства. Зачем это нужно — мы выясним дальше. Теперь же продолжим наше рассмотрение этой теории.

Мы видели, как Гильфердинг выводит кредит непосредственно из образования в процессе обращения свободных денег и из стремления к экономии этих денег. Вокруг денег вращается и все дальнейшее исследование им кредита. Ссудного капитала как особой экономической категории, как особого вида капитала, отделившегося от функционирующего, но зависящего от последнего, для него не существует. Деньги, переданные в ссуду, — этим для него исчерпывается сущность ссудного капитала. Минуя исследование ссудного капитала — этой центральной категории марксовой теории кредита, Гильфердинг прямо переходит к рассмотрению форм кредита. Но и тут он извращает Маркса.

Маркс делит кредит на коммерческий и банкирский, указывая, что в первом случае как заемщиками, так и кредиторами являющиеся функционирующие капиталисты, а во втором в качестве кредиторов выступают денежные капиталисты. Гильфердинг называет «кредит, оказываемый друг другу самими производительными капиталистами, оборотным кредитом¹⁰⁾», а кредит, который «переносит деньги к таким лицам, которые... применяют их как денежный капитал», он называет «капитальным кредитом¹¹⁾». На первый взгляд может показаться, что здесь вся разница между Марксом и Гильфердингом в терминах. На самом деле это, однако, далеко не так, и имеет место принципиальное различие и извращение Гильфердингом марксова учения о формах кредита. В то время как по Марксу основное различие между коммерческим и банкирским кредитом лежит в самом воспроизводстве и сводится к различию того капитала, формой движения которого они являются (коммерческий кредит осуществляет непосредственно движение промышленного капитала, банкирский — движение денежно-ссудного капитала), по Гильфердингу это различие имеет место опять-таки под углом зрения денежного обращения. «Оборотный кредит, — говорит он, — заключается в создании кредитных денег и имеет то значение, что «заменяет наличные деньги¹²⁾»; при капитальном же кредите совершается передача денег, которые уже имелись, а не экономия на деньгах вообще¹³⁾. Трактуя коммерческий кредит как создание кредитных денег и только, Гильфердинг отрывает его от движения капитала, утверждая, вопреки очевидности, что «здесь в распоряжение капитала не дается никакого нового капитала¹⁴⁾». С другой стороны, банкирский кредит он рассматривает не как движение

1) Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1922 г., стр. 53 (гл. 41).
2) Там же, стр. 70.
3) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, гл. 27, стр. 411.
4) Реннер, «Теория капиталистического хозяйства», стр. 143.
5) Там же, стр. 146.
6) Там же, стр. 149.

7) Реннер, «Теория капиталистического хозяйства», стр. 155.
8) Там же.
9) Гильфердинг «Финансовый капитал», стр. 71.
10) Там же, стр. 79.
11) Там же.
12) Там же, стр. 80.
13) Там же.
14) Там же.

особого вида капитала (как мы уже отмечали, категорию ссудного капитала он вообще игнорирует), а просто как «перемещение денежной суммы»). Извращение Маркса в духе меновой концепции находит, таким образом, свое проявление и в учении Гильфердинга о формах кредита.

Дальнейшее свое развитие ревизия марксовой теории получает в учении Гильфердинга о проценте. Маркс, видя в капиталистическом кредите движение ссудного капитала, определяет уровень процента спросом и предложением этого особого вида капитала. Гильфердинг, отождествляя ссудный капитал с деньгами и понимая кредит как перемещение денег, ставит процент в зависимость от количества денег. «Во всякий данный момент, — говорит он, — в распоряжении капиталистического общества имеется количественно определенная сумма денег, которая представляет предложение, и в тот же самый момент на другой стороне имеется потребность функционирующих капиталистов в денежном капитале¹⁾, при чем «изменения уровня процента зависят от предложения, от количества ссужаемых денег²⁾, а в последнем счете — от золотого резерва банков. Исходя из этого, Гильфердинг отрицает и установленную Марксом тенденцию нормы процента к понижению, утверждая, что такая тенденция «предполагала бы, ..., что золотой запас возрастает быстрее, чем спрос на ссудный капитал³⁾, а этого на самом деле нет. Но в действительности для падения процента требуется рост предложения ссудного капитала, а вовсе не рост золотого резерва банков, как утверждает Гильфердинг, отождествляющий ссудный капитал с деньгами.

Смешивая ссудный капитал с деньгами, Гильфердинг идеалистически отрывает его от реального капитала, превращая его в какую-то независимую сущность. «Уровень процента, — заявляет он, — не определяется каким-либо образом нормой прибыли⁴⁾, так что падение нормы прибыли не должно оказывать никакого влияния на норму процента. Это утверждение является безусловной ревизией марксизма, ибо Маркс неоднократно подчеркивает, что процент есть часть прибыли, зависит от последней и что «при прочих равных условиях... процент регулируется... общей нормой прибыли⁵⁾. Несостоятельность допускаемого Гильфердингом отрыва процента от прибыли ясна хотя бы из того, что если логически продолжить его положение, то можно прийти к выводу, что в результате тенденции нормы прибыли к понижению и при отсутствии, по Гильфердингу, такой же тенденции со стороны процента — процент в один прекрасный момент может оказаться больше прибыли. Но ведь никто не заставляет капиталистов быть обязательно функционирующими капиталистами, и ясно, что если бы норма прибыли падала, а процент оставался бы неизменным или повышался бы, то функционирующие капиталисты стали бы бросать свои отрасли и пополнять ряды рантье, увеличивая тем самым предложение ссудных капиталов и понижая процент. Положение о независимости процента от нормы прибыли и ее движения является, таким образом, бессмысленной. Что касается фактической стороны вопроса, то факты определенно

1) Гильфердинг, «Финансовый капитал», стр. 80.

2) Там же, стр. 95.

3) Там же, стр. 97.

4) Там же, стр. 98.

5) Там же, стр. 101, примечание.

6) Маркс, «Капитал» т. III, ч. I, стр. 333

говорят против Гильфердинга. Тенденция нормы процента к понижению ясно видна из следующих данных уровня процента:

Г о д ы	Англ. банк	Франц. банк	Герм. банк	Австро-Венг. банк	Сред. велич.
1857—66	4,82	4,48	4,83	5,06	4,79
1867—76	3,25	3,89	4,34	4,85	4,09
1877—86	3,19	2,96	4,11	4,26	3,63
1887—96	3,04	2,71	3,59	4,21	3,38
1897—1906	3,52	2,85	4,28	4,05	3,67

Из всего сказанного видно, что в ряде основных вопросов Гильфердинг отрывает кредит от капитала и сводит его к деньгам. Для того, чтобы понять, зачем это ему нужно, следует вспомнить о теории денег Гильфердинга. Открыто ревизуя в своей теории денег Маркса, Гильфердинг рассматривает сферу денежного обращения как область, доступную и при капитализме сознательному регулированию со стороны государства. Сводя кредит к деньгам, Гильфердинг, таким образом, включает и его в сферу сознательного организованного регулирования. При этом теория денег и кредита Гильфердинга сыграла роль искомого пункта для его теории организованного капитализма. Через деньги и кредит, по его мнению, в капиталистическое хозяйство вводятся элементы сознательной и рациональной организации. В то время как, по Марксу, кредит не только не уничтожает стихийный и анархический ход капиталистического производства, но, напротив, усиливает его анархию, по Гильфердингу кредит означает дефетицизацию производственных отношений и уничтожение анархии. «В кредите, — заявляет он — на ряду с вещным выступает личное отношение... Точно так же в своих завершённых формах он противостоит капитализму, представляет организацию и контроль в противоположность анархии¹⁾. Если, по Марксу, кредит усиливает и обостряет кризисы, то, по Гильфердингу, правильно организованный банковский кредит может смягчить их. Так, например, добиться того, «чтобы потрясение не коснулось его кредита», это, по Гильфердингу, «условие очень легко осуществимое в правильно руководимом эмиссионном банке²⁾. Более того, «банк, имеющий право выпускать банкноты и сохраняющий свой кредит непотрясаемым и во время кризиса, может предоставлять в распоряжение необходимых платежные средства³⁾, в силу чего «разрушение кредита может и не быть столь полным, как оно бывало при кризисах ранней эпохи капитализма⁴⁾. Предоставляя обороту нужные платежные средства, банк предотвращает всеобщую погоню за деньгами и сопровождающую ее панику, а «устранение денежного кризиса предохраняет кредит от полного крушения и является таким образом предотвращением банковского кризиса⁵⁾».

1) Гильфердинг, «Финансовый капитал», стр. 197.

2) Там же, стр. 325.

3) Там же, стр. 324.

4) Там же, стр. 323.

5) Там же, стр. 320.

Наконец, кредит, по Гильфердингу, смягчает кризисы еще и таким путем, что «движение спекуляции все более подчиняется банкам... которые могут не допустить этого движения дальше известных границ»¹⁾.

В соответствии с изложенной выше трактовкой кредита и его роли Гильфердинг становится на буржуазно-апологетическую позицию и в вопросе об акционировании. Характеризуя роль акционерных предприятий в капиталистическом обществе, Гильфердинг не только замалчивает, но и прямо отрицает их значение в обострении противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. По Гильфердингу, в акционерных предприятиях развитие производительных сил уже при капитализме «может... освободиться от уз индивидуальной собственности и совершаться в зависимости исключительно от технических требований». Введение новых машин, присоединение родственных отраслей производства, использование патентов — все совершается уже только с точки зрения технической и экономической рациональности²⁾. Для Гильфердинга развитие капиталистических акционерных предприятий означает не дальнейшее обострение конкурентной борьбы в бешеной погоне за прибылью но, напротив, по его мнению, «заинтересованность собственника в извлечении возможно крупной и быстрой прибыли, тенденция к хищническому хозяйству, дремлющая во всякой капиталистической душе,— все это для руководителей акционерного общества до известной степени может отступить на задний план перед чисто техническими требованиями, выдвигаемыми производством»³⁾.

Итак, социал-фашистская теория рассматривает кредит и акционирование не как форму движения капиталистических противоречий и фактор, их углубляющий и обостряющий, но как метод внесения организованности в капиталистическую систему и как фактор, смягчающий ее противоречия. Противоположность между социал-фашистской теорией и теорией Маркса очевидна. Следует при этом иметь в виду, что кредит, по Гильфердингу, не только сам поддается сознательному регулированию, но служит рычагом регулирования всего капиталистического хозяйства. В качестве мостика от организованного кредита к организованному капитализму Гильфердинг использует выдвинутое им неверное положение о господстве банков над промышленностью в эпоху финансового капитализма. Сращение монополистических банков с монополистической промышленностью, характерное для эпохи империализма, Гильфердинг неправильно изображает как полновластное господство банков над промышленностью, как регулирование банками всего капиталистического хозяйства. А отсюда вывод, что переход от капитализма к социализму возможен методами банковского контроля, а не путем экспроприации фабрик и заводов у капиталистов.

Эта теория, контрреволюционная сущность которой очевидна и которая достаточно отчетливо выражена уже в «Финансовом капитале» Гильфердинга, впоследствии была развита далее Реннером. По Реннеру, являющемуся ярким представителем социал-фашистской меновой концепции, «процесс обращения является высшим законодателем и судьей

капиталистического общества, и в нем, собственно говоря, заключается существо проблемы социализирования»⁴⁾. В его теории социализации через обращение почетное место занимает акционерные общества и банки. Всячески чужаясь революционного преобразования самого способа производства, он предлагает «социализировать» не столько путем декретов, сколько посредством того, чтобы публичные учреждения вроде банков... превратить в чисто общественные публичные учреждения»⁵⁾.

Говоря об акционерном обществе, Реннер утверждает, что оно «само по себе враждебно духу капитализма: оно является в его собственном лагере врагом, который раскалывает капитализм для того, чтобы его преобразовать, вырвав у него его собственные корни»⁶⁾. В противоположность Марксу, показавшему, что акционирование «вместо того, чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как общественного и как частного богатства, оно лишь развивает его в новой форме»⁷⁾, Реннер стремится изобразить капиталистическое акционирование как процесс, в результате которого капитал «стал совершенным сверхиндивидуальным, вполне социальным явлением»⁸⁾. При этом свою насловую оппортунистическую антимарксистскую теорию акционирования Реннер пытается приписать Марксу. Давая фальсифицированное изложение и ложную интерпретацию учения Маркса об акционировании, Реннер подсовывает Марксу социал-фашистскую теорию социализации через обращение, заявляя: «То, что Маркс говорит в этом месте (имеются в виду высказывания Маркса об акционировании—Авт.) является, следовательно, путем к социализированию. Путь, на который толкает автоматически общественное развитие внутренней своей логикой в силу внутренних пружин развития капитала при помощи кредита и ассоциации, путь, через который ассоциация частных капиталистов будет вытеснена особым видом ассоциации общественных работников»⁹⁾.

Итак, выведение кредита не из производства и производственных отношений, а из обмена и юридических отношений, непосредственное сведение кредита к деньгам, провозглашение кредита фактором, смягчающим капиталистические противоречия и кризисы, утверждение о «одефетицизации» капиталистических отношений в кредите и о возможности сознательного регулирования последнего в рамках капитализма, положение о господстве банков в капиталистической экономике и, наконец, как завершение всего этого, — теория «социализации» через обращение вообще и через кредит и акционирование в частности — таковы основные идеи социал-фашистской теории кредита. Замазывание капиталистических противоречий, отрицание пролетарской революции и диктатуры пролетариата как единственных путей перехода от капитализма к социализму, защита буржуазного общества и «священного» принципа частной собственности от посягательств со стороны революционного пролетариата — таков тот «социальный заказ» буржуазии, который эта теория обслуживает.

1) Реннер, «Теория капиталистического хозяйства», стр. 290.

2) Реннер, «Теория капиталистического хозяйства», стр. 320.

3) Там же, стр. 159.

4) Маркс, «Капитал», т. III, гл. 27, стр. 146.

5) Реннер, «Теория капитал. хозяйства», соч. стр. 168 (разрядка наша—Авт.).

6) Там же стр. 169.

164 1) Гильфердинг, «Финансовый капитал», стр. 327;

2) Там же, стр. 123 (разрядка наша — Авт.);

3) Там же, стр. 130—131 (разрядка наша — Авт.);

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ

и глава VI «Социал-фашистские воззрения в теории кредита» (для критики)

НЕОБХОДИМОСТЬ КРЕДИТА

...Теперь мы переходим к той роли которую деньги играют в обращении промышленного капитала. Итак, наш путь ведет не на капиталистическую фабрику с ее чудесами техники: наше внимание должно обратиться к монотонному однообразию вечно равных процессов, разыгрывающихся на рынке, где формально одинаковым способом деньги постоянно превращаются в товар и товар в деньги. Только надежда, что нам удастся напасть на тайну того, каким же способом из самых процессов обращения возникает та сила, которая в виде капиталистического кредита в конце-концов получает господство над общественными отношениями, только это надежда и может побудить читателя с некоторым терпением пройти тяжелые этапы ближайшей главы...

Образование сокровищ этого может происходить уже при простом товарном обращении. Для этого необходимо только, чтобы в процессе Т—Д—Т не совершилась вторая часть, именно Д—Т, т. е. необходимо, чтобы продавец товара не выступал в качестве покупателя, а наоборот бы деньги. Но при простом товарном обращении такое поведение является совершенно случайным и исключительным. Напротив, в обращении капитала образование сокровища становится необходимою, вытекающей из самой природы процесса...

...Итак, самая природа процесса кругооборота делает возможным представление капитального кредита. А так как деньги всегда представляют издержки обращения, и потому капиталистическому производству присуща тенденция все более напрягать свои силы, не увеличивая в соответственной мере денежного капитала, то этот кредит становится необходимою, а не просто возможностью (Гильфердинг, «Финансовый капитал», гл. 4).

ФОРМЫ КРЕДИТА

Кредит является сначала простым результатом изменения функции денег как платежного средства. Если платеж совершается спустя некоторое время после того, как фактически произошла продажа, то деньги кредитуются на это время. Значит, эта форма кредита предполагает существование товарладельцев, а в развитом капиталистическом обществе — производителей капиталистов...

...Этот рассматриваемый здесь кредит, оказываемый друг другу самими производительными капиталистами, мы называем оборотным кредитом. Мы видели, что он заменяет деньги, т. е. экономизирует представляющий большие издержки металл, потому что благодаря кредиту передача товаров осуществляется без вмешательства денег...

...Итак оборотный кредит в том смысле, как мы употребляем этот термин, заключается в создании кредитных денег. Следовательно, он устраняет зависимость производства от такой границы, как имеющаяся сумма наличных денег...

Но при помощи оборотного кредита как такового, не осуществляется ни перенесение денежного капитала от одного производителя к другому, ни прирост денег от других (непроизводитель-

ных) классов к классу капиталистов, которыми они могли бы быть превращены в капитал. Итак, если оборотный кредит заменит наличные деньги, то, напротив, такой кредит, функция которого превращать деньги, какова бы ни была форма последних—наличные или кредитные деньги, из бездейственных денег в функционирующий денежный капитал — такой кредит мы называем капитальным кредитом. Капитальным кредитом потому, что он переносит деньги к таким лицам, которые, покупая на эти деньги элементы производительного капитала, применяют их как денежный капитал...

...Раньше мы видели, как из обращения возникли кредитные деньги. Теперь мы имеем дело с деньгами, которые не функционируют, но деньги могут совершать функцию только денег и совершать их могут только в сфере обращения. Поэтому кредит как капитальный кредит, не может сделать ничего иного, как только необращающиеся деньги бросить в обращение.

Однако как капиталистический кредит он бросает их в обращение только затем, чтобы извлечь большее количество денег; он бросает их в обращение как денежный капитал для превращения в производительный капитал. Таким образом он расширяет размеры производства, при чем этому расширению необходимо предшествует расширение размеров обращения. Последнее же достигается без вмешательства новых денег — исключительно использованием для целей обращения прежних, но бездействовавших денег.

Здесь мы опять встречаемся с потребностью в экономической функции, которая заключается в том, чтобы сосредоточивать бездейственный денежный капитал и потом, сосредоточив, распределять его. Но кредит носит тут иной характер, чем оборотный кредит. Последний приводит к тому, что деньги функционируют как платежное средство. Платеж за проданный товар кредитуются. Деньги, которые иначе должны были бы вступить в процесс обращения, сберегаются, потому что они заменяются кредитными деньгами. Действительные деньги становятся излишними на всю ответственную сумму, которая иначе должна была бы иметься в наличности. С другой стороны, здесь в распоряжении капиталиста не дается никакого нового капитала. Оборотный кредит просто дает его товарному капиталу форму денежного капитала.

Иное дело с капитальным кредитом. Он представляет перемещение денежной суммы, которую владелец не может применить в качестве капитала, к такому лицу, которое должно применить ее как капитал. Таково назначение этой суммы. В самом деле, если бы она не была применена как капитал, ее стоимость не могла бы сохраняться и возвращаться. Но с точки зрения общества каждый раз необходимо, чтобы деньги возвращались к должнику; иначе ссуда не будет обеспечена. Следовательно, здесь совершается передача денег, которые уже имелись, а не экономия на деньгах вообще. Значит капитальный кредит заключается в передаче денег, которые благодаря этому должны превратиться из бездейственного в функционирующий денежный капитал. Он не сберегает, как платежный кредит, издержки обращения, а при неизменности денежного базиса расширяет функцию производительного капитала (Гильфердинг, «Финансовый капитал», гл. 5).

ПРОЦЕНТ

... Если уровень процента зависит от спроса и предложения, то мы должны поставить вопрос, чем же определяются сами спрос и предложение? На одной стороне оказываются бездеятельные в данное время, но ищущие применения деньги, на другой стороне оказывается спрос функционирующих капиталистов на деньги, которые они намерены превратить как денежный капитал в функционирующий капитал. Распределение обслуживается капитальным кредитом, от состояния которого зависит, следовательно, уровень процента. Во всякий данный момент в распоряжении капиталистического общества имеется количественно определенная сумма денег, которая представляет предложение, и в тот же самый момент на другой стороне имеется потребность функционирующих капиталистов в денежном капитале, определяемая размерами производства и обращения. Следовательно, во всякий момент мы имеем перед собой две определенные величины, которые встречаются на денежном рынке друг с другом как спрос и предложение и определяют «взаимную цену денег», уровень процента...

...Изменения размера процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия размера процента в различных странах; первые обуславливаются изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предположения о ссудном капитале (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, например, прочность кредита и т.п.), т.е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег или банкнот в отличие от промышленного капитала, который, как таковой, в товарной форме ссужается при помощи торгового кредита в среде самих агентов производства¹⁾.

Мы не совсем согласны с этим воззрением...

...Изменения уровня процента зависят от предложения, от количества ссужаемых денег. Но в ссуду могут быть отданы все деньги, которые не находятся в обращении. В обращении же находится, во-первых, количество денежных знаков, соответствующее минимальной потребности обращения, и, во-вторых, определенная сумма золота. Остальное золото хранится в кладовой банка или банков. Часть этого золота служит резервом (сокрывшемся) для потребностей внутреннего обращения, часть — резервом для интернационального обращения, потому что золото должно исполнять функцию мировых денег. Опыт показывает, какую минимальную сумму должен составить резерв для той и другой цели. Остаток может быть выдан в ссуду и в последнем счете составляет то самое предложение, спрос на которое определяет величину процента...

... Уровень процента повышается лишь при том условии, если золотая наличность банков сокращается, резервы приближаются к своему минимуму, и потому банки вынуждены повысить учетный процент.

... Следовательно, тенденция к понижению уровня процента предполагала бы, что отношение наличного золотого запаса к спросу на ссудный капитал становится все благоприятнее, или, иначе, что золотой запас возрастает быстрее, чем спрос на ссудный капитал. В действительности, если сравнить между собою развитые капиталистические отношения, то невозможно будет констатировать такую тен-

денцию к постоянному понижению размеров процента. Этой тенденции невозможно постулировать и теоретически зевать одновременно с возрастанием золотого запаса и минимумом обращения возрастает и та сумма золота, которая в эпохи выскокой конъюнктуры дополнительно поглощается обращением.

Но понижение нормы прибыли только в том случае знаменовало бы понижение уровня процента, если бы процент составлял какую-либо устойчивую долю прибыли, чего нет в действительности. Понижение нормы прибыли имеет, самое большое, то значение, что понижается теоретически возможный максимальный предел процента, именно вся прибыль; но так как эта максимальная граница вообще не может достигаться процентом на сколько-нибудь продолжительное время, то это «констатирование» не имеет никакого значения.

Важно, напротив, другой момент. Так как при развитых капиталистических отношениях уровень процента изменяется слабо, а норма прибыли, наоборот, падает, то доля процента в общей прибыли до известной степени возрастает по сравнению с предпринимательской прибылью, следовательно, доля праздных капиталистов возрастает за счет функционирующих. Это обстоятельство, правда, стоит в противоречии с догмой о понижении уровня процента, но зато согласуется с фактами и является одной из причин возрастающего влияния и значения капитала, приносящего проценты — следовательно, банков, и служит важным рычагом в превращении капитала в финансовый капитал (Гильфердинг, «Финансовый капитал» гл. 6).

ГОСПОДСТВО БАНКОВ НАД ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

... Картелирование вносит большую устойчивость и равномерность в доходность картелированных предприятий. Устраняется страх конкуренции, которая раньше столь часто представляла смертельную опасность для отдельного предприятия. Но благодаря этому курс акций соответствующих предприятий повышается, а это означает повышенную учредительскую прибыль при всяком новом выпуске акций. Далее, безопасность для капитала, вложенного в данные предприятия, значительно повышается. Это позволяет банкам еще больше расширить промышленный кредит и таким образом увеличить свою прежнюю долю из промышленной прибыли. Значит, картелирование делает отношения между банками и промышленностью еще более тесными, и в то же время распоряжение капиталом, вложенным в промышленность, все более переходит к банкам.

Мы видели, что на заре капиталистического производства деньги к банкам притекают из двух источников. Во-первых, это — деньги непроизводительных классов, во-вторых, это — запасной капитал промышленных и торговых капиталистов. Мы видели дальше, как развитие кредита приводит к тому, что в распоряжение промышленности попадает не только весь запасной капитал класса капиталистов, но и наибольшая часть денег классов непроизводительных. Другими словами, современная промышленность ведется на капитал, который бесконечно больше, чем весь собственный капитал промышленных капиталистов. С капиталистическим развитием постоянно возрастает и та сумма денег, которую непроизводительный класс представляет в распоряжение банков, а через них — в распоряжение промышленности. Банкам принадлежит распоряжение этими необходимыми для промышленности деньгами. Следовательно, с развитием капитализма

и его организации кредита зависимость промышленности от банков растет...

... Власть банков растет по отношению к промышленности, они становятся учредителями, а в конце-концов ее господами (Гильфердинг, «Финансовый капитал», гл. 14).

КРЕДИТ И АКЦИОНИРОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ „ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА“

... С развитием банковского дела, с углублением связей между банками и промышленностью усиливается тенденция, с одной стороны, к устранению конкуренции между банкам, а с другой — к концентрации всего капитала в форме денежного капитала и к тому, чтобы производительные капиталы получали его в свое распоряжение лишь при посредстве банков. В своем последовательном развитии эта тенденция привела бы к тому, что один банк или одна группа банков стала бы располагать всей совокупностью денежного капитала. Такой центральный банк осуществлял бы контроль над всем общественным производством.

В кредите на ряду с вещным выступает личное отношение; оно выступает непосредственно как лично-общественное отношение в противоположность вещно-общественным отношениям других категорий, прежде всего деньгам: в просторечии говорят о «доверии». Точно так же в своих завершённых формах он противоположен капитализму, представляет организацию и контроль в противоположность анархии... (Гильфердинг, «Финансовый капитал», гл. 10).

Способность акционерного общества разрывать те границы, которые накладываются личностью собственника, подчинять свой масштаб величине не личного, а общественного капитала, имела величайшую важность, в особенности при первом появлении акционерных обществ.

Расширение капиталистического предприятия, превратившегося в акционерное общество, может теперь освободиться от уз индивидуальной собственности и совершаться в зависимости исключительно от технических требований. Введение новых машин, присоединение родственных отраслей производства, использование патентов — все совершается уже только с точки зрения технической и экономической рациональности. Отодвигается на задний план самая забота о том, как достать необходимый капитал, которая для частного предприятия играет главную роль, ограничивает его способность к расширению, уменьшает его эластичность и постоянную боевую готовность. Конъюнктуры могут быть использованы лучше, основательнее и быстрее — важное обстоятельство, в особенности тогда, когда продолжительность благоприятных конъюнктур сокращается...

... Акционерное общество обладает сильно повышенной способностью к сопротивлению. Индивидуальный предприниматель необходимо стремится к тому, чтобы реализовать среднюю прибыль. Если он добывает меньше, он станет задумываться о том, чтобы извлечь свой капитал. У акционерного общества это стремление слабее, по крайней мере, у его руководителей, да, впрочем, и у акционеров. Частный предприниматель должен покрывать из доходов издержки на свое собственное существование; если его прибыль падает ниже известной границы, то средства производства будут у него приходить в упадок, потому что частью своего капитала он будет покрывать издержки своего существования. Он банкротится. Иначе с акционерным обще-

ством. Оно стремится получить процент на акционерный капитал. Но вообще-то акционерное общество может существовать до тех пор, пока его деятельность не приносит убытка. Необходимости работать с чистым доходом для него вообще не существует, этой необходимости, которая непосредственно ведет к катастрофе, разражающейся над индивидуальным капитализмом всякий раз, когда его потребление начинает сокращать его капитал и делает его недостаточным...

... Отделение собственности на капитал от его функции оказывает свое влияние и на ведение производства. Заинтересованность собственника в извлечении возможно крупной и быстрой прибыли, тенденция к хищническому хозяйству, дремлющая во всякой капиталистической душе — все это для руководителей акционерного общества до известной степени может отступить на задний план перед чисто техническими требованиями, выдвигаемыми производством. Они более энергичны, чем частный предприниматель, и, несмотря на те жертвы, которых стоит акционерам удовлетворение их требований, будут настаивать на усовершенствовании оборудования производства, на обновлении устарелых приспособлений и энергичнее поведут конкурентную борьбу для завоевания новых областей. В управлении чужим капиталом обнаружится большая энергия, смелость и рациональность, большая свобода от чисто личных соображений; и это тем более, что подобная политика обычно встретит одобрение со стороны крупных, влиятельнейших акционеров, которые легко могут согласиться на переходящие сокращения своей прибыли; ведь, в повышенном курсе и повышенной прибыли они в конце-концов получают плоды за свои жертвы, которые приходится нести и мелким акционерам, получают в то время, как мелкие акционеры уже давным-давно продали свои акции.

Акционерное общество превосходит индивидуальное предприятие в том отношении, что в первом чисто экономические условия и потребности могут положить себе дорогу даже вопреки условиям индивидуальной собственности, которые при известных обстоятельствах вступают в конфликт с технико-экономическими требованиями (Гильфердинг, «Финансовый капитал», гл. 7, § 3).

РЕГУЛИРОВАНИЕ КРЕДИТА КАК ФАКТОР СМЯГЧЕНИЯ КРИЗИСОВ

... Перемены в явлениях кризиса необходимо наступают также и вследствие успехов капиталистической концентрации. С увеличением размеров отдельного предприятия возрастает его способность к сопротивлению...

... С развитием капиталистического производства абсолютно и относительно увеличивается величина той части производства, которая может продолжаться при всяких условиях. Но вместе с тем возрастает размер и той доли товарного обращения, которая остается незастроенной во время кризиса, увеличивается и основывающийся на ней оборотный кредит. Следовательно, разрушение кредита может и не быть столь полным, как оно бывало при кризисах ранней эпохи капитализма. Мало того, развитие кредитного кризиса, с одной стороны, в банковый кризис, с другой — в денежный кризис затрудняется переменами в организации кредита, с одной стороны, и передвижкой в отношении торговли и промышленности — с другой.

Кредитный кризис развивается в денежный кризис, если крушение кредита порождает внезапный недостаток платежных средств. Не-

Достаток же этот отодвигается тем дальше, чем, во-первых, больше размер той части производства, которая будет продолжаться при всяких условиях: ведь в этих условиях кредитные деньги могут и впредь исполнять свою функцию; во-вторых, чем больше размеры тех сделок, которые завершаются посредством кредита, и чем более коммерческий кредит заменяется банковым кредитом: ведь потрясение банкового кредита дело более трудное, чем потрясение кредита отдельного промышленника. Но решающее значение имеет то обстоятельство, что вообще не наступает недостатка в платежных средствах: во-первых, потому, что развитие кредита сокращает потребность в платежных средствах и во время кризиса, так как и тогда продолжается, например, обращение чеков и расчетные операции; а во-вторых, банки, имеющие право выпускать банкноты и сохраняющий свой кредит непоколебимым и во время кризиса, могут предоставить в распоряжение необходимые платежные средства. Мы видели, что в основе обращения банковых билетов лежит обращение векселей. Последнее сокращается потому, что сокращается его базис, обращение товаров. Но обращение векселей сокращается еще сильнее чем товарное обращение, потому что коммерческий кредит испытал потрясение. Теперь банк заменяет коммерческий кредит своим собственным, поскольку это допускается действительным товарным обращением. Он может осуществить это в меру последнего, потому что продолжающееся товарное обращение дает банку уверенность, что соответствующие кредитные требования обеспечены. Следовательно, в меру действительной потребности обращения банк может предоставить в распоряжение обращения свои кредитные деньги и удовлетворить спрос на платежные средства. Но тем самым банк ограничивает спрос на платежные средства действительной потребностью обращения и предотвращает тот почти неограниченный спрос, который, вытекая из страха не добыть платежных средств даже под солиднейшее обеспечение, идет далеко за пределы действительных потребностей и приводит к образованию сокровища в крупном масштабе — следовательно, опять-таки к сокращению платежных средств. Чтобы банк, имеющий право выпускать банковые билеты, мог действовать таким способом для этого необходимо, во-первых, чтобы потрясение не коснулось его кредита — условие очень легко осуществимое в правильно руководимом эмиссионном банке; необходимо, во-вторых, чтобы усиленный выпуск банкнот не представлял угрозы их размену. Это условие осуществляется уже в силу интересов самосохранения банка, диктующих определенные действия: во время кризиса он выдает банкноты только под безусловно надежное обеспечение, и это служит ему гарантией, что он, удовлетворяя потребности обращения, не переходит пределов, налагаемых кризисом. Далее, размен билетов охраняется от всяких непредусмотренных случайностей достаточным запасом наличных денег, прежде всего — золота. С развитием капиталистического производства это условие удовлетворяется возрастающей добычей золота, сосредоточением золота в банках и ограничением функций золота ролью резерва...

... Устранение денежного кризиса предохраняет кредит от полного крушения и является, таким образом, предотвращением банкового кризиса. Натиск на кассы банков не разворачивается, истребование вкладов не приобретает острого и широкого характера, и банки, если только они вообще платежеспособны, могут выполнить все свои обязатель-

ства. Поскольку же банковой кризис возникает не как следствие кредитного и денежного кризиса, а в первую очередь и непосредственно из того, что банковой капитал закреплен и что кредитованные деньги потеряны, постольку можно сказать, что капиталистическое развитие здесь тоже развращает тенденции к смягчению кризиса для капитала.

И тут величайшую роль играет концентрация банков. Колоссально расширяя сферу операций, распространяя ее на различные национальные хозяйственные территории, стоящие на различных ступенях капиталистического развития, банки благодаря концентрации достигают несравненно более широкого разделения риска. Далее, возрастающая концентрация банков совершенно параллельна с изменением их позиции по отношению к спекуляции торговли и промышленности. Прежде всего уже вследствие преобладания капиталистической силы, концентрация банков знаменует передвижку в соотношениях силы в пользу банка. Сила же банков не только количественно значительнее, чем сила их должников; превосходство банка является и качественным вследствие того, что банк располагает капиталом в денежной форме, т. е. в форме, постоянно готовой к функционированию. Но этим превосходством предотвращается такая возможность, чтобы крупный, хорошо управляемый банк попал в полную зависимость от судьб одного или немногих предприятий, в которых он закрепил свои средства; в такую зависимость, при которой крах этих предприятий во время кризиса неминуемо увлек бы за собою и банк...

Обращаясь к исследованию особых причин, затрудняющих возникновение банкового кризиса, следует упомянуть прежде всего, что спекуляция — притом и спекуляция с товарами и спекуляция с фондами — очень много утратила в своей широте и значении...

... Если же вследствие особых условий биржевая товарная торговля кое-где играет еще видную роль, движение спекуляции все более подчиняется банкам, к которым вследствие развития кредитной организации все более переходит распоряжение совокупным денежным капиталом и которые могут не допустить этого движения дальше известных границ...

... В том же направлении, т. е. затрудняя возникновение банковых кризисов, действуют перемены в явлениях промышленного кризиса, а также развитие господства банков над промышленностью...

... Банки непосредственно контролируют применение капитала в обществах, которые они поддерживают своим кредитом. Контроль осуществляется все с большей систематичностью по мере того, как разворачиваются тенденции, ведущие к зависимости промышленности от банков. Банки препятствуют тому, чтобы кредит употреблялся на что-либо иное, кроме нужд предприятий. В прежних кризисах крупную роль играло то обстоятельство, что индивидуальные предприниматели принимали выдающееся участие в спекуляции и затрачивали на нее капитал своего предприятия, которое в таком случае приходилось вести дальше с помощью ссудного капитала. Банк, подчиняющий предприятие своему контролю, полагает этому конец (Гильфердинг, «Финансовый капитал», гл. 20).

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ КРЕДИТ

... Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал до чрезвычайности облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли

производства, будет достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладеет финансовым капиталом, это немедленно передаст ему распределение важнейшими отраслями производства...

... Овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным. Экспроприацию незачем будет распространять на многочисленные крестьянские и промышленные мелкие производства, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным-давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях, когда процесс экспроприации оказался бы в силу децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно медленным развитием подготовить этот процесс к зрелости, т. е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоренное теми экономическими выгодами, которые сознательно предоставляются обществам: ведь, финансовый капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма (Гильфердинг, «Финансовый капитал», гл. 25).

ГЛАВА VII

ИЗВРАЩЕНИЯ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ КРЕДИТА И. А. ТРАХТЕНБЕРГОМ

Марксо-ленинская теория кредита подвергается ряду серьезных извращений в работе проф. И. А. Трахтенберга «Современный кредит». Придерживаясь меновой концепции в трактовке экономических явлений еще в более ранней своей работе «Бумажные деньги», Трахтенберг излагает и явления кредита в полном согласии с той же концепцией. Предавая забвению диалектический метод Маркса, согласно которому экономические категории суть категории исторические, Трахтенберг с самого начала пускается в поиски формального определения кредита, независимо от специфического характера капиталистического строя производства. После довольно кропотливого, формально логического анализа отличий акта ссуды от акта купли-продажи, Трахтенберг заявляет, что «кредит как экономическую категорию следует определить как производственное отношение, вырастающее и развивающееся на основе сделок ссуды»¹⁾. Помимо идеалистического представления о производственных отношениях как о меновых отношениях, в этом определении бросается в глаза то, что кредит характеризуется не как капиталистическая категория, а как категория внеисторическая, приложимая к любому способу производства, где имеют место акты ссуды. В самом деле, какое различие можно провести, согласно определению Трахтенберга, между ростовщическим, например, кредитом и кредитом промышленного капитализма. Ровным счетом никакого, потому что как тот, так и другой вид кредита совершаются в форме актов ссуды. Это абстрактное и бессодержательное определе-

ние кредита, при котором кредит берется не на почве противоречий промышленного капитала, порождает дальше механистический отрыв Трахтенбергом ссудного капитала от реального. Рассматривая кредит, как внеисторическую категорию, Трахтенберг всюду подчеркивает момент различия между ссудным и промышленным капиталом и совершенно игнорирует их внутреннее единство. Это обнаруживается, например, в неправильном понимании им сущности фиктивного капитала, который он отождествляет с ссудным капиталом. Фиктивный капитал, с его точки зрения, «обладает всеми признаками ссудного капитала»²⁾ и представляет собой не сферу приложения ссудного капитала, как это считает Маркс, а «форму ссудного капитала»³⁾. Еще резче это положение Трахтенберг сформулировал в следующих словах: «Различие между ссудным капиталом и фиктивным можно конструировать только теоретически. Не имея различия в конкретных формах своего воплощения, они на практике не могут быть отделены друг от друга»⁴⁾.

Далее, отрыв ссудного капитала от промышленного обнаруживается у Трахтенберга в том, что он рассматривает ссудный капитал и процент как выражение отношений только между капиталистами, противопоставляя тем самым внутриклассовые отношения (отношения между капиталистами) межклассовым (отношениям между капиталистами и рабочими). «Ссудный капитал как капитал, — говорит Трахтенберг, — характеризует отношение собственников орудий производства и наемных рабочих; ссудный капитал как ссудный капитал характеризует отношение между двумя группами капиталистов»⁵⁾. Таким образом, в то время как Маркс (как было показано в I главе I раздела) подчеркивает, что именно в ссудном капитале наиболее резко выступает антагонизм между наемным трудом и капиталом, Трахтенберг всю специфичность ссудного капитала сводит к тому, что в нем выражаются отношения между двумя группами капиталистов (денежными и функционирующими); классовое содержание ссудного капитала при этой трактовке вопроса выхолащивается.

Наконец, игнорирование единства ссудного и реального капитала обнаруживается и в трактовке Трахтенбергом вопроса об источнике ссудного капитала. Выпячивая на первый план в качестве источника ссудных капиталов капиталы денежных капиталистов, он при этом утверждает, что «процесс высвобождения денежного капитала из кругооборота промышленного капитала не имеет значения или имеет небольшое значение как источник накопления ссудных капиталов»⁶⁾. Это положение Трахтенберга находится в полном противоречии с приведенным нами ранее указанием Маркса о том, что высвобождение денежного капитала в процессе кругооборота промышленного капитала образует «основу кредитной системы».

Допуская описанный идеалистический отрыв ссудного капитала от промышленного, Трахтенберг механистически, в полном согласии со своими неправильными исходными позициями, противопоставляет кредит эпохи империализма кредиту промышленного капитализма. Конечно, отличать кредит в условиях империализма и промышлен-

1) Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 2-е, стр. 107.

2) Там же.

3) Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 1-е, стр. 68—69.

4) Там же, изд. 2-е, стр. 41.

5) Там же, изд. 1-е, стр. 147.

ного капитализма не только возможно, но и необходимо, как это мы уже отмечали, касаясь в ходе предыдущего изложения вопросов кредита в современном капитализме. Но Трахтенберг имеет в виду не это. Он говорит о том, что в сущности ссудный капитал и кредит являются развитыми категориями не промышленного капитализма, а категориями финансового капитализма, а потому, — заявляет он, — «современная теория кредита должна быть не только, а еще вернее, не столько теорией кредита капиталистического хозяйства, сколько теорией кредита финансового капитализма»¹⁾... ибо кредит только в условиях финансового капитализма достигает своей завершенности»²⁾. Вздорность этих положений Трахтенберга не требует особых опровержений после того, как мы познакомились с теорией кредита Маркса, который, конечно, не смог бы дать той завершенной теории кредита, которую (вопреки Трахтенбергу) он дал, если бы ссудный капитал и кредит развивались как особые категории только на базе империализма, а не промышленного капитализма, в условиях которого протекала вся деятельность Маркса.

В непосредственной связи с отмеченной трактовкой кредита и ссудного капитала как специфических категорий эпохи финансового капитализма, а не промышленного капитализма, находится у Трахтенберга механистическое отнесение коммерческого и банкирского кредита к двум стадиям развития капитализма. «Коммерческий кредит — пишет Трахтенберг — является типичной формой кредита в условиях промышленного капитализма, банкирский кредит — в условиях капитализма финансового»³⁾. Этот свой тезис Трахтенберг аргументирует тем, что, хотя банкирский кредит и имел место в промышленном капитализме, но он тогда занимал подчиненное положение по отношению к коммерческому кредиту. Последний якобы в условиях промышленного капитализма обслуживал собственными силами требования расширенного воспроизводства, обходясь без помощи банкирского кредита (путем превращения в последний в форме учета векселей). Лишь с наступлением эры финансового капитализма, по мнению Трахтенберга, происходит все большее и большее осложнение коммерческого кредита банкирским, пока, наконец, последний не становится господствующей формой кредита. И здесь механистичность методологии Трахтенберга обнаруживается в том, что он не понимает диалектического соотношения между базисом и надстройкой. Коммерческий кредит, который, по Марксу, как мы установили ранее, является основой всей кредитной системы, сопровождается уже в условиях промышленного капитализма огромным развитием базирующегося на нем банкирского кредита и в свою очередь, осложняясь последним, находит свое дальнейшее развитие. При империализме этот процесс приобретает еще большие масштабы, и воздействие банкирского кредита на коммерческий сказывается еще сильнее. Мы имеем здесь обычное обратное влияние надстройки на свой базис.

Заклочительным положением, логически вытекающим из отмеченных и венчающим всю формалистически-идеалистическую концепцию, является утверждение о господстве ссудного капитала и закономерностей его движения над промышленным капиталом и закономерностями его движения. Трахтенберг прямо так и заявляет об этом в

ледующих словах: «Во-первых, в условиях финансового капитализма самостоятельность ссудного капитала, находящего свое определение в противопоставлении другим формам капитала — промышленному и торговому, достигает своей законченности и завершенности, и, во-вторых, эта категория становится господствующей»⁴⁾. В другом месте он пишет: «Господствование ссудного капитала проявляется, во-первых, в том, что закономерности отношений промышленного капитала подчиняются воздействию закономерностей ссудного капитала»⁵⁾. В этом тезисе о господстве ссудного капитала над промышленным Трахтенберг в перефразированном виде дает гильфердинговскую трактовку финансового капитала, в корне расходясь с ленинским пониманием его. Под видом исследования кредита и ссудного капитала якобы в эпоху финансового капитализма Трахтенберг по существу дает трактовку категории финансового капитала, при чем, говоря о господстве ссудного капитала над промышленным, он в других словах повторяет гильфердинговское понимание финансового капитала как господства банковского капитала над промышленным капиталом, ибо движение ссудного капитала совершается, как правило, через банки.

Это единство выводов, к которым приходят Трахтенберг с Гильфердингом в теории кредита, ничего неожиданного в себе не содержит. Общие им обим формалистически-идеалистические исходные позиции, связанные меновой концепцией, которую они разделяют, должны были при последовательном их применении объединить теории Трахтенберга и Гильфердинга также и в конечных выводах.

На воззрения Трахтенберга в теории кредита на ряду с Гильфердингом оказали существенное влияние современные буржуазные теории (Гана, Шумпетера и др.) о капиталотворческой роли банков.

Мы выяснили в предыдущем разделе, что основная функция банков заключается в посредничестве в движении ссудных капиталов. На базе этой своей основной функции банки, правда, приобретают способность, с одной стороны, превращать деньги, которые без них не стали бы капиталом, в ссудный капитал, а с другой стороны, создавать кредитные знаки, используемые ими как добавочный для себя капитал. Однако отнюдь не Марксу, а буржуазным экономистам капиталотворческого направления в теории кредита, как мы видели в настоящем разделе, свойственно приписывать банкам способность создавать капитал, не только для себя, но и для общества. Аналогичные взгляды развивает по этому вопросу и Трахтенберг. Опираясь на известные факты выпуска банком кредитных орудий обращения, Трахтенберг вслед за Ганом и Шумпетером усматривает в этих фактах доказательство того, что функцией банков на ряду с посредничеством и превращением денежных сбережений в ссудный капитал, является то, что они «создают кредит и ссудный капитал»⁶⁾. Чувствуя, что источник этого положения в его теории всякий легко может обнаружить, Трахтенберг безуспешно старается отгородить себя от Гана. По мнению Трахтенберга, при выпуске новых покупательных и платежных средств, с точки зрения Гана, банк создает капитал, в действительности же здесь создается ссудный капитал⁴⁾. Но здесь между Ганом и Трахтенбергом в действительности никаких расхождений нет.

¹⁾ Трахтенберг «Современный кредит» изд. 1, стр. 32.

²⁾ Там же, стр. 39.

³⁾ Там же, изд. 1-е, стр. 72.

¹⁾ Там же, изд. 2 стр. 35.

²⁾ Там же, стр. 112.

³⁾ Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 2-е стр. 218.

⁴⁾ Там же, стр. 217.

Во-первых, Ган ни в одном месте в своих работах не говорит о том, что творческую способность банков он понимает как создание реального капитала. Напротив, банк, по его мнению, создает кредит или покупательную силу, которая, будучи предоставлена в руки предпринимателя, приводит к созданию новых капиталов путем принудительного перераспределения имеющихся в обществе благ. Буквально то же самое повторяет Трахтенберг в следующих словах: «Создавая судный капитал, предоставляя покупательные и платежные средства промышленному или торговому капиталисту, банки дают этому последнему возможность приобрести элементы капитала и привести их в движение... «Создание» судного капитала (его предоставление) таким образом ведет к перераспределению реальных капиталов»¹). Развивая таким образом вслед за Ганом взгляд о способности банка создавать капитал, Трахтенберг старается совершенно неудачно это свое положение обосновать ссылками на Маркса. Маркс, правда, признавал известную способность банка к созданию кредитных знаков в пределах реальных требований товарооборота. Но эти кредитные знаки (банкноты, чеки и т. д.) он одновременно называл фиктивным капиталом самого банка, а не судным капиталом. Трахтенберг же, который отождествляет судный капитал с фиктивным, естественно, приходит к выводу о создании банками судного капитала. Тем самым он впадает в ошибку, подобную той, о которой еще Марксом было сказано, что форма кредита, осуществляемая посредством эмиссии кредитных знаков, «кажется профану особенно поразительной и важной...»

Влияние указанных буржуазных экономистов на воззрения Трахтенберга сказывается и в его положении о господстве закономерно-сти судного капитала над движением реального капитала. Как гильфердинговское положение о господстве банков над промышленностью, так и указанное утверждение Трахтенберга смыкаются с буржуазными воззрениями на кредит как на фактор, господствующий и определяющий движение конъюнктуры.

Строя свою теорию кредита, как мы показали, под сильным влиянием Гильфердинга и Гана, Трахтенберг, оставаясь последовательным, должен был бы притти к буржуазной и социал-фашистской теории организованного кредитного хозяйства. Но от этой постановки точки над «и» он в своих работах воздержался. Тем не менее не следует упускать из виду те политически ошибочные и вредные выводы, которые логически вытекают из его теоретической концепции.

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ

к главе VII „Извращения марксовой теории
кредита И. А. Трахтенбергом“ (для критики)²

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРЕДИТА

... Кредит, как мы уже указывали, можно рассматривать с двух точек зрения. Кредитом можно считать определенный вид меновой сделки. Такое определение кредита выводится из его технико-юридических признаков, потому-то оно и слишком общее и слишком формально. Такое определение оказывается пригодным для характери-

стики кредита различных систем хозяйства, но как-раз потому, что оно пригодно для характеристики различных экономических систем, оно недостаточно для характеристики каждой из них в отдельности. Может-быть оно еще достаточно для рудиментарных форм кредитных связей, но абсолютно недостаточно для характеристики кредита высоко развитого капитализма. Оно слишком формально, так как не характеризует существа содержания изучаемого явления.

Но можно рассматривать кредит и иначе. Под кредитом можно разуметь определенный специфический тип социальной связи. Тогда кредитная сделка рассматривается только как форма осуществления этой связи. Обе стороны вопроса тесно между собою связаны, одна обуславливается другой. Но вместе с тем необходимо заметить, что одной и той же формой могут осуществляться различные типы социальной связи. Это как-раз мы наблюдаем при кредите.

И та и другая постановка вопроса закономерна. Но закономерность эта определяется целями, которым служит данное определение. Если иметь в виду характеристику кредитных связей, как они осуществляются в рамках менового хозяйства на всем его протяжении, если предполагается абстрагирование от тех конкретных специфических особенностей, которые свойственны отдельным стадиям менового хозяйства, тогда формальное определение кредита как особого вида сделок может быть достаточным. Если же иметь в виду дать характеристику кредитных отношений, как они складываются в определенной стадии товарного хозяйства, например, в настоящее время, в эпоху высоко развитого капитализма, финансового капитализма, то формальное определение оказывается абсолютно непригодным. Формальное определение может оказаться достаточным для характеристики кредитных связей в простейшем их и наименее сложном виде, но это формальное определение недостаточно для характеристики кредитных связей финансового капитализма, т. е. до конца развернутого сложного кредита, каким он является в настоящее время.

... Рассматривая же кредит как социальную категорию, следует его определить как общественное отношение, вырастающее и развивающееся на основе сделок ссуды. Не сама по себе сделка ссуды составляет сущность кредита как социальной категории, а те общественные отношения, которые вырастают на основе этих сделок. Поскольку сделки ссуды целым рядом чрезвычайно важных моментов отличаются от других сделок, в частности от купли-продажи, постольку, определяя кредит как общественное отношение, развивающееся на основе сделок ссуд, мы характеризуем его как специфический тип социальной связи (Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 1-е, гл. 1).

ФИКТИВНЫЙ И ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

... Фиктивный капитал не является особым видом, сортом капитала, а только особой формой судного капитала. Судный капитал отличается от капитала потому, что типы социальной связи, отображением которых является тот и другой, различны. Фиктивный же капитал есть то же общественное отношение, что и судный капитал.

Существует, конечно, и различие между судным капиталом и капиталом фиктивным, но это различие не в характере отображаемых ими социальных связей, а в характере их отношений к капиталу реальному.

¹ Трохтенберг, „Современный кредит“, изд. 2-е стр. 219.
² Выдержки из работы Трахтенберга приводятся по 1-му изданию, так как в нем его взгляды выражены более отчетливо, чем во 2-м издании.

Ссудный капитал как денежный является непосредственно превращенной формой реального капитала; фиктивный капитал потому и фиктивен, что он превращенной формой реального капитала не является. Ссудный капитал отображает капитал реальный, как его бытие, так и движение; фиктивный капитал рефлектирует только движение реального капитала. Ссудный капитал находит свою значимость в своей непосредственной связи с капиталом реальным; фиктивный капитал определяет свое бытие только как отражение капиталистической прибыли.

Различие между ссудным капиталом и капиталом фиктивным можно конструировать только теоретически. Не имея различия в конкретных формах своего воплощения, они на практике не могут быть отделены друг от друга (Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 1-е, гл. II).

ФОРМЫ КРЕДИТА

... Две формы кредита соответствуют двум стадиям развития капитализма. Коммерческий кредит является типической формой кредита в условиях промышленного капитализма; банкирский кредит — в условиях капитализма финансового, в эпоху промышленного капитализма банкирский кредит является подчиненной коммерческому формой кредита; в эпоху финансового капитализма, наоборот, коммерческий кредит оказывается подчиненной банкирскому формой кредита...

... Коммерческий кредит типичен для эпохи промышленного капитализма, но это не значит, что промышленный капитализм характеризуется только этой формой кредита. И в эпоху промышленного капитализма рядом с коммерческим кредитом существует кредит банкирский, который, осуществляя движение ссудного капитала, осложняет коммерческий кредит. Но все же в этой стадии развития капитализма банкирский кредит остается подчиненной формой кредиту коммерческому, поэтому последний является типическим и характеризует эпоху; в эпоху же финансового капитализма осложнение коммерческого кредита банкирским достигает таких размеров и принимает такие формы, при которых уже банкирский кредит становится господствующей формой кредита, подчиняет себе коммерческий кредит. В эту эпоху банкирский кредит становится типическим и он дает характеристику эпохе (Трахтенберг, «Современный кредит», 1-е, изд., гл. III).

ССУДНЫЙ КАПИТАЛ КАК КАТЕГОРИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Современный кредит характеризует общественные отношения, возникающие и развивающиеся на почве движения ссудного капитала...

... Различие кредитных связей различных стадий товарного хозяйства находит свое выражение в различии объектов, переход которых из рук в руки осуществляется сделками ссуды. В простом товарном хозяйстве кредитная связь осуществляет переход товаров из рук в руки. Объектом сделки является товар как стоимость и как потребительская стоимость. Уже с развитием денежного хозяйства происходит трансформация кредитных отношений. В своем вещном выражении эта трансформация проявляется не только в том, что объектом сделок ссуды начинают выступать как товар, так и деньги, но и в том, что

всякое движение товаров как объектов кредитных сделок представляется как движение денег. Один контрагент сделки продает другому товар в кредит. Товар находит денежную оценку, и само движение товара представляется как движение денег. Объектом кредитных сделок является уже стоимость, но не потребительская стоимость. Так как наиболее общим и абстрактным воплощением стоимости являются деньги, то всякий объект кредитной сделки, хотя бы и товар, выступает в данном случае только как стоимость и представляется как деньги. В этом как-раз проявляется господство денежного хозяйства: закономерностям денежных ссуд подчиняется движение всех других объектов кредитных сделок, или, иначе, закономерности социальных отношений, вырастающих на основе сделок денежных ссуд, подчиняют себе все другие отношения, вырастающие на основе всяких других сделок ссуды, даже если объектом этих последних являются не деньги, а товары.

В условиях промышленного капитализма происходит дальнейшая трансформация. Кредитные сделки промышленного капитализма осуществляют движение не стоимости, а капитала. Основным объектом сделок ссуды является капитал, который может быть как в товарной, так и в денежной форме. Рядом с такими кредитными сделками совершаются сделки, объектом которых являются товар или деньги как стоимости. Но господство отношений промышленного капитализма проявляется в том, что всякое движение товара или денег как объекта кредитных сделок представляется как движение капитала. Это можно выразить иначе. Все социальные отношения, вырастающие на почве сделок ссуды, подчиняются закономерностям социальных отношений, вытекающих из кредитных сделок, объектом которых является капитал.

Наконец, в эпоху финансового капитализма кредит как социальное отношение вновь трансформируется. Во внешнем своем выражении это проявляется в том, что основным объектом кредитных сделок является не просто капитал, а ссудный капитал, т. е. особая форма капитала, находящая свое определение (характеристику) в противопоставлении другим формам капитала, промышленному и торговому. И в эту эпоху наблюдаются, и очень часто наблюдаются, кредитные отношения, присущие простому товарному хозяйству и в особенности промышленному капитализму. Но господство социальных связей финансового капитализма проявляется в том, что всякое движение капитала как объекта кредитных сделок представляется движением ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты. Тем закономерностям, которые имманентно присущи социальным связям, возникающим из движения ссудного капитала, подчиняются закономерности социальных связей, вырастающих из кредитных сделок, объектом которых является стоимость (товар или деньги) или капитал. В эпоху финансового капитализма всякая кредитная сделка, будь объектом этих сделок товар, будь объектом этих сделок деньги, будь объектом сделок капитал, представляется (рассматривается) как движение ссудного капитала, под которым разумеется особая самостоятельная экономическая категория, выражающая специфический тип социальных связей...

Изучение кредита как категории финансового капитализма тем более имеет оправдание, что в сущности только в эту эпоху кредит достигает законченности и определенности. Различия между стадиями

началось чуть ли не с возникновения менового хозяйства, но только в условиях финансового капитализма, стало-быть, предельного (конечного) состояния товарного хозяйства, кредит развертывается полностью и обнаруживает все свойственные ему черты. Характерно, что именно в эту эпоху объектом сделок суды становится ссудный капитал, который имеет только эту форму отчуждения. Кредит как социальное отношение находит свое полное исчерпывающее отображение в объекте кредитных сделок. Здесь в максимальной степени сростается форма явления с его сущностью; здесь только, стало-быть, кредит как экономический феномен обнаруживается во всей своей законченности (Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 1-е, гл. 1).

ГОСПОДСТВО ССУДНОГО КАПИТАЛА НАД ПРОМЫШЛЕННЫМ

Характерной для финансового капитализма чертой, важной для рассматриваемой нами проблемы, является господство выделвшегося в самостоятельную экономическую категорию ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты. Ссудный капитал существовал и до эпохи финансового капитализма; больше того, его прообраз в виде ростовщического капитала существовал задолго до капитализма, но как-раз в условиях финансового капитализма он приобретает особое значение. Во-первых, в условиях финансового капитализма самостоятельность ссудного капитала, находящего свое определение в противопоставлении другим формам капитала — промышленного и торгового — достигает своей законченности и завершенности и во-вторых, эта категория становится господствующей в том смысле, что она подчиняет себе, закономерностям своего движения, другие формы капитала (Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 1-е, гл. 1).

Господствование ссудного капитала проявляется, во-первых, в том, что закономерности отношений капитала начинают подчиняться закономерностям ссудного капитала. Движение капитала принимает формы движения ссудного капитала.

Во-вторых, это господствование проявляется в том, что продукт капитала—прибыль—начинает облекаться в форму процента — продукта ссудного капитала (Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 1-е, гл. V).

Всегда с самого своего возникновения кредит концентрировал на себе внимание общественных интересов и общественной мысли. Объясняется это исключительно большой ролью, которую играл кредит на всем протяжении народнохозяйственной истории. Корни кредита надо искать в самом начале возникновения менового хозяйства; кредит имел большое значение и на всех стадиях развития народного хозяйства. Во все исторические эпохи развивающийся кредит оказывался революционным фактором, трансформировавшим и преобразовавшим общественные отношения; кредит устанавливал совершенно очевидную и перманентную связь между индивидуальными участниками хозяйства, соединял и скреплял разрозненные хозяйственные единицы, содействовал централизации богатства и экспроприации чужого труда, являлся действенным методом и средством перераспределения производительных сил.

Кредит создает рабовладельческую систему древнего мира, затем ее разрушает — здесь кредитные отношения отражают классовую борьбу (кредиторов и должников), в средние века кредит подчиняет

кредит базу крепостного режима; в то же время он уничтожает экономическую самостоятельность городского ремесленника и подготавливает почву для перехода к мануфактуре; он внедряет денежные отношения в патриархальное крепостное хозяйство и тем содействует трансформации отношений между крестьянином и помещиком; кредит предоставляет денежные средства средневековому феодалам и этим подслабляет их власть, создает предпосылки для трансформации феодально-сословных форм общежития; централизуя крупные денежные средства, кредит организует одну из предпосылок и элементов товарно-капиталистического хозяйства — капитал; разоряя ремесленника и крестьянина, создает другую основную предпосылку этой хозяйственной системы — наемный труд; кредит содействует превращению товарного хозяйства в капиталистическое, чтобы затем трансформировать и это последнее в предельное состояние капиталистической системы — финансовый капитализм (Трахтенберг, «Современный кредит», 1-е изд., гл. 1).

БАНК КАК СОЗДАТЕЛЬ ССУДНОГО КАПИТАЛА

...Несмотря на различие банкноты и депозита, их сближает то, что оба они являются своеобразным платежным средством. Создавая их, банки создают кредит и ссудный капитал.

В сущности выпуском банкнот и деланием депозитов не исчерпывается функция банков по созданию покупательных и платежных средств и превращению их в ссудный капитал. Выпуск всякого рода долговых обязательств, которые хотя бы и временно и в каком бы то ни было размере могут выполнять роль знаков ценности — есть в сущности создание ссудного капитала...

...Ошибка Гана заключается в том, что он эту способность банков создавать покупательные и платежные средства подчеркивает. Это скорее надо поставить ему в заслугу. Это выгодно отличает его от других представителей буржуазной науки.

Ошибка его, практика-банкира, которому кажется, что банки являются осью всей экономической системы, заключается в следующем.

Во-первых, Ган эту функцию обобщает, думает, что этой функцией главным образом характеризуется банк. В действительности же эта функция, хотя и самостоятельна, но обусловлена другими функциями банка. Если бы банки не являлись посредниками между денежными и функционирующими капиталистами; если бы банки не превращали денежную форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал; наконец, если бы банки не превращали доходы в ссудный капитал — они не могли бы выполнять функций создания платежных средств и превращения их в ссудный капитал. Эта функция производная от первых. Первые составляют базу и основание его развития.

Во-вторых, Ган полагает, что эта способность чуть ли не безгранична — она ограничена только формальными установлениями, но ведь последние дело рук человеческих». В действительности же эта способность весьма ограничена и обусловлена объективными условиями народнохозяйственных процессов. На этом нам еще придется остановиться в дальнейшем.

Наконец, в-третьих, с точки зрения Гана, банк создает капитал, в действительности же здесь создается ссудный капитал, что далеко не одно и то же...

...Создавая ссудный капитал, банки доставляют клиенту платежные и покупательные средства, которые являются или превращенной формой имеющегося у клиента капитала, или же новым добавочным капиталом. Создавая ссудный капитал, предоставляя покупательные и платежные средства промышленному (или торговому) капиталисту, банки дают этому последнему возможность приобрести элементы капитала и привести их в движение. Получивший в банке ссуду клиент может превратить ссудный капитал в капитал реальный, но это он может сделать только потому, что элементы реального капитала — машины, сырье, средства продовольствия рабочих и т. д. имеются налицо. «Создание» ссудного капитала, его предоставление, таким образом, ведет к перераспределению реальных капиталов, но не к изменению их общей массы, как актуальной, так и потенциальной, обусловливаемой реальными производственными отношениями (Трахтенберг, «Современный кредит», изд. 1-е, гл. 7).